

Свист оглушал. Отвратительный, всепоглощающий, он рождался из обжигающего бульканья, ускорившегося, переходящего в глухой свист, и, наконец, вырывался наружу протяжно и жутко. Этот навязчивый звук никак не желал исчезать и вытягивал, выдергивал, выскребал сознание из непроглядного мрака забвения.

Для меня не существовало ничего кроме этого свиста, источник его был где-то совсем рядом, являясь одновременно средоточием невыносимой боли, ему вторили громадные барабаны в висках, выбивая ритм еще не оконченной жизни.

Первой мыслью была именно эта – жив. Я смаковал ее как изысканное блюдо, как глоток терпкого вина, подогретого в прохладный вечер, как прикосновение желанной женщины... Восторг длился целую вечность...

Но пришлось окончательно приходиться в себя.

Я валялся, скорчившись в неудобной позе, умоляя ноющее плечо вытащить согнутую за спиной, онемевшую левую руку. Но все что я смог в своей жалкой попытке вернуть свое тело – немного пошевелить свободной рукой и подтянуть затекшие колени к животу.

Но хуже всего было там – внутри, в голове, в глубине. Затылок будто проваливался сквозь поверхность, на которой покрился, мысли сминались невидимыми жерновами и пылью стекали в никуда. Я панически боялся потерять себя, высипаться, пока крошечная тьма, в которой растворялось сознание, не выплеснулась наружу. Тьма заполнила все окружающее пространство, так что было невозможно понять, нахожусь ли я во власти мрака, или полностью ослеп.

Я потянулся к глазам, ожидая что пальцы провалятся в пустые глазницы, но не нашел даже лица. В отчаянье, я уронил обессиленную руку и заорал от острой, как кинжал боли в пальцах. На ощупь оказалось, что они вывернуты подо всеми возможными углами. Представив, как рука выглядит со стороны, я вспомнил палец Фамиреза.

Жирный, грязный, волосатый палец, такой же мерзкий, как и его обладатель, был главным действующим лицом в активной жестикуляции Фамиреза. Коротышка размахивал руками, попеременно указывая то на ночной Город за окном, то на мое разбитое лицо, и захлебывался в изобличительных признаниях. Фамирез театрально заламывал руки, потрясал засаленной шевелюрой, бегал глазами и даже пытался громко всхлипывать. В общем, старательно изображал из себя идиота. А как же иначе? В караулку Квартальной тюрьмы Испорта добровольно зайдет только законченный кретин, а уж если выпустят, то вперед ногами, или гораздо хуже – завербуют в доносчики.

Но как может быть стукачом призрак? Фамирез, чертов бывший городской Заправила! Ты же лет семь, как мертв!

Но привидение как ни в чем не бывало, восседало на деревянном стуле, и, призывая в свидетели Строителя со всеми святыми, загибало пальцы, перечисляя мои бесконечные грехи. Не забывая, впрочем, напоминать дюжм ребятам из Городской Стражи о награде, назначенной Шерифом за мою поимку.

Бравые служаки слушали его в пол уха, азартно вгоняя мои ребра в мои же легкие, подошвами подкованных по уставу сапог. Прижатый к кадыку клинок исключал всякое сопротивление, и мне оставалось лишь корчиться от боли и ждать, пока они выдохнутся и оставят меня в покое. Экзекуция была вопиющей неуставщиной, но судя по рвению, именно этой троице я изрядно подправил физиономию на прошлой неделе, когда вляпался в облаву, потягивая пиво у Ло. В тот раз мне повезло и

я умудрился улизнуть. Сегодня же, меня качественно выпасли и вырубили без лишней церемонии... Демоны, еще немного и эти изверги с орлами на накидках, просто забьют меня до смерти. Лязгнула дверь. Резкая как удар бича команда, и недовольные служители закона, ворча, отступились. В караульном помещении повисла тишина, лишь пьяный хохот кавалеров и игривые взвизги их благородных спутниц, кутящих на улицах в ночной прохладе и вечном бездельи, перекрывал хриплую одышку утомившихся от избиения Стражей.

Я мотнул головой, в попытке разогнать разноцветные круги перед глазами и сфокусировал взгляд на вошедшем человеке. Шериф стоял передо мной, положив левую руку на эфес меча, покрывающегося в перевязи, покрытой вензелями с искусно вышитой геральдической литерой «Ш». Этот знак принадлежности к семье благородной крови довольно нелепо выглядел на фоне сине-желтого офицерского камзола.

Зато лицо Шерифа Шруарта источало такую уверенность и силу, что не запомнить его было тяжело. Волевой подбородок, широкие скулы, тонкий нос, выдающий аристократическое происхождение, поджатые губы... И глаза...

Чуть прищуренные, усталые, окруженные мелкими морщинками... Но пронзительный взгляд Шерифа не оставлял сомнений в том, что он видит меня, таффера, до самых печенок. Я отвернулся.

Шериф присел на одно колено, скрипнув сапогами, взял меня за подбородок, развернул лицом к себе и поднес свечу. Когда пламя осветило мой правый глаз, у офицера непроизвольно дернулась щека и заиграли желваки на скулах. Еще бы... Полгорода считает, что именно я укоротил его папочку...

Но Шруарт полностью подтвердил свою репутацию. Он подавил гнев, встал, отряхнул руки и с натугой выдохнул. Неопределенное движение пальцами, в сторону подчиненных и хмурые стражники кинули меня на заплеванные доски...

- Это он, он, Я точно говорю... посмотрите на глаз... на глаз посмотрите а? - гадливо запричитал забившийся в угол Фамирез.

- Заткнись - оборвал его Шериф - прекратит избивать, утром вздернуть - это уже стражам...

Хороший он все-таки парень - этот новый шериф. Не глупый, лишнего зверства не допустит, от кастрации нос воротит, да и луком от него не пахнет как от тех небритых...

Парень - закон, про таких говорят. Жаль, долго не протянет с этими шакалами. Свои же и кончат. «Найдут» в коллекторах с перерезанной глоткой и руками разводите начнут, мол, врагов много нажил. И забудут. Барон нынче совсем плох стал, на мелочи такие с ложа и не взглянет.

А ведь даже имени шерифа я не знаю... столько рыл вокруг, все мразь на мрази... этих помню... и титулы и имена. А один приличный человек подвернулся и на тебе...

Проводив начальника станции взглядом, притихший, было, Фамирез, зашептался, о чем, что с тройкой стражников. Сквозь недельную щетину и опухшие щеки похмельного безразличия проступил живой интерес. Поросячьи глаза воровато забегали... Демоны, речь явно зашла о золоте и моей шкуре... выводы расстроили бы кого угодно.

Пока они шептались, я прикинул, что, в общем-то, Фамирез единственный сейчас знает меня в лицо, кроме оставшихся Хранителей, да еще пары абсолютно надежных людей. И не забыть мой портрет за столько лет он резон имел... Я ему, гаду, каждую ночь снился. И когда нашел он свои закрома пустыми, и когда понял что годовую взятку платить нечем, и когда Лорды об этом узнали, и когда на куски его за это резали... Значит, не дорезали...

Или сбежал, или притворился... теперь у шерифа в стукцах... Крыса. И меня гад сдал. Есть за что.

В общем, упал я с нар там, в караулке... и напрямик сюда. Осталось выяснить куда это - сюда.

Сначала пальцы... есть надежда, что не сломаны. Изувечить пальцы - обычная практика против убийц - чтоб оружия держать не могли. Раньше просто рубили, не мудрствуя, но престарелый Барон, не имевший наследников, проявил особым указом гуманность.

Шақ и ест - просто выдернуты из суставов. Нащупал ремень, зажал в зубах толстую кожу и принялся восстанавливать конечность. Главное что бы тихо. А то мало - ли куда меня определили. На указательном пальце, я снова отключился, потом дело пошло веселее.

Пришла пора исследовать глаз.

Упокойся брат Каррас... Гореть тебе синим огнем в горне Строителя. Бессчетны твои грехи, но механизм ты создал уникальный. Я мог отлично и четко видеть и в темноте и под водой, и дальше любого из людей, которых я знаю. Но не сегодня. Механический глаз не работал, и, судя по царапинам на меди, его пытались извлечь из глазницы. Чертов Рамирез, ублюдок, Плеть тебе с Братом Каррасом, на том свете, в одной компании.

Вот и так сказать резюме – глаз подкололи как шпиону, пальцы изувечили как убийце.

Не являюсь не с одними не с другими.

Я вор. По имени Гаррет. По прозвищу Пень.

Рамирез

Рамирез ни как не мог поверить, что с проклятым вором покончено раз и навсегда. Его – Ночного Лорда, державшего в руках добрую треть Города, имеющего на содержании четырех «карманных» Шерифов, обладающего армией опытных головорезов, его – городского Заправила, при упоминании о котором все эти глупцы, тафферы, проститутки, знатные щеголи и лощеные офицеры городской стражи начинали обильно ходить под себя, проклятый выскочка сделал никем.

Нет денег - нет человека. Рамирез обожал эту избитую фразу, особенно когда люди валялись у него в ногах, умоляя снизить долю выплачиваемой кастрации.

Теперь нет его, Рамиреза. Потому что нет денег. В тот проклятый демонами год, золото Ночных Лордов стекалось в надежно охраняемый особняк Рамиреза, готовилось к передаче нужным людям в Городском Совете. Часть денег должна была осесть в карманах продажных чиновников Барона и банковских счетах взяточников из Городской Стражи. Годовая взятка гарантировала минимум внимания властей к делам Ночных Лордов.

Именно в тот год, Рамирез взобрался на самый верх, именно его люди собирали больше всего дани и контролировали самый прибыльный район Города -Доки. Благодаря этому Заправила Рапуто и Заправила Вэбстер, наконец признали его силу и, скрипя зубами доверили Рамирезу распределить взятки лично. Золото всех трех Ночных Лордов... Огромные деньги...

В одну ночь проклятый Гаррет вычистил особняк, да еще обставил дело так, что новость нашла уши Рапуто и Вэбстера со следующим рассветом.

Ночные Лорды, узнав, что Рамирез пуст, накнулись как стервятники. Даже верный Якоб, предал своего патрона и не скрывая удовольствия, резал кожу с плеч Рамиреза на тонкие ремни, повинувшись приказу нового хозяина - Рапуто. Особняк, вместе с коллекцией редкостей и внебрачной дочерью Рамиреза ушел Вэбстеру. Заправила Рапуто выбрал иное.

Специалисты пыточных этого старого садиста встретили Рамиреза с распростертыми объятиями. Вскоре мучитель наигрался и выбросил бывшего Заправила из головы. Просидев полгода в сыром подвале, Рамирез не выдержал и сломался. Обожравшись пылающих грибов, он бесновался и хохотал, исходил пеной и испражнениями. Да так, что палачи Рапуто считали его сошедшим с ума, и бросили у Стены. Нищие оборванцы, вчера считавшие Рамиреза чуть не равным Строителю, сегодня

заставляли его пускать пузыри в грязи, и забрасывали камнями. Он бежал и бежал, день и ночь, питаясь только травой и этими жуткими грибами.

Далеко на северо-западе он забрел в пещеры Эсс и не видел дневного света еще год, пока его не нашел этот странный человек из Блекбрука... Этот Тэсли...

Раимрез улыбнулся. Времена изменились, и не стоит ворошить прошлое. Нужно просто перерезать всех, кто скинул его, Рамиреса с самого верха. Гаррет первым, сполна, ощутит на себе все то, что пережил он. Отбросив последние сомнения Раимрез решил принять столь щедрое предложение своего благодетеля...

Город утонет в крови.

Гаррет

Скользкий в Шенях в гораздо меньшей степени воспринимает окружающий мир, полагаясь на зрение, нежели простой человек. Скольжение - это искусство черпать информацию из неуловимых оттенков запахов, едва слышных звуков, движений волосков на коже, изменения плотности воздуха, легчайшей вибрации поверхностей. Даже не поддающиеся контролю разума собственные реакции - вроде безотчетного страха, внезапного чувства опасности или напротив уверенной беззаботности, поведают о многом, если учиться их ловить, расслаивать и делать правильные выводы. Хранители обучили меня Скольжению, отточив до идеала клинок врожденных способностей, выковывая абсолютное оружие. Оружие, которое способно отсекает излишне выпирающие части сил, пытающихся нарушить так оберегаемое ими, Хранителями, равновесие. Но я выбрал свой путь, и отнюдь не собирался останавливаться сегодня.

Несмотря на то, что мне изрядно досталось, возможности возвращались, правда, частично и постепенно. Легкий озноб, подаренный холодом и сыростью. Под ногами и слева под пальцами - каменная кладка, покрытая мхом и сочащаяся влагой. Пожалуй, я в коллекторах... От перспективы превратиться в обед для крыс передернуло. Но покидающие уши танцоры с бубнами уступили место отнюдь не всплескам нечистот и шурианию канализационных грызунов. Тулкая тишина. Издаваемые затекающими конечностями шорохи, прерываемые хрюканием, возвращались эхом откуда-то сверху, обещая той заднице, в которую я попал, рекордную глубину.

Металлический привкус во рту и разбитый нос мешали завершить картину вселенной, я еще не мог различать запахи, так что пришлось отодрать манжет, затолкать ткань в ноздри и запрокинуть голову. Морщась от боли я предвкушал, как отвечу любезностью на любезность Рамиреса.

Похоронить меня вздумал? Не вышло, крыса... наведушь вот ночью... да в полнолуние... встану в изголовье... цепью, какой погремлю для антуража... провою по натуральнее... Главное отскочить вовремя, чтоб он не только себя и мебель, но и меня ненароком не обделал...

Меня начало трясти от беззвучного истерического смеха, и я, не выдержав, прыснул, очистив нос от пропитавшейся насквозь ткани, плотных сгустков крови, и еще какой-то дряни.

Заткнулся мгновенно, ледяные пауки рванули вниз по позвоночнику... Запахи... сырость, мох, тлен, гниющая плоть и неснящая злоба... Меня сбросили в Бонхорд.

Я попал в склепы.

Возводя величественные усыпальницы для единоверцев и знатных горожан, мастера Братства Молота не подозревали о том, строят погребальные камеры на старых фундаментах храма язычников. Поколение за поколением Братья хоронили усопших в великолепных залах, охраняя их покой и преклоняясь святым мощам пророка Джеремина. Но божество хаоса, природы, снов и страха, Лорд Древо, внял молитвам возмущенных шаманов и дал своим детям власть над мертвыми. Языческие некроманты направили мощь, спавшую в развалинах храма на осквернителей. Тысячи мертвецов восстали из могил и превратили священное для Молотов место в средоточие ужаса. Сам покойный Первосвященник Манавидан лично покинул комфортный склеп, ставший родным за века, и насмерть задрал двух Братьев, несущих почетную стражу у его мощей. Набранные в монастырях Воины Мастера-Строителя истово и самоотверженно искореняли боевыми, освященными молотами восставших из могил. Штукно. Каждый разорванный мертвецами Брат пополнял зловонные, не знающие страха полчища зомби и Молоты медленно но неуклонно отступали. Однако упорство и фанатичность Орденцев не знала предела. Будущий основатель одного из самых уважаемых теперь родов, Квинтус, предложил способ, который иные братья почитали святотатством но многие приняли, как последнюю надежду.

Квинтус расплавил одну из ценнейших Орденской реликвии – Серебряный Молот Рассвета и беспрестанно молясь, придал металлу, помнящего руку самого Кузнеца, новую форму. Мастерство Квинтуса явило Ордену Рог, глас которого, согласно откровениям создателя стал суть гласом гнева Мастера Строителя.

Квинтус стал во главе очистительного похода в Бонхорд. Грозное пение Рога повергало заполонивших склепы мертвецов в ужас, зомби падали наземь в корчах, Молотам оставалось лишь вбивать гниющую нечисть в камень, обращая останки в пыль. Поход увенчался полной победой. Орден ликовал и возносил хвалу Мастеру строителю.

Но порой, в безлунные ночи, года языческие шаманы в лесах собирались на камлание и их бог приоткрывал око в Утробу Хаоса, Бонхорд вновь исторгал мертвецов.

Орден ответил по своему. Молоты наполнили Бонхорд ловушками, дабы зомби не осквернили священные могилы, а воры не посягнули на реликвии, похороненные вместе с их обладателями. В Залах Покоя и Разносящегося Эха возвели высокую башню, выходящую на поверхность сложной системой воздухопроводов и трубок. Пойманный над системой усыпальниц ветер устремлялся в специальную камеру. Рог Квинтуса, спрятанный в этой камере звучал без участия человека с каждым порывом воздуха, защищая от перерождения почивших в склепах горожан.

Но в дальних, почти забытых усыпальницах, в затопленных подземными реками помещениях продолжала копошиться нежить. Глас гнева там был не так силен, и время от времени смрадные гости из прошлого забредали в центральные залы. Но это уже мало кого волновало. Молоты теперь хоронили усопших в подвалах своих монастырей, а аристократы, взяли за моду строить фамильные усыпальницы прямо на территории своих особняков.

Простые горожане довольствовались кладбищами в черте Города... да кого они волнуют, простые... Последним, в Бонхорде похоронили самого Квинтуса, рядом с Рогом воздав мастеру наивысшие почести.

С тех пор в Бонхорде стало гораздо спокойнее и в склепы потянулись первые отчаянные парни, азартно исследовавшие закоулки в поисках сокровищ и попадавшие в многочисленные ловушки, магические и не очень.

Шесть лет назад ласкавшие слух Братьев переливы Рога внезапно стихли. Снаряженные для выяснения обстоятельств экспедиции Братства Молота пропадали одна за другой. Вернулся лишь один человек, Полубезумный, он мог передвигаться лишь ползком, его икры и бедра были сильно

объедены и протянул он всего несколько часов. Из его бессвязной речи, потока богохульств и истерического хохота, стало понятно, что Рог Квинтуса исчез.

Результаты расследования проведенного инквизиторами Братства, опровергли версию о вмешательстве язычников. Оказалось, что некий несусеверный оригинал пожелал пополнить свою коллекцию редкостей, и нанял вора, похитившего бесценную реликвию. Имен конечно не называли... В итоге всей этой истории, известные входы и выходы в Бонхорд экстренно замуровали, и это не сулило мне теперь ничего хорошего. Очевидно, Рамирез рассуждал именно так, надеясь от меня избавиться. Я злорадно усмехнулся...

Городской Заправила просчитался. Я мог бы слегка потрудиться и узнать много интересного. Например, сплетни о том, что таинственным вором, исполнившим заказ на Рог Квинтуса, был я. И я знал местные достопримечательности как свои пять истерзанных пальцев.

Раньше Бонхорд посещался регулярно. Склепы помнят торжественные погребения выдающихся горожан, помпезные прощания с главами Семи благородных домов, молитвы над почившими Первоиерархами Ордена Молота. Поэтому Братья придирчиво и аккуратно содержали усыпальницы в образцовом порядке, организовали централизованную систему масляного освещения. Выполняя заказ на Рог Квинтуса, я прогулялся просто с шиком, презрительно игнорируя немногочисленных неторопливых зомби, и нахально избегая ловушек, старательно и кропотливо нанесенных на карту, украденную у Ордена. К тому же я был неплохо экипирован и вооружен единственным средством против нежити - святой водой в запаянных пузырьках. Так что после меня количество сокровищ снизилось до ничтожного и конкурентам ловить стало нечего. Впрочем, почетный эскорт из зомби и их приятелей-мух сделает честь любому приличному вору.

Теперь тут темно, холодно, и в наличии не засыпанного выхода я сомневался... Хотя как-то же я сюда попал...

Мое пристанище оказалось обычным склепом три на пять шагов, с запертой дверью и тихим соседом - покойником в стенной нише, которому все так осточертело еще при жизни, что он решил не пополнять своим сухоньким телом полчища нежити, а тихонько гнил себе в веках. Церемониальный меч, на груди покойника оружием назвать было сложно, я без сожаления оставил покрытую паутиной безделушку, и занялся замком на двери.

Механизм представлял собой примитивный лепестковый запор, и был отлично смазан. Небольшие манипуляции с беспощадно разломанной пряжкой ремня, и в результате - открытая дверь и спадающие штаны.

Распахнутая дверь взметнула тучи пыли, которая теперь медленно оседала на редчайший дымчатый мрамор. Сложная мозаика под моими ногами укрылась толстым слоем праха и позолоченной штукатурки осыпавшейся со стен. На капителях вычурных колонн поднималась вверх, в темноту спиральная каменная лестница, с полуобвалившимися пролетами. Пол зиял провалами, сочащимися голубоватым туманом, в этой дымке сновали мелкие, неопасные пауки. Сотни тысяч нитей паутины обвивали некогда роскошный зал, облачая в похоронный саван даже неумирающий камень, развеваясь в тишине белесыми, рваными флагами вечного покоя. Все это печальное запустение и разруху, созерцали изваяния древних рыцарей Братства Молота, выстроившихся кольцом вдоль замыкающейся кругом стены. Вознесенные в салюте руки воинов, обращенные к центру зала, сжимали развернутые свитки с Догмами. В центре торжественной композиции, на мраморном постаменте, возвышалась бронзовая статуя бога Ордена- Мастера Строителя. В длани своей бог возносил священный символ созидания и Порядка, страшное оружие против созданий Хаоса - громадный молот.

Усыпанные хвалебными письменами щиты на спинах каменных воинов услужливо дали ответ на мой самый главный вопрос. Зала Сердца. Там, где колонны давали опору второму ярусу, под пристальным

взглядом наполненных убийственной магией охранных статуй - ловушек, веками покроясь легендарный драгоценный камень – Сердце Мистика. Точнее покроясь, пока я не продал его жуликоватому вельможе из Блекбрука, северного города-государства с которым Бароны вели нескончаемые войны.

Видимость была отменная – всюду разрослись пылающие грибы, дававшие достаточно света, чтобы прочитать выбитую эпитафию на каменной могильной плите с четырех шагов. Пылающий гриб - излюбленное лакомство рептилий-землероек - бурриков и ходовой товар для пивоваров Города. Сойдет в качестве обеда и мне, если не брать в расчет галлюцинации, появляющиеся при злоупотреблении сырыми экземплярами.

Пришло время выбирать направление. Встреч с зомби еще можно избежать, они, так сказать, гражданские в несложной иерархии нежити. Неторопливые и тупые.

Но Хаунты, перерожденные некромантией Обманщика воины Братства Молота, убьют меня в доли секунды. Что может быть желаннее для Лорда Древо, чем истово верующие, пусть и умершие. Вот и подарил им Обманщик в посмертии - острый слух, запредельную скорость, умение сражаться сталью и неистовую злобу. От одновременного хохота и плача этих существ, в которых заточены извращенные сущности Хаоса, и тени захваченных душ Братьев, люди со слабой волей теряют рассудок.

Так что мне необходимо оружие против нежити и бурриков. Где грибы, там и буррики, стоит ожидать худшего. Значит святая вода и Адольфо. Источник всего в полутора сотнях шагов по гулким коридорам и наверняка действует. Мастера Ордена тщательнейшим образом оберегают как обычные водоводы, так и дренажные системы с освященной водой, считающиеся абсолютно надежными.

Потом Адольфо... Легендарный вор, рискнувший спустится в склепы за Сердцем Мистика, в последней надежде откупиться от городских Заправил. Я видел его мумифицированный труп, совершенно не тронутый разложением, зомби и подземными животными. Из уважения к знаменитому коллеге я не стал обыскивать тогда его останки, и поясная сумка Адольфо со снаряжением должна была быть при нем. Если в сумке отыщется хоть немного взрывчатки, я выберусь отсюда. Но это очень долгий путь.

Стараясь держаться в тени, вливаясь в нее, растворяясь в причудливо изломанных силуэтах колонн, я начал Скольжение. Мое сознание распахнуло границы восприятия до предела. Все чувства резко обострились. Я слышал падение пылинок, дрожь паутины высоко под потолком, треск крошащегося от времени камня. Чувствовал запах грибов, затхлой сырости и вечного разложения доносящийся из отдаленных погребальных камер. Видел, как свет пульсирует внутри живых светильников - пылающих грибов. Движения мои ускорились, но это была не резкая поспешность человека, а молниеносная грация дикого зверя. Я видел Скольжение со стороны не раз. Для наблюдателя, Скользящий просто шагает в тень и исчезает.

Скольжение – не магия и не боевое искусство. Скользящий в Пениях не просто прячется, заменяя магией мимикрию рептилий. Он скорее змея, гипнотизирующая человека мерным покачиванием и издающая туманящие голову звуки. Это мастерство способно заморозить любое существо, обладающее разумом. Даже заемный дух нежити подчиняется земным законам, даже Хаунты и Мертвые Священники вынуждены пользоваться человеческими органами чувств, даже твари Обманщика, порождения Утробы Хаоса, не могут противиться отводящему глаза рисунку

Скольжения. Взгляд просто скользит мимо и сквозь. Заметить обученного Скольжению, может только человек с редким врожденным даром. Много лет назад, я, начинающий карманник, запуская руку в кошель прохожего, не понял, что человека со странным перстнем в виде замочной скважины, никто не замечает. К моему изумлению странный человек не отволок меня к Стражам, а предложил обучение. Я был молод и не придавал значения его словам. Много позже я узнал у него о Скольжении, о Хранителях и о той миссии, что они выполняют в Городе. Так Хранитель Артемус стал моим наставником, а я – аколитом.

Только вот Бонхорд – не Город, где все знакомо, понятно и предсказуемо. Каждый шорох в склепах – опасность, каждое дуновение ветра – признак близкой бездны. В недрах гробниц нельзя доверять собственным глазам, свет может оказаться мороком, движение – обвалом или не дай Строитель призраком.

Если мне, безоружному, по пути встретиться призрак... Не хочу даже думать об этом. Поэтому несмотря на относительное спокойствие и умиротворение, царящее в чертогах Бонхорда, мне нельзя прекращать Скольжение. Ни на минуту.

Это место – сложный, запутанный лабиринт. По площади Бонхорд, пожалуй не больше Южного квартала. Но в отличие от поверхности, большинство усыпальниц и секций склепов, расположены в вертикальной плоскости. Ниши с каменными гробами вздымаются вверх на тридцать – сорок уровней и чтобы оказаться за соседней стеной приходится преодолевать тысячи футов вверх – вниз по разрушенным лестницам, сгнившим деревянным террасам, или прямо по стенам, используя вбитые строителями в камень металлические скобы.

Как назло, путь, задуманный создателями Бонхорда из Залы Сердца в Залы Токря и Разносящегося Эха оказался разрушен. Вода подтопила и размыла опорные колонны террасы, и сооружение рухнуло в подземную реку. Я прикинул варианты, осматриваясь.

На отвесной стене, исчезающей в темноте справа, мрак будто бы сгустился в пятно правильной формы. Возможно это дренаж, или технический тоннель, гадать нет смысла, надо проверить. Демоны, ни черта же не видно... если бы ублюдки не испортили механический глаз, все упростилось бы невероятно. Придется действовать на удачу и довериться интуиции, единственному доступному сейчас оружию.

- Что старина Гаррет, - усмехнулся я про себя, - рискнем?

Через минуту, обламывая ногти и сбивая колени, я карабкался по выщербленному камню. Мастера Ордена не погнушались использовать подземную скалу и часть помещений вырубали прямо в камне. Но строительство – самая священная и почетная задача Ордена, должно представлять символ упорядоченности. Поэтому сколотую кирками поверхность скалы облицевали прямоугольными плитами туфа, украсив полосами резного мрамора каждые двадцать рядов. От сырости и времени часть облицовки осыпалась, и я использовал образовавшиеся выемки, как опоры для рук и ног.

Главное не сорваться – прыжок в воду с такой высоты – гарантированная смерть. Футов через двести я понял, что мышцы одервенели окончательно, а экзекуция в Квартальной тюрьме здорово подорвала мои физические возможности. Глаза заливал пот, я не чувствовал пальцев на ногах, к тому же стена оказалась вогнутой. Рано или поздно я обязан был сорваться, и я сорвался.

Ряд плит под моими ногами не выдержал и обвалился. Приличный участок облицовки внизу пошел волнами, скрежеща и лопаясь под собственным весом. Наконец поверхность вспучилась, и огромная масса камня низверглась в воду, отозвавшись гулкими всплесками. Некоторое время я висел на кончиках пальцев, цепляясь за более прочно посаженный ряд мрамора, пока правая, покалеченная рука не взбунтовалась против своего хозяина. Пальцы разжались и я полетел вниз, в темноту.

Спасло меня то, что падая, я размахивал руками как идиот, а не последовал логике и не сгруппировался для вхождения в воду. Левая рука мертво вцепилась в болтающуюся с потолка цепь, и я повис как окорок в котильне. Черт. Эта проклятая цепь может свисать и с деревянной балки, не так ли Гаррет? А если балка окажется же гнилой, как и все в этом проклятом Бонхорде?

Я что есть силы, полез вверх по цепи. Меня здорово раскачивало, натянутая цепь дважды проседала сильными рывками, так, что у меня захватывало дух, сверху что-то сыпалось, по затылку стучали мелкие камни. Я лез и лез, перебирая руками и ногами, и когда мне стало казаться, что цепь никогда не кончится, я уперся головой в ту самую балку. Дерево выглядело крайне паршиво, мощные скобы, которыми цепь закрепили на брус, почти выскочили из трухлявых гнезд. Оседлав балку, вмурованную

другим концом в стену, я тяжело дышал, кашляя и поминутно сплевывая каменную крошку, скрипевшую на зубах. Внезапно балка подо мной резко просела так, что я чуть не нырнул головой вперед. Ржавые скобы лопнули и цепь с лязгом и грохотом ушла вниз. Я забыл даже дышать. Единственной ободряющей новостью было то, что едва скосив глаза направо, я видел место, куда меня так нелепо несло. Пятно спасительного мрака.

- Однако это несусветное небрежение, извольте не шуметь, в стенах сей обители – строгий голос заставил зашевелиться волосы на моей голове.

Вот демоны, угораздило же меня!

Прямо передо мной в грани внутреннего периметра Зала я рассмотрел окошко. Некогда забранное цветным витражом, сейчас оно было разбито, но я отчетливо различил выбитый в стене знак Молота. Очертания священного символа подрагивали, словно воздух в жару и я осознал, что является помехой для моего созерцания. Внутри небольшой комнаты расхаживал призрак священника Молотов и заложив руки за спину, наставительно вещал.

- Послушнику Ордена Молота негоже так поступать! Книга Догм велит карать ослушавшихся строжайше, но пока послушник несет почетное бремя обета молчания, можно ограничиться лишь поркой и очистительными молитвами тридесять на день. А в случае, если покой обители оскверняет чужак или вор, то тогда...

Что будет тогда, я не услышал, внутри комнаты загрохотало, послышался звон бьющегося стекла и многоголосый хохот. Потом за окном пролетело несколько предметов, стены задрожали, страшные завывания и звон цепей заполнили Залу Эха и моя балка выдвинулась из стены примерно на десять дюймов.

В комнате неистовствовал мертвый Священник Молотов. Это есть его призрак. Стены комнаты покрыты символами Молота, дверь замурована и мертвый Священник не может выйти. Но вот если он выглянет в окно...

Я снова вцепился в стену и пополз к пятну, которое теперь отчетливо напоминало дренаж.

- Да не осквернишь ты дома мною построенного, - бесновался Мертвый Священник, - да не совершишь ты кражу, или иной нечестивый поступок, - стены вновь заходили ходуном, - а не то сражен ты будешь, и попадешь туда, где земля язычников поглотит тебя!!!

-Оооооооо, - донеслось сзади, когда я уже был в тоннеле, а наружу торчала лишь задница.

-Нашоооооо – оол, - пробасил призрак, захлебываясь истерическим хохотом.

Извернувшись, я успел рассмотреть, что из окна торчит рука и голова призрака, трясущиеся стены его склепа покрылись трещинами и Священник вот-вот вырвется. Я понял, что неистовство и ненависть призрака спрессовались за столетия в мощь, способную преодолеть защитные молитвы Ордена Молота. И вся сила Мертвого Священника обратится на меня, вора, укравшего покой его извращенного духа.

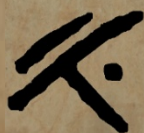
Я что есть силы оттолкнулся ногами и нырнул в темный проем. Так и есть – дренаж. И к моему неудовольствию все еще действующий. Руки лишь скользили по осклизлой жиже, наросшей на стенах, я катился вниз, ускоряясь с каждой секундой, ударяясь о стены головой и душил подкатившую панику. Когда, наконец, мне удалось взять себя в руки и сгруппироваться я вылетел из тоннеля, подобно пробке из бутылки.

Прорвав своим телом ветхий гобелен и намотав на ноги изъеденные молью знамена я врезался плечом в каменный саркофаг, перетянутый солидными цепями.

Из саркофага засипело, заскрипело, послышалась угрожающее бормотание и бряцанье. Я благоразумно решил не испытывать судьбу и освободившись от штандартов, покрытых геральдической показухой покинул помещение, пнув что есть силы болтающиеся на ржавых петлях остатки двери.

Пока мне везет. Я попал напрямиком в нижнюю секцию Залов Покоя и Разносящегося Эха, откуда несложно добраться до раки со святой водой. Однако теперь, оказавшись в громадном, открытом помещении нужно утратить внимание. Тут повсюду шныряют охочие до человечины мертвяки и они будут рады гостю.

Я слился с тенью, и мягко ступая по шершавым от времени мраморным плитам, продолжил свой путь.

Первых зомби я почувствовал через двадцать шагов. Судя по запаху и мерзкому жужжанию мух, мертвяки были довольно свежие. Место для прогулок они выбрали неудобное – парапет, ограниченный справа стеной обрывался слева в тысячефутовую пропасть. Зомби молча сходились посреди разделявшей две секции усыпальниц террасы, тыкались друг в дружку, и бестолково топтались на месте. Потом, как по команде, вдруг разворачивались и неспешным шагом, подволакивая ноги, расходились. Один не доходя до меня, по известной лишь ему причине вновь разворачивался и шагал в обратном направлении. Его партнер в этой незамысловатой игре так же выплывал из мрака противоположного конца прохода назад, и все повторялось раз за разом. Истлевшие обрывки одежды относили их членам богатых семейств и была налицо принадлежность тел к обоим полам. Подобным образом, они наверняка развлекались и при жизни, на балах и приемах, только теперь обменивались не поцелуями а мухами.

Я притаился в нише, отгородившись от нежити осыпавшейся статуей, и оценивающе созерцал неуклюжие пируэты. Слишком неуклюжие. Пересечь маршрут парочки и вернуться от их распыренных конечностей невозможно. В другой ситуации я бы рискнул, но вблизи нежить могла учуять продолжавшую идти носом кровь. Поэтому, уловив момент, когда ближайший зомби прошаркал в футе от моего убежища, я от души пнул его в живот. Что-то там у него хрустнуло, и мертвец по широкой дуге полетел вниз, раскинув гниющие руки. Конечно, его тлеющий разум отметит, что в гостях живой. Зомби обязательно сюда вернется, только с его скоростью и запутанностью лабиринтов Бонхорда, путь займет не меньше недели.

Ковыляющую партнершу, пропажа кавалера не смутила. Побитая разложением дама начала длинный путь мимо меня навстречу своему безносому другу. Вот и отлично. Не люблю применять силу в отношении женщин. Даже мертвых.

Сразу за террасой, между двумя опорными колоннами втиснулась небольшая металлическая дверь. Я не знал что внутри, но табличка «Службное помещение» смотрелась бы на ней уместно. Самое забавное, что наполненные всевозможными ценностями недра Бонхорда не оборудовали даже решетками, а вот такие подсобки, пижонили не только коваными створами, но и сигнальными системами, сообщавшими наверх о вторжении. Странные они ребята - суровые адепты Молота. Я грезил об отдыхе в безопасном месте, почему бы не использовать подвернувшуюся возможность? Отпереть стальную дверь можно и с тем, что оказалось под рукой – детали, оставшиеся от пряжки, гвоздь из сапога, медная чаша, зажатая между дверью и моим ухом, позволяющая контролировать перемещение деталей начинки запорного механизма. И конечно же солидная порция отборнейшей брани, не раз служившей подспорьем в тонком искусстве взлома замков.

Такому мастерству меня Хранители научить не могли. Я успел постичь многое в их Швердыне, скрытой от посторонних глаз. Я даже поверил в то, что их миссия благородна, пока не вник в методы. Хранители были отлично осведомлены о многих вещах, происходящих, или предсказанных в их книгах. Но они ничего не делали, прикрываясь верой в баланс и невмешательство. За них все делали другие. Невинные, непонимающие исполнители, гибнущие во имя чужих идей. Жалкие марионетки в руках всезнающих мудрецов. И я послал Хранителей ко всем демонам и ушел. Навыки, полученные в стенах Швердыни, помогли взяться за старое и стать прекрасным вором. Мастером Вором. Я уж один мастер с большой буквы всегда поделится с другим. Хоть бы и искусством медвежатника. Особенно с таким стимулом, как золото и кинжал, приставленный к горлу...

Разобравшись с замком, я проник внутрь. Сразу засветил настольную лампу, наполнив ее маслом из канистры в углу, заложил тяжелым засовом дверь.

Огляделся. От петель в потолочные каналы серебрились тонкие нити. Сигнализация. Представляю, как повалился с табурета скучающий дежурный Брат, услышав звоночек из давно молчавших скелпов. Шило в зад и ворох идиотских отчетов, ему гарантированы. Злорадствуя о доле безымянного бедняги, я в изнеможении растянулся на лавке.

Да иди все к демонам сквозь темный лес, надо выспаться. Как знать, что сейчас наверху – луна и фонари или яркое солнце. Интуиция молчала, внутренние часы разладились, да и мне было просто плевать. Необходимо отдохнуть, привести мысли в порядок, чтобы взять под контроль стремительно развивающиеся события. Со мной всегда так. Сколько себя помню, живетса мне неспокойно. Внезапно, впервые за много лет, я изумился, что не представляю, как выглядит Город при дневном свете. Работа только ночью, встреча с клиентами в сумерках, чтобы не видели лица. Объекты непростых заказов разбросаны по всевозможным заброшенным, малоприятным местам. Катакомбы, скелпы, оставленные жилища, дремучие леса, убежища пиратов, – достопримечательности не для слабых желудком... Единственные люди, с которыми можно было безопасно общаться – Хранители, жутко любили таинственность, надрыв в речах, загадки, даже одевались соответственно. Друзья... Да какие у меня друзья? «Подельники» как характеризуют эту публику шерифы. Кроме, пожалуй, Бассо. Знатные и не очень особы, которым я помогал, вытаскивая из переделок – благодарили, улыбались, совали золото, но норовили избавиться от моего присутствия, как можно быстрее. Как говорил один мой клиент – «Милый Гарриет – сделай так, чтобы я тебя долго искал»... В общем, злые места, темные люди, темные лица, темные дела, темные помыслы... даже единственный воплощенный бог, Обманщик – Лорд Древо, которому я малость напакостил, оказалась весьма отталкивающим субъектом с чисто человеческими амбициями и крайне несимпатичным окружением...

Меня всюду окутывает тьма... мы с ней партнеры. А Городом владеет алчность, невежество и тоска. Только единицы стараются держаться от разлагающей общества заразы как можно дальше, а у остальных эта дрянь въелась в мозги.

И как бы я не хорохорился и не выпячивал свою независимость, Хранители отчасти правы. Во многом благодаря моим асоциальным талантам этот проклятый Город еще спит, жрет и размножается, отбросив недоступное и непонятное подбрюшье мира, с которым я часто имею дело, в разряд суеверий и мифов. А мне плевать на неодобрение не меньше чем на дифирамбы. Таков мой удел. К тому же благодаря проблемам Города я не теряю форму, не деградирую до уровня карманника или скажем грабителя, как многие разочаровавшиеся и потерявшие вкус к жизни профессионалы.

Вот вам и равновесие господа Хранители... Вот вам и невмешательство...

Храм молота.

Первосвященник дочитал страницу «Штрафата о предписаниях» и, отложив книгу, взмахнул небольшим бронзовым колокольчиком, призывая библиотекаря. В стенах нового кафедрального собора иерарх воплотил свою давнюю мечту – собрал огромную библиотеку. Хранилища вобрали в себя архивы Братства, многие свитки из которых считались утерянными, полное собрание Догм Молота, Штрафаты о Предписаниях, Режиме и Правилах поведения, рукописи святого Йоры и пророка Меремии. Там хранились даже запрещенные «Письма Кузнеца в Изгнании», не говоря уже о свитках и манускриптах Караз - Дина и книгах язычников. Если объемом библиотека Ордена уступала Великой Городской, то редкостью и ценностью хранимых экземпляров превосходила многократно.

Впрочем, и вмещающий библиотеку собор поражал величолепием. Оправившийся после раскола Орден уничтожил все постройки Механистов и Братству требовались не только места для прихожан, но и демонстрация мощи Ордена. Первоиерарх пошел на компромисс с Бароном в вопросе технологического наследия Механистов и оставил Городу все паровые устройства, машины и механизмы, в обмен на финансовую помощь. Так началось возведение собора.

Постройка началась с хоровой части, и двух башен по краям фасада, с местами под колокола. Затем возвели западный портал, богато украшенный скульптурами Мастера Строителя и святых

пророков. Наконец собор начал принимать задуманные очертания, представляя собой положенный на землю молот. Колоссальную массу здания украсили снаружи множеством опорных пилостр, башенок, барельефов, галерей и сквозных решеток. К прошедшей весне мастера завершили отделку внутренности храма и предоставили здание для служения Строителю.

Первосвященник залюбовался витражами, вставленными в громадные окна северного нефа, пропускающими в собор мягкий свет, играющий на его стенах разными оттенками, меняющимися с часами дня. Как назло, солнце в этот момент зашло за башню городской ратуши, и закрыла лик Строителя огромной уродливой тенью, похожей на распускающийся лист. Предстоятель поморщился – он не любил подобные знаки, и как его предшественник презирал предсказателей.

Явившийся наконец послушник-библиотекарь принял из его рук том «Практика о предписаниях». У служки еще не закончился положенный обет молчания, он просто низко поклонился, и пятясь вышел вон, уступив внимание первоиерарха новому посетителю.

- Докладывайте Старший Инквизитор Мортвилд.

- Брат! Молотом и Долотом, силой Строителя... я принес дурные вести, но они пришли вовремя. Не смотря на всю выдержку и опыт, Первосвященник ощутил, что в нем разрастается гнев.

- Что выяснили Братья?

- В лесах беспокойно, язычники трактуют Ещенерукопись вновь. В Потерянном Городе несущие тяжелую епитимью отвергшие Шестерню и вернувшиеся в лоно веры Братья наблюдают странные явления. Рыбьеголовые покидают Затонувшую Цитадель, были случаи нападения на рыбаков в доках. Миссионеры Ордена в Блэкбруке не посылают вести уже два месяца, по-видимому, схвачены и казнены...

Предстоятель, казалось, превратился в изваяние.

- И самое важное, Брат. В Крагсклефт везут очень важного пленника. Под пытками, он проговорился, что встречался с друидой...

- Что? Этого не может быть! – Первосвященник резко повернулся к Инквизитору лицом, и вкинул бровь, - Друида в Городе?

- Простите Брат, - Инквизитор опустился на колени, - я опасался утечки, пленник лишен возможности говорить в пути. Лучшие Братья...

- Довольно! – рукав белоснежной сутаны взметнулся над головой коленопреклоненного Ордена, - представьте мне письменный отчет и дождемся допроса.

- Молотом Строителя...

- И Долотом Его, Брат Инквизитор... ступай...

Первосвященник Брианан улыбался...

Рамирез

Кой черт ему понадобилось встречаться именно здесь. Рамирез в который раз за вечер приложился к горлышку. Бидлебонг, который торговцы видимо путали с жидким золотом и ломали цены за редкое кентаврское бренди просто безбожно, обжег глотку. Но Рамирез даже не заметил. Кой черт. Изгорный дом Фэндон, единственное заведение Баффордов, сохранившееся до сих пор в их собственности, Рамирез когда – то курировал лично. Шут его даже табуретки помнили, не говоря уже о престарелом управляющем Джинни, а этот идиот Пэсли вызвал бывшего Заправилу сюда. Поэтому, Рамирез присел в самый темный угол, нахлобучил, берет на голову по самые брови, и угрюмо потреблял редчайшее бренди, ожидая собеседника.

Теперь он не нуждался в деньгах и мог позволить себе хоть знатную шлюху, хоть собственного зверя для Медвежьих боев, хоть дорогое пойло. Но в этом Городе не вкус все казалось вымоченными в алхимической кислоте стальными стержнями. Кой черт...

Несмотря на страх Фамиреза, в нем мало кто мог разглядеть бывшего ночного Лорда. Ненависть раздавила его личность, лишения и пытки исжорили плоть, и только сжигающая остатки души жажда мести позволяла Фамирезу находиться в этом проклятом Городе.

Когда из подвала раздался рев десятков восторженных зрителей и Джинни возвестил о начале приема ставок, наконец явился Тэсли. Он со спокойным видом уселся напротив, брезгливо оставил недопитую бутылку и изобразил на лице крайнюю степень внимания.

- Демоны, он даже не сподобится вопросы задавать, - проворчал про себя Фамирез.

Но человек из Блэкбрука никогда не делал лишних движений. Только ставил задачу и принимал отчет. Правда расплачивался золотом и информацией с необычайной легкостью, и Фамирез находил странным, как Тэсли мог чего-то не знать.

Тм, Тэсли... интересно это псевдоним, или у них там, в Блэкбруке, у всех вместо имен собачьи клички?

Проводив взглядом последних скрывшихся в подвале завсегдатаев медвежьих боев Фамирез начал.

- Информация абсолютно достоверная. Источники – архивариус Департамента Общественных работ. Отравлен мною. Хранитель Ифор – убит в якорь случайной поножовщине. Дневник Брата Джойса, украденный из его кельи. Следы унес пожар. Протоколы расследований в хранилищах Городской стражи. Вор – исполнитель убит. А также перекрестные данные из болтовни городской знати. За надежность сплетен не ручаюсь, однако суть у всех на виду. Ниточек ведущих ко мне нет. - Фамирез сразу переключился на деловой тон, стараясь поймать реакцию Тэсли. Но тот будто проговаривал про себя, повторял и пробовал на вкус слова Фамиреза.

Бывший Городской Заправила не раз замечал эту особенность Тэсли и теперь знал, что в голове его благодетеля, партнера и, что там говорить, хозяина, кипит бурная аналитическая работа.

- Продолжай, - Тэсли прикрыл глаза, откинулся на кресле и перебрал пальцами в воздухе, - только кратко и факты.

- Извольте. Город на грани анархии. Барон умирает, не имея наследников не по одной из генеалогических линий. На трон претендуют семь семей, так что будет грызня, возможно гражданская война. Городская стража коррумпирована и недееспособна. Единственную реальную силу представляет группа молодых офицеров, собирающая вокруг себя лояльных центральной власти военных. Придерживаются собственного кодекса чести. Идеальный вдохновитель – талантливый офицер, Илбис Труарт, сын покойного шерифа Труарта. При поддержке простых горожан, назначен шерифом Шоулсгейта, этой весной.

- Интересный человек, - вставил Тэсли, - надо найти к нему подход, Фамирез. Ниточки, мелкие неприятности, связи с, хм... продажными женщинами, семейные тайны. Непременно займитесь им... Впрочем продолжайте, я слушаю.

- Далее, - кивнул головой Фамирез, - Орден Молота. Религиозно-военная организация, частично исполняющая функции исполнительной, законодательной и судебной власти.

Имеет собственную систему исполнения наказаний - Инквизицию. Вам известна тюрьма Крагсклефт - это их вотчина.

В результате последней войны с язычниками, одержавший верх, но обескровленный, Орден Молота раскололся. В результате дробления Ордена и отделения секты Механистов доверие горожан к организации подорвано.

Кратко о сути событий. Брат Каррас подчиняет секте всех Молотов занимающихся развитием технологий и захватывает власть в Ордене. Ведет крайне эффективную борьбу с язычниками, благодаря новейшим военным разработкам. Оказывает воздействие на политику городских властей посредством покойного ныне шерифа Труарта. Завоевывает популярность у знати, одаривая благородных механическими новинками. Скрытая цель – насильственный захват власти, посредством встроенного во все механические устройства оружия колоссальной мощи. Название – Ржавильный газ. В настоящее время образцы оружия и способ изготовления утеряны. Брат Каррас

погиб от собственного изобретения. Оставшиеся Механисты в ссылке, но продолжают заниматься наукой под присмотром Ордена Молота. Новый Первосвященник умен и решителен, но ресурсы Ордена истощены. В настоящее время Орден лишен серьезного влияния, и опасности не представляет.

- Эти недалекие фанатики, представляете Рамирез, всюду суют свои лапы, - недобро улыбнулся Тэсли, - заявили в Блэкбрук еще по весне и принялись насаждать свои порядки. И вместо того, чтобы начать цивилизованные переговоры с графством, на предмет поставок механизмов, ворвались в изысканнейший бордель и перебили тамошних девиц и постояльцев. Никак не могу взять в толк, как эти дуболомы имеют такие потрясающие успехи в науке и механике...

- В этом Городе все ненормально, развел руками Рамирез, - но... богатство Города неоспоримо...

- Это поправимо, вновь улыбнулся Тэсли, - так вы говорите это... мм... оружие действительно утеряно? Жаль, жаль, - покачал головой Тэсли в ответ на утвердительный кивок Рамиреза, - продолжайте...

- Итак, Язычники, кровные враги Ордена, - продолжил отчет Рамирез, - в основном грязные, неграмотные крестьяне, за которых думают шаманы. Поклоняются Обманщику, которого называют то Лордом Древо, то Пасечником, то Человеком - Листом. Настаивают, что Город видел воплощение их бога, в виде человека по имени Константин. Политика толерантности Барона позволила добиться шаманам - язычникам официального статуса, в обмен на запрет практической некромантии.

В настоящее время обладает большим ресурсным, магическим и человеческим потенциалом. Однако находятся под пристальным наблюдением Ордена Молота, не разделяющего инициативы Барона. В случае попыток захвата власти будут моментально уничтожены объединившимися силами армии, Ордена Молота и дружинами лояльной Ордену знати.

- Мы перешли в область городских легенд Рамирез?

- Ни в коем случае, - уверенно сказал коротышка, - я плотно сотрудничал с шаманами, они действительно умеют... многое. В некоторые вещи я сам не верил, пока не увидел собственными глазами.

- Я доверяю вам, - бросил Тэсли, - и тем не менее Город полон тайн и сказок, почище плясок шаманов, например эти, - он пожевал губами, - Охранники?

- Ах да, Хранители... Некогда тайная организация, служащая неким буфером, между Молотами и язычниками. Методы смутны и неясны. Ведет сбор информации, знаний и собирает их в обширные библиотеки. Мощь основана на использовании иероглифической магии - Глифах. В настоящее время их магия не функционирует.

Кратко о сути событий. В организацию проникает сильная ведьма, принявшая облик одной из ее членов. Вероятно действовала в одиночку. Подчинила себе провидец - интерпретаторов, верхушку правления и Глифы. Была раскрыта и уничтожена. В результате все Глифы перестали работать. Последние Хранители уничтожили свои архивы или надежно их укрыли. Местонахождение членов организации на сегодняшний день не известно. В настоящее время не имеет никаких ресурсов и влияния, опасности не представляет...

- Тогда не будем брать их в расчет, повторяюсь, - это мифы.

- Тогда это все, - Рамирез постучал пальцами по столу, стараясь не замечать пристального взгляда своего визави.

- Вы о чем-то недоговариваете? - улыбаясь поинтересовался Тэсли. - поясните, будьте добры. И если можно, ваши собственные выводы из всего перечисленного.

Рамирез попытался сглотнуть, но пересохла глотка подчинилась только после встречи с бутылкой... Демоны... Этот человек просто кусок пронциательности!!! Рамиреза охватило бешенство...

- Вы как всегда правы. Но данные невозможно проверить подтвердить или опровергнуть, все на уровне сплетен и баек среди черни. В изложенных мной событиях, замешан человек, которого вы так любезно подарили.

- Хм, любопытно... Гаррет, если не ошибаюсь?

- Именно.

- И все же позвольте поинтересоваться вашим, так сказать, личным резюме...

Акцент Тэсли начинал раздражать, и уже захмелевший Рамирез ответил коротко:

- Город можно брать хоть завтра. Голыми руками.
- Чудно, вы отлично поработали. Остаются последние штрихи, немного вашей неоценимой помощи...
И вы либо граф Блекбрука, либо здешний Барон, как вам заблагорассудится...

Гаррет

За дверью кто-то был. Еще не отошедший ото сна я мгновенно это понял. Ничто не издавало звуков, коктейль из запахов не изменился, но я отчетливо ощущал чье-то присутствие. Нечто за гранью контроля и восприятия заставило меня замереть на жесткой лавке и уставиться на покрытую ржавчиной дверь.

Страх сдавил в ледяных объятиях мое сердце.

Я перестал дышать, шевелится, даже мысли появлялись как-то вскользь и испарялись. Руки и ноги стали ватными, пальцы заходили ходуном, на лбу выступила испарина.

- Там никого нет, там просто никого не может быть, - прошептал я зачем-то.

Во мне исчезло все, что отличает человека, от других земных тварей. Я превратился в скулящее, поджавшее хвост животное. Разум волновала лишь одна паническая мысль – найти убежище, забиться, спрятаться, притвориться мертвым, пусть даже умереть, только бы исчез этот безграничный, охвативший всю вселенную ужас. Безумие полностью овладело мной я начал шарить вокруг себя, пытаюсь на ощупь найти что-нибудь острое, чтобы перерезать себе вены и никак не мог оторвать взгляда от двери.

Ручка медленно поползла вниз.

Я завопил.

В приступе того, что осталось от самосохранения я швырял в сторону двери все что попадалось под руку, лавку, масляные лампы. Об металл грохотали ведра, столик, тяжелый табурет...

- Не наааааааа – вырывалось из моих легких... пожалуйста не надо...

Я заметался по комнате, разбил голову об стену, в руки прыгнул, будто сам собой, чей-то швейный набор, я разорвал его, выдернул из петли ножницы, ткнул ими себя в грудь несколько раз, разглядел что держу их не за тот конец, раскрыл лезвия, развернул к себе широко размахнулся...

И тут все кончилось.

Холодная ясность рассудка, ошеломила меня сильнее, чем внезапно прошедший приступ. Не смотря на истерику я четко запомнил траектории движений всех летевших в дверь предметов и как не знающий сбоя автомат Механистов начал действовать.

Я поставил на ноги стол, придвинул табурет, поставил на стол лампу, женское зеркальце с дарственной надписью развернул кожаный чехол швейного набора. Вынул самую тонкую иглу.

Стараясь не смотреть себе в лицо сосредоточил взгляд на механическом глазе.

Как человек вынимает из живого глаза мешающую видеть соринку, я извлек застрявший между лепестков диафрагмы металлический заусенец. Потом по очереди раскрыл иглой лепестки, что соответствовало максимальному раскрытию зрачка в органическом глазе. Запрокинув голову капнул из мензурки с запальным керосином внутрь механического глаза, подождал, резко опустил голову.

Попеременно напрягая мышцы лица, как учил меня Каррас, повернул глаз несколько раз в глазнице, выключил лампу, закрыл живой, левый глаз. В абсолютной темноте я видел все вокруг как в ранних сумерках. Повернул голову к уже совсем не внушающей страх двери опустил взгляд на замочную скважину в ручке сделал максимальное приближение. Сидя за два метра от двери я видел через маленькое отверстие для ключа противоположную стену коридора и медленно колыхающиеся на ней волоски мха.

Встал. Механический глаз с готовностью подчинялся, не обнаруживая никаких сбоя, и теперь когда мне не нужен был свет лампы, я аккуратно, как у себя дома разложил все разбросанные вещи ровно и

точно на те места где они находились в момент моего проникновения в каморку. Сел на лавку. И только тогда позволил себе немного «поплыть».

Что это было? Откуда такая паника? Со мной такого не было никогда, потому что не могло быть. Хранители обучили меня многому, в том числе и контролировать сильные эмоции, такие как страх. Откуда после полу животного состояния, пришло абсолютное спокойствие? Почему «гость», способный так влиять на разум не проявил агрессии? Не мог? Но он мог заставить меня открыть дверь. Что все это значит и как теперь обеспечить себе безопасность? С другой стороны ручка поворачивалась, я четко это видел. Значит это нечто имеет тело. А если есть тело, то его можно убить.

Сейчас на мои вопли спешат десятки мертвецов. Нужно срочно литься. Сменить неудобные сосуды в карманах, на практичную маленькую канистру, которых тут полно и хилить отсюда во всю прыть к святому источнику. Время пошло.

Рамирез

Рамирез всегда очень остро чувствовал слежку. Он шел на встречу со своим информатором, на ходу прикидывая как поделекатнее от него избавиться. В момент, когда он определил, что забросить тело за Баррикады сложнее, но надежнее, чем популярные в этом вопросе коллекторы, в затылок впился чей-то внимательный взгляд. Как не вовремя! Нужно устранить информатора сразу после выполнения задания, пока он не начал трепать языком, и это следовало сделать немедленно.

Оглядывая сад Истпорта, щеголявшего Древами Краеугольного Камня Рамирез приготовился к схватке с неизвестным соглядатаем. Судьба лишила его многого, но не умения уходить от слежки и искусства владения кинжалом, которым он прорубал в молодые годы дорогу к теневой власти. Якобы случайно обронив полновесный золотой на брусчатку он сделал еще пару шагов, чтобы в свете фонаря лучше читались наигранное удивление и досада, перекосившие лицо Рамиреза. Теперь внимание шпиона, по мнению бывшего Заправилы, займет не слежка, а желание похода утяжелить карман неожиданным богатством.

Он согнулся, изображая поиски укатившейся монеты, и озираясь, приблизился, к парковым деревьям. Во мраке густых крон, Рамирез резко выпрямился и абсолютно неслышно побежал назад вдоль дорожки. Через двадцать шагов он крадучись приблизился к месту, откуда золотой кругляш виднелся как на ладони. Следящий не показывался. Рамирез решил сменить наблюдательный пост на тень от ствола дерева, и еще немного постояв, решил, что ему причудилось, или его потеряли. Заправила выругался, отвел глаза от яркого пятна фонаря, прилично слепившего его, и шагнул к мостовой. Вдруг дерево, служившее ему укрытием, издало протяжный скрип. От неожиданности Рамирез оступился и рухнул в кусты.

Чертыхаясь и кляня себя за мнительность, он попытался подняться, но руки запутались в ветвях. Судорожно дергаясь, Рамирез ощутил, как тонкие веточки уже обвили его шею и начинают медленно стягивать горло, а листва забила рот и не дает даже мычать. В агонии он яростно задергался, засучил спутанными ногами, в тщетной попытке вырваться.

Уже через минуту веселая, зеленая и так приятно пахнувшая трава полностью скрыла его тело.

Гаррет

Мертвяки зажали меня в двух шагах от цели. Растворяясь в тенях я не позволял им видеть или слышать меня, но справа их набралось пара дюжин, слева и того больше, а из гулких коридоров уже

доносился звон кольчуг бегущих Хантов. Своими воплями я разворошил их гнездо. Единственный проход за спиной был тупиком. Дело дрянь.

Еще несколько минут зомби будут идти навстречу друг другу, потом столкнуться и начнут разбредаться в разные стороны. И по закону подлости, или теории вероятности, как кому нравится, хотя бы один из толпы вонючих трупов наткнется на меня. А там и кавалерия подоспеет. Тогда прощай Гарриет - тень. Наигравшись, зомби радушно примут тебя в свою не теплую компанию. Такая вечность мне как-то не по душе.

Повинуясь инстинкту самосохранения я упрямо искал лазейку. Трещина в стене, выщербленный участок кладки, замаскированный лаз, все что угодно, лишь бы отсрочить неизбежную и страшную смерть. В конце концов я начал пятиться, загоняя себя в тупик погребальной залы. Лихорадочно соображая что можно предпринять, имея только кусок веревки из недоброй памяти кладовой я медленно двигался назад. Получалось, что можно только повеситься. Но и это лучше чем быть заживо сожженным и перерожденным.

Пятясь, я почувствовал, как плита под ногой щелкнула и плавно пошла вниз. Я инстинктивно бросил тело в сторону, изогнувшись так, что затрещали позвонки. Над головой прогудел огненный шар, размером с мою голову, на затылке затрещали волосы. Ловушка на мародеров могила!

Шар пламени миновал арку входа и угодил оказавшемуся на траектории зомби в живот. Яркий взрыв, и беднягу разорвало на куски. Определив мое местонахождение второй мертвец с растопыренными руками заковылял в проход, наступил на плиту и его постигла та же участь.

Через минуту на активизирующей магическое устройство секции пола лежал обломок надгробной плиты, и шары вылетали не переставая. А я, сидя на могиле рыцаря, поразившего, судя по надгробной надписи целую дюжину зомби, нещадно бил его рекорд.

Мрачная картина. Мертвецы отказывались понимать что происходит с их братьями и гуськом потянулись в проход. Было что-то жалкое в их бессмысленном стремлении к своему окончательному концу. Когда я прикрывал глаза от нагревающегося с невероятной скоростью воздуха и наблюдал сквозь ресницы, картина происходящего непостижимым образом преображалась.

Казалось, что передо мной живые люди, одетые в самые красивые и дорогие платья и камзолы не для погребального ритуала, а для пышного праздника. И что идут они, глупые, наивные, навстречу своим мечтам – богатству, славе, роскоши, признанию, власти... И вся эта мишура, распаленная пламенем алчности, сжигает душу человека до тла. И этот человек, медленно и слепо бредущий, без участия злой магии, сам, добровольно становится мертвецом при жизни. И вслед идущий, видя что происходит, понимая, даже порицая, ступает в то же пекло.

Чем эти зомби отличаются от тех? Какая магия, какая вера может избавить человека от страстного, слепого, многовекового стремления к жадности, гордыне, саморазрушению и деградации...

От невеселых мыслей меня отвлек первый Хаунт. Магия Обманщика превращала ненавистных ему Молотов, в быстрое, смертоносное, неуязвимое для простого оружия существо, от которого невозможно убежать, от которого сложно спрятаться, даже Скользящему в тенях. Хаунт был облачен в красно – белую храмовую рясу, одетую поверх прочной кольчуги, поэтому огненный шар не уничтожил его сразу. При невероятной скорости мертвец был способен проскочить ловушку даже после нескольких попаданий сгустков огня. Но Хант безнадежно застрял в месиве останков зомби, горящего тухлого мяса и костей, завалившем проход уже наполовину.

Вскоре кольчуга на нем расплавилась, Хаунт рухнул на гору трупов и больше не двигался. Прискакали еще трое его братьев, но они сильно мешали друг другу в стремлении достать меня, толкались, тоже увязли и сгорели. На этом поток нежити иссяк.

Я покинул нагретое от огненного шоу помещение, преодолевая тошноту, перелез через гору смердящих останков и уже через две минуты стоял перед ракой. В раке весело журчал фонтанчик, и если в этом мире есть хоть что-то незыблемое, то эта вода была освященной. Значит, я нахожусь в самом безопасном в Бонхорде месте.

Очень хотелось пить. Но это для Братства, святая вода – благословенный источник сил и инструмент отпущения грехов. А такому еретику как я от пары глотков станет как минимум дурно. Даже прикосновение вызывает легкое покалывание в пальцах. Строитель в лице своей паствы меня недолюбливает. Даже после того как я оказал Ордену Молота пару весьма неоценимых услуг. Придется подождать, пока набранная в кубок вода потеряет свои свойства в месте, пронизанном магией Обманщика и станет пригодна для питья. И скоротать время вспоминая кратчайший путь к телу Адольфо.

Перебирая в памяти картины бесконечных коридоров Бонхорда, припоминая расположение ловушек, тупиков и скрытых тоннелей мой взгляд блуждал по комнате.

Что – то было не так.

Появилось чувство, сродни тому страху, что я испытал в подсобке Братства, но какое-то смазанное, размытое, больше похожее на легкое беспокойство. Я внимательно осмотрелся.

Рака, с чуть мерцающим содержимым, фреска, изображающая Строителя, изгоняющего Обманщика, каменное изваяние священного молота в нише, стрельчатый проем входа, куча тряпья у стены, моя канистра, брошенная на пол, еще один молот в стене, снова Рака.

Все в порядке, нежитью не пахнет, живых просто быть не может, страшный гость не ощущается.

Я встал. Опасаясь зомби приготовился окропить святой водой все окрест. Обошел комнату по кругу.

Чувство беспокойства усиливалось у входа, но снаружи никого. Путь мой взгляд уперся в кучу барахла. Из-под него торчали тоненькие молодые веточки и, демоны меня побери, листья!!! Что за бред!!!

Я слишком устал, чтобы бояться. Мне просто плевать. Я столько раз за сегодня рисковал своей шкурой из-за реальной опасности, что всякие там загадочные неожиданности начали бесить. Чертовы тайны, чертовы знаки, демоны вас всех побери... достало!

В ярости я запустил руку в тряпки, нащупал что-то твердое и рванул на себя. Мешанина из ткани и листьевв распахнулась и я узнал Рамиреза.

Бывший Городской Заправила, знающий толк в моде, владевший по слухам самым впечатляющим и изысканным гардеробом в Городе был обнажен. Да и зачем одежда мертвецу? А Рамирез был не просто мертв, он был зверски изуродован.

Молодые побеги опутали его лодыжки и стянули их так сильно, что под ними лопнула кожа. По спирали ветви обвивали его ноги, закручивая их в зелено-коричневый, сплошной кокон, скрывая тело до тощего живота.

Листья, обильно залитые кровью налипли на грудь, как чешуя. Левая рука вывернута под неестественным углом в тщетной попытке разорвать перетянувшие шею лианы. Рот широко раскрыт, язык вывалился наружу как у повешенного, горло туго забито листьями.

Лицо мертвеца, представляло собой еще более жуткое зрелище. Закатившиеся глаза, по щекам змеятся бурые дорожки. И все, кроме высокого лба Рамиреза в запекшейся крови. А там, где агония исказила морщинами переносицу красовался похожий на перевернутую рыбу нарисованный глаз. Знак Обманщика.

Только взглянув на глаз я понял КПО напугал меня в камерке с лампами. Но как этот кусок мяса, обрубок человека, мог двигаться? Как он миновал снующих туда-сюда зомби. Кто вообще это с ним сделал? Похоже на ритуал язычников. Но меня могла так напугать только очень сильная магия... Простой шаман так не работает.

Обманщик и Дриада? Однако Лорд Хаоса мертв, я лично отправил его телесное воплощение восвояси. Виктория погибла от Ржавильного газа, в попытке остановить Карраса. Я видел ее смерть, дриада не могла выжить. Кто изувечил Рамиреза? Кто заклеил его знаком Хаоса?

И, главное, зачем?

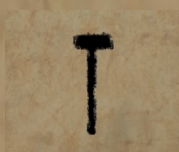
Я принялся тщательно осматривать тело Рамиреза. Изодранные бока, кое-где белеют торчащие ребра. Стертая кожа на ладони свободной, правой руки, ногти обломаны. Ветки по всей правой стороне тела тоже измочалены до белой сердцевины.

Характер следов вопит о том что Рамирез полз САМ! Но как? Настолько изувеченный человек не способен перемещаться. Он и минуты-то не протянет!

Мне начало казаться, что листья на груди прилипли слишком упорядочено, а кровь, вытекающая из-под них застыла слишком ровно. Я аккуратно отогнул один листик. Так и есть – руна. По мере освобождения груди Рамиреза от листьев и какой-то черной дряни, смахивающей на древесную кору, руны укладывались в связный текст :

В малой частице спряталась мать всех лесов,
В трепете Лист распустился, приветствуя жизнь
Камень на камень бездумно застлает, глупец
Пот что врагом был защиту в чаще найдет
В мести отшельник разбудит спящее зло
Пламень холодный ослепит, вскипит плоть земли
Жребий уж брошен, Древний прельщает сердца
Выбор за теми кто жаждет нечистой любви...

Суший бред в стиле Хранителей. Вот только прорицаний вырезанных на трупах мне не хватало. Я с ненавистью пнул тело Рамиреза. С меня довольно! Ну почему всякая дрянь липнет именно ко мне? Я залпом осушил кубок со святой водой, швырнул его в угол со всей силы, завинтил канистру и решительно направился на свидание с Адольфо.

Крагсклефт

В тюрьме творился суший бардак. Мало что рядовые братья, так и братья-инквизиторы не могли ничего понять. Сначала явился старший инквизитор Брат Мортвилд, устроил форменный разгон, полную проверку заключенных по описи. За небрежение несколько братьев были строго наказаны. Потом всем заключенным-язычникам и еретикам был вынесен смертный приговор, исполненный незамедлительно. Братья-палачи валялись с ног от усталости.

С уровня шахт потянулись зомби, одуревшие от запаха крови, началась резня. Двое братьев погибли, но тела были отбиты и спасены от перерождения. Караулы усилили втрое.

Наконец к полуночи, когда все стихло, в обстановке высшей секретности привезли деревянный ящик в рост человека. Рядовые братья были распущены по кельям со строжайшим наказом не покидать их. Ящик отволокли в пыточную.

Под утро все вроде - бы успокоилось, удивленные и ничего не понимающие братья разошлись по постам. И тут явился Первосвященник.

Первые лица ордена редко посещали Крагсклефт, да и то не задерживались надолго, проводя время на верхних уровнях, подальше от воплей заключенных и грохота фабрики. На этот раз Первосвященник Брианан обошелся без традиционных благословений и коллективных молитв. В ордене с презрением относились к помпезности и официозу, но Первосвященники почитались особо, как сыновья Кузнеца. Но Брианан проигнорировал на сей раз приличествующие сану мероприятия и направился прямоком в пыточную.

Пленник висел на дыбе, растопырив руки и ноги. Нестриженные, немывтые волосы, клочковатая борода. На плечах и бедрах замысловатые татуировки, руны, между сосками Око Обманщика. Звериный взгляд.

Язычник как есть... не эти слабаки, что в Город поналезли, а из тех что рожден в дремучих левах, дремуче невежественен, но силен телом и черным своим духом...

Его явно допрашивали «с пристрастием», но было видно что за тем, чтобы он оставался живым бережно следят. Рядом находились братья-лекари суетливо осматривая раз за разом изможденное тело пленника.

Первосвященник прочел краткую молитву и кивнул Брату Мортвилду. Дело требовало присутствия минимума свидетелей, поэтому охрана, лекари, и все кто находился в пыточной камере, были удалены. Допрос и пытку Старший Инквизитор начал сам.

Он, демонстрируя знание дела, умело растянул пленника на дыбе, вращая ворот механизма, и снял заклинание молчания с губ язычника. Но тот не заорал от боли, а с кривой ухмылкой плюнул под ноги инквизитору. Брат Мортвилд невозмутимо повернул ворот настолько, чтобы с сухим щелчком, конечности пытаемого выскочили из суставов. Пленник зашипел от боли, но продолжал ухмыляться.

- И так с благословения Строителя приступим... что ты презренный видел в лесах севера, какие книги читал, сколько вас и кто вами руководит...

-Ха... глупец, ты глупец святоша... ты не спрячешься под мертвым камнем, не разгонишь великую тьму огнем мертвого дерева....

- Твоего гнусного повелителя уже нет презренный, сила Строителя низвергла его, отвечай на вопросы!

-Глупцы... Лорда Листьев поверг уличный вор а не ваш молоточник.. вы слабы как дети...
аааааааааааа....

-Брат Мортвилд, не переусердствуйте раньше времени...

-Да отче... не выношу богохульства...

-Ха-ха-ха... глупцы, вы не видите, что хороните себя в Городе мертвых камней, но Хозяйка накажет вас тьмой....

- Хозяйка? Отвечай!!! Дриада в Городе? Она жива?

Пленник хохотал, хрипло, надрываясь... на губах его выступила пена.

-Отвечай!!! Или я замурую тебя навечно именем святого Ёры в скале...

-Глупец..., пленник нашел глаза Первосвященника,- пророчество прочитано... вы все уже мертвы, и ты мертв, святоша. Ледяное пламя твоей крови не спасет тебя, молоточник.- язычник скривил разбитые губы, - или смерть уже пришла к тебе во сне, первосвященник?

Мортвилд не заметил, что после слов язычника, Брианан дернулся, как от пощечины и побледнел.

- Он знает? Догадывается? Или это просто совпадение? -пронеслось в голове у первоиерарха, - нет, нет, это может быть только совпадением. . .

-Так мы ничего не добьемся,- подобрался Брианан, - инквизитор, приступайте к допросу второй степени.

Брат Мортвилд тут же подчинился. Он повернул несколько рычагов, перекрыл в нужной последовательности клапаны и отступил назад, готовясь продолжить допрос. Но как только из пыточной машины ударила струя пара, обдав язычника, тот завопил нечеловеческим голосом, забился на дыбе, его мощные мышцы напряглись так, что начала лопаться кожа. Дубленные кожаные ремни, приковавшие его к металлу лопнули, он вырвался и бросился на Орденцев.

Оштаренными руками, с уже вздувшимися волдырями он схватил растерявшегося инквизитора и разорвал его кольчугу как бумажный лист, вцепился в левую сторону груди ногтями, намереваясь вырвать Орденцу сердце.

В ту же секунду огромный молот обрушился на голову язычника. Череп разлетелся фонтаном брызг и уже мертвое тело рухнуло на пол пыточной.

Еще не чувствующий от шока боли, инквизитор схватил за руку Первосвященника и поднялся.

Тяжело дышащий Брианан сжимающий боевой молот, с ног до головы забрызганный кровью яростно бросил :

- Одержимый. Это одержимый, Инквизитор. Язычники нарушили договор и ответят за это.

- Именем Строителя, - прохрипел Старший инквизитор Мортвилд и потерял сознание

Гаррет

Я шагнул из раки обратно, в гулкие коридоры Бонхорда, и остановился как вкопанный. Я был так поглощен исследованием пророчества, что сосредоточил свое обостренное восприятие только на нем, и совершенно упустил из виду нечеловеческую настойчивость обитателей склепов. Пока я ковтырялся в трупе Рамиреза, снаружи изменилось многое. Слева от входа выросла новая стена, состоящая из плоти разной степени разложения, кишашей мухами и источающая невыносимую вонь. Огромная толпа мертвяков вытянулась вдоль невидимой черты, продолжающей дверной проем и отмеченной на замшелом полу прямоугольником света, струящегося из раки. Я разглядывал жуткую картину, не в силах побороть страха и отвращения и не мог сдвинуться с места. Зомби стояли в абсолютной тишине, уставив свои пустые глазницы в меня все, как один. Те, у которых отсутствовали головы, опустили торчащие из плеч куски позвоночника строго ко мне, как по линейке. Из толпы доносилось еле слышное бульканье, отзвучивающееся спазмами в моем пустом желудке. Разум подсказывал мне, что нежить не в силах преодолеть защиту Молотов, поставленную на вход в раку, но тело упорно сопротивлялось. Такого я еще не видел. Демоны, да такого не видел никто!

Я попытался взять себя в руки, и мне почти удалось задушить подступающую панику.

Но вдруг, в неподвижном строю зомби я разглядел неестественное шевеление. У четвертого от меня мертвяка начала отваливаться рука. Сначала влажно чавкнуло. Затем отчетливо послышался щелчок выходящей из сустава кости. И наконец, истлевшая ткань погребального облачения на рукаве не выдержала и порвалась. Рука отвалилась по локоть, сочно шлепнувшись на камни. Я понял, что больше не выдержу. Стараясь не смотреть в сторону мертвяков, я осторожно шагнул наружу, направо от двери и маленькими шажками, задерживая дыхание, потянулся прочь. Я почти дошел до поворота, когда что – то заставило меня обернуться.

Моя секундная слабость послужила сигналом. Зомби завывали. Такой звук может издать только существо с разложившейся глоткой. За спинами зомби зашлись в хохочущем плаче Хаунты. Толпа мигом пришла в движение. Передние ряды упирались, не желая прикасаться к магии Строителя, исходящей от освященных стен. Но сзади напирала не рассуждающая масса гнилого мяса и первая шеренга не выдержала и подалась вперед, слитно шагнув в поток света. Они осыпались моментально, превратившись в серый прах. Следующие за ними стали спотыкаться и падать головами вперед, осыпаясь наполовину, оставляя после себя нижние конечности. А толпа давила и давила, беснующиеся Хаунты усиливали напор и количество победило магию Молотов. Пятая, или шестая шеренга уже не рассыпалась в пыль, а разваливалась на куски. Остатки кожи сползали с мертвяков струпьями, конечности надламывались, но они перли и перли вперед...

Я понял, что мне не уйти. Прясушимися пальцами я отвинтил крышку канистры со святой водой, и словно сеятель, окатил мертвяков по широкой дуге, лихорадочно соображая, как мне отбиваться от трех десятков набежавших Хаунтов. Святая вода попадала на хохочущих исчадий Хаоса, заставляя их корчиться, сгибаться пополам и падать. Я размахивал канистрой направо и налево, груды мертвой

плоти росла на глазах, но через смердящий холм упорно карабкались новые Хаунты, а в противоположном конце террасы появилась очередная группа воющих мертвецов. Я продолжал свои безнадежные потуги, уже понимая, что обречен.

Но там, где не справилась священная магия Ордена, на помощь пришло время. Опорная колонна, на которой покорила секция террасы, не выдержала и начала заваливаться под тяжестью трупов. Я потерял равновесие, уронил канистру, но успел прыгнуть назад, извернувшись всем телом и упасть грудью на следующую, устоявшую секцию. Страшный грохот потряс недра Бонхорда, отозвавшись многократным эхом, когда огромная масса камня, увлекаемого обвалом, рухнула в пропасть. С трудом подтянувшись, я обернулся на образовавшийся провал и заржал, истерический смех колотил меня до тех пор, пока в проеме покинутой раки не появился мой старый знакомый.

-Используй наследие Карраса, – голос Фамиреца прозвучал в тишине абсолютно четко, – подарок Карраса поможет...

Я несся как подстреленный.

Первосвященник Брианан пил бренди лишь раз в жизни.

Молодой послушник Мортвилд обнаружил худого, насуспенного младенца у черного входа храма, когда только принял обет молчания в Ордене. Мортвилд пронес ребенка к себе в келью, не обращая внимания на возмущение и протесты дежуривших в ту ночь братьев, молча, как и положено. Положил завернутое в тряпку тельце на стол и лег спать. Но спать это маленькое чудо ему не давало много дней. Послушник исправно посещал молитвы, потом отправлялся на литейную фабрику, работал, усталый возвращался в келью. Мортвилда неизменно встречал кричащий, голодный младенец. После полутора месяцев мучений он понял что больше не выдержит...

Однажды ночью он, охваченный помутнением от отсутствия сна не выдержал, схватил каменный молот, украшавший его ложе, размахнулся и хотел убить младенца. Ребенок перестал плакать и потянул маленькие, неуклюжие ручки к молоточку.

Мортвилд понял что это испытание, ниспосланное Строителем. На следующий день он взял ребенка с собой на фабрику и был поражен, когда младенец всем телом потянулся к пышущим пламенем горнам, улыбался и залиристо смеялся, глядя на заполняющую формы раскаленную сталь. Огонь и жар не пугали ребенка.

Однажды, в год своего двухлетия, мальчик схватил рычаг, который взрослые трогали только в перчатках и потянул на себя. Раздалось шипение и запах паленой плоти. Мортвилд кинулся было, но застыл на месте ошеломленный.

Ребенок ошарашено смотрел на обожженную руку, казалось не чувствуя боли. Послушник схватил воспитанника под мышку, доволот до служебной комнаты, и влил в ребенка единственное доступное ему обезболивающее - бренди. Мальчик начал дико кричать, вырвался, убежал обратно на фабрику, и, опять голыми руками, держал рычаг, пока расплавленный металл не обрел новую форму. Так мальчик отлил свой первый молот.

Сегодня Первосвященнику захотелось наплевать на все обеты и вдребезги напиться. Но что мучило его в ночных кошмарах вырывалось наружу с воплями пытаемого язычника. Он стиснул зубы. Что ж, На все воля Создателя.

Бурриқ смотрел на меня, а я смотрел на бурриқа. Подслеповатая тварь поводила головой, стараясь разглядеть неожиданную помеху в моем лице, и никак не могла взять в толк, что ее насторожило. Рептилия сыто порыгивала, источая кислый дух перебродивших в желудке пламенных грибов и это было хорошо. Сытые самцы не так агрессивны, а самец мне попался матерый. Клинообразная голова венчала массивное тело, крепко стоящее на мощных задних конечностях. От макушки до кончика широкого хвоста, рептилию защищал слой ороговетшей кожи, покрытой широкими, твердыми как камень наростами. Шварь, добрых десяти футов в длину, доставала мне до плеч в холке, а когтями на передних, рудиментарных лапах, смогла бы располосовать и кольчугу, умей она ими пользоваться. Впрочем, одну переднюю конечность, бурриқ потерял в давней драке, оставив себе бугрящийся костяными бородавками обрубок. Я поднял глаза, разглядывая морду рептилии и понял, почему тварь, шагающая по перекрестку между тоннелями, вдруг развернулась и зашла именно в мой поворот. Вся морда бурриқа, была располосована вдоль и поперек. Такие шрамы оставляла нежить, а бурриқи ее терпеть не могли.

Из тоннеля, в котором я склонился над остатками Адольфо, несло мертвечиной. То есть, конечно же, не от стен и давно ссохшегося трупа знаменитого вора, а от меня.

Но бурриқ не атаковал сразу, а остановился в замешательстве, потому как запах был странный и необычный. Пахло одновременно мертвецами и живым существом. Однако потоптавшись немного на одном месте, рептилия раскрыла жабры и начала медленно, со свистом, набирать в себя воздух. Дело плохо. Бурриқи роют свои тоннели именно так. Набирают побольше воздуха в желудок, где он смешивается с едким газом, выделяемым переваренными пылающими грибами, а потом резко выдыхают. Из пасти вырывается жуткая смесь, способная разъедать и размягчать камень. После чего рептилия разворачивается и мощными задними лапами разгребает участок будущего хода. Таким же малоприятным образом бурриқи справляются с врагами, забредающими в зону их обитания.

Шварь продолжала натужно вдыхать, а я осторожно попятился, потянув за собой сумку Адольфо, которую к счастью успел освободить из его мертвых объятий. Я успел отступить достаточно, когда изо рта и ноздрей рептилии вырвались клубы ядовито – зеленого цвета, полностью скрывшие многострадальный труп моего коллеги, распростертый на полу.

Изрыгнув содержимое желудка, бурриқ не стал дожидаться результата и потопал восвояси. Вот и хорошо, вот и славно. У меня не оставалось ни сил, не желания ввязываться в драку.

Теперь можно спокойно исследовать добро Адольфо.

Адольфо прекрасно подготовился к походу в Бонхорд. В его сумке оказалось все, что нужно для выживания и полный комплект приспособлений для профессионального вора. Набор элементарных кристаллов в виде наконечников стрел впечатлял: кристалл воды, расколотившись, чудно тушил огонь, кристалл земли создавал слой грязи, заглушающий шаги, огненный служил разрушительным оружием, хотя выдавал сиянием стрелка, в воздушный кристалл умельцы вводили споры сонного мха, вырубавшего любое дышащее существо. Лечебные мази, быстро заживляющие раны, набор отмычек, и наконеч, старый добрый кинжал. Все было на месте и в прекрасном состоянии. Только взрывчатка никакой. Протянуть на всем этом добре, без нормальной еды и питья можно было пару дней, а потом? Вернуться и сожрать болтливый труп Фамиреза? Пить кровь бурриқов? Шляться тут пока крыша не поедет?

Я с немым укором посмотрел на Адольфо. На месте трупа растекалась, впитываясь в камни бордовая лужа. Вот и все, приятель, теперь от тебя осталась лишь память и пятно на известняке. Или не только пятно?

В центре неприятно пахнущей жижи покоился предмет правильной формы. Похожий отсюда на диск, дюймов шести в диаметре, какими городские мальчишки, играют в «лягушку», швыряя в море. Почему на эту штуку не подействовало дыхание бурриқа?

Я взял диск в руки и морщась отчистил с него остатки Адольфо рукавом.

Шлифованный камень с идеально ровной кромкой, небольшое отверстие сквозь которое продето маленькое колечко. Отверстие забито остатками льняного шнурка. Очевидно эту штуку, Адольфо

носил на шею, считая ее талисманом, или амулетом. Я не слишком суеверный человек, однако, сам таскаю подобную вещь, в виде маленькой золотой человеческой ладони. Эта Рука Славы приносит мне удачу. Наверное.

Я потер талисман Адольфо пальцами и почувствовал некоторую неоднородность поверхности. На диске явно присутствовал сложный рисунок. Шестое чувство постукивало молоточком в затылок – «Это важно Гарриет, проверь что там». За каким, спрашивается демоном? Впрочем, бродить по Бонхорду в поисках несуществующего выхода, мне придется очень долго и пара лишних минут ничего не решат.

Глаз перешел в ночное зрение, но рисунок, показавшийся мне странно знакомым, не проявился полностью. Единственное что я понял – создатели диска сначала высекали на поверхности бороздки, а после залили их расплавленным металлом. Чтобы металл стал виден отчетливо, нужен яркий источник света.

Я снова полез в сумку Адольфо и выудил «огненную стрелу». Наконечник – элементарный кристалл стихии огня, был зачехлен кожаным мешочком. Я разматал шнуровку на чехле, и в тоннеле словно зажгли факел. В кристалле, играющем множеством граней, бился, скованный минералом чистый огонь. Кристаллы попадали в Город из Бона, официально – экспортировались для нужд армии. Такие как я, покупали баснословно дорогие наконечники у перекупщиков и барыг. Ше в свою очередь либо пользовались коррупционностью интендантов, греющих руки на армейских складах, либо доставали элементарные кристаллы контрабандным путем, через Блекбрук. Считалось, что своим происхождением кристаллы обязаны продуктам жизнедеятельности стихийных элементариев, весьма опасных и агрессивных субстанций. К этой теории я отношусь скептически – ни разу не встречал, скажем, элементаря огня, из которого вывалился бы кристалл. Ну, летают себе горящие шарики, размером с кошку, ну гудят как электростанции Молотов, ну плюются огнем. Но чтобы гадить кристаллами? По мне, так торговцы из Бона просто набивают цену полезному, впрочем, товару. И напускают туману, разумно опасаясь конкуренции.

Рисунок, вплавленный в каменный диск, меня крайне озадачил. Да что там говорить, я просто не поверил собственным глазам. Две параллельные вертикальные линии, полумесяцы венчают низ правой и верхушку левой. Прямо под верхним полумесяцем, обе линии пересекает горизонтальный росчерк, выше которого две равноудаленные от краев точки. Ниже росчерка, по центру фигуры вписана окружность, с тремя точками под ней. Ошибиться, тем более мне, невозможно. Неизвестные создатели диска вплавили в камень Глиф. И хотя стиль начертания явно устаревший, слишком уж непривычно соблюдены пропорции, точки концентрации силы иероглифа выставлены недостаточно эффективно, что резко уменьшает синергетику деталей формулы, но это явно Глиф.

То что я видел перед собой, было совершенно невозможным. Абсолютно все Глифы исчезли, не важно, начертанные Хранителями – Переписчиками в хрониках, нанесенные на стены Города в тайных местах, или выведенные прямо в воздухе, мастерами иероглифической магии, членами Совета Хранителей. Потеря Глифов и их силы была единственной возможностью предотвратить уничтожение Хранителей. Именно исчезновение всех Глифов до единого было побочным эффектом магии, сокрушившей ведьму.

Но формула поблескивала на поверхности диска как ни в чем не бывало. Глиф перехода, один из самых мощных в арсенале Хранителей лежал у меня в ладони. А что, если иероглиф не только не исчез, но и действует? Идея, внезапно озарившая меня до дрожи в коленках, была сверхзаманчивой. Ведь если Глиф действует, я смогу покинуть замурованный Молотами Бонхорд и оказаться... Где?

Я стал вспоминать, принципы работы с Глифом перехода. Чтобы мгновенно переместиться нужно два условия. Знать точку выхода и прочитать правильно формулу Глифа. С иероглифической грамотой у меня все в порядке, а вот точка выхода – сложный вопрос. Хранители обычно размещали два Глифа перемещения – на точке входа и в точке выхода.

Но в моем случае точки выхода быть не может.

Второй способ практиковался на заре использования магии Глифов, и был крайне опасен. Следовало очень точно, в мельчайших деталях представить себе место, в которое собираешься попасть. Малейшая ошибка, и ты окажешься, например, в стене, что повлечет немедленную, мучительную смерть.

Что ж, Мне выбирать не приходится. Я закрыл глаза и сосредоточился. Передо моим внутренним взором предстал журчащий фонтан в Южном квартале, выложенная брусчаткой мостовая, стена постоянного двора, в котором я обитал. Я воссоздал в голове все, что смог вспомнить, открыл глаза и произнес формулу Глифа вслух. Изображение на диске подернулось голубоватой дымкой, и пространство вокруг меня заполнилось синим мерцающим туманом. Я поднялся, шагнул в туман и почувствовал, как диск в руке невероятно нагрелся и обжег ладонь.

- Дерьмо, - подумал я.

И оказался по колено в дерьме. Но мерзкий запах я вдыхал как редкое благовоние. Магия Глифа, перенесла меня прямо в Городской коллектор. И бронзовый указатель под ржавой служебной лестницей, ласкал взгляд надписью «Южный квартал». Я почти дома.

Шлепая по вонючей жиже к своему кварталу я думал о трех вещах,

Почему ожил Глиф...

Кто подбросил мне Рамиреза...

И где найти ту скотину, которая за все это ответит.

Бақдуша пялился на стенд с «Городской трибуной». Процесс по-видимому доставлял ему неопишное удовольствие. Бақдуша, то подходил в упор к подсыревшим от дождя листкам газеты, наклоня голову вправо-влево, то делал медленный и какой-то торжественный шаг назад, упирал руки в бока и довольно щерился. Казалось он смакует какую-то сногшибательную новость, которыми периодически пестрела «Трибуна». Если бы этот кретин умел читать...

Даже меня его ужимки заинтриговали. Подойдя ближе, я наконец разглядел предмет его созерцания. Справа от новостной колонки традиционно красовались портреты самых разыскиваемых преступников города, к коим прилагался список примет и совершенных правонарушений.

Бақдуша пускал слюни на собственную прыщавую рожу, старательно намалеванную среди прочих. Вот он, момент славы! Шестерка видно мнил себя уже чуть не Мастером-вором. Надо бы его обломать ... в воспитательных целях,

Стараясь не заржать, я схватил его сзади за плечо. Бақдуша резко присел и очень медленно повернул побледневшую морду ко мне. Узнав, он пискнул на высокой ноте и попытался схилить, но удерживаемый мной за куртку развернулся и со всей силы приложился репой акурат об свой портрет в газете. Упав на брусчатку, он принялся невнятно бляеть и тыкать в плакат над собой. Я пригляделся. Мой портрет висел в центре, перечеркнутый красным крест-накрест. Делалось это для неграмотных и значило, что вор пойман и казнен. Что подтверждала и бравурная надпись под рисунком «...мобилизован весь личный состав... силами городской стражи... в результате слаженных действий... осужден и четвертован».

Ида. Художник, изобразивший меня очевидно считал что я завтракаю младенцами. С такой рожей от меня и зомби бы разбежались...

Ухмыльнувшись, я взял Бақлушу за шиворот и потащил в менее общественное место. Надо разузнать что и как.

-Ну ты, ну ты дааа... они ж тебя, а ты... ну Гарриет, ты... да ты лучше всех, да я за тебя ...ты только скажи... да я прям сейчас... тараторил осоловевший от моего чудесного воскрешения и забористого пива Бақлуша.

Я его не слушал.

По всему выходило, что дела обстоят восхитительно. Городская стража убедила всех и вся в Городе, что я отправился к праотцам и можно быть спокойными за свое добро. Разубеждать кого - бы то ни было глупо, к тому же быть мертвецом мне на руку. Бақлуша то еще трепло, но меня боится больше чем всех шерифов, инквизиторов и Заправил вместе взятых. Можно бы смело приниматься за старое. Но вот Фамирез...

Бывший заправила мог подстроить мне неприятности сам, по старой памяти, А мог плясать под чью - то дудку. Я часто перехожу людям дорогу, но кто-то взялся за меня всерьез. Потому что могли просто убить меня, а не связываться с Городской Стражей. И если Фамирез - исполнитель, то зачем весь этот цирк в Бонхорде? За меня взялись Язычники? Или кто-то хотел, чтобы я так подумал? Или...

Нет. Слишком много вопросов. Действовать необходимо немедленно, рано или поздно просочатся слухи, о том что я жив и здоров. И недоброжелатели повторят попытку. Так что придется покопаться в грязном белье Фамиреза.

Я отобрал пиво у Бақлуши, и принялся втолковывать ему задачу. Уяснив, шестерка во всю прыть побежал по городу собирать людей. Хазеру и Франко можно доверять, особенно если посулить приличный куш. А Бассо просто искренне обрадуется, увидев меня живым.

Именно эта троица представляла большую половину людей, которых я мог считать абсолютно надежными. Все они были старыми, матерыми тафферами, успевшими попробовать на зуб и особняки Аулдейла и склепы под монастырями Ордена Молота. Все они попеременно побывали в Городской Шюрме, а Бассо умудрился загреметь аж в застенки Крагқсклефта. Первые двое благополучно бежали из цепких лап Городской Стражи, причем не раз, а Бассо мне пришлось выручать самостоятельно. Погостив в допросных Инквизиции Бассо оставил там половину своего здоровья, и оказавшись на воле, стал побаиваться запускать пальцы куда не следует. В итоге он повстречал свою Дженивер и завязал. Конечно, в нашем окружении невозможно отойти от дел навсегда. Дело в том, что Бассо - лучший шихтовщик по нашу сторону Стены. Его музыкальный слух и поразительное чутье позволяли Бассо без труда вскрывать сейфы, которые другим приходилось взрывать. Так что даже когда Бассо прекратил наведываться по ночам в дома горожан разной степени порядочности, его талант остался востребованным. Не без моей помощи, он открыл небольшую лавку и торговал замками собственной конструкции, составив конкуренцию не только Торговому Дому Шеменовых, но даже Орденским мастерским. Кроме того его предприятие занималось выточкой дубликатов ключей а так же вскрытием замков, ключи от которых постоянно теряли пьяные в хлам доны благородной от содержания биделбонга крови. Правда, иными ночами, некие подозрительные личности таскали к Бассо разногабаритные ящики, тяжелые и не очень. Но Бассо благоразумно считал, что лучше вскрыть по просьбе Заправил краденые их тугами сейфы и шкатулки, и быть уважаемым в «среде» чем платить унижительную кастрацию.

Что касается Хазера и Дранко, то они слыли лучшими ворами, после Адольфо. Конечно, в Городе Мастером считали меня... Но эта двойка раскалывала орешки, которые и мне не по зубам, безо всяких Скольжений в тенях и прочих недоступных простому человеку премудростях. С недавних пор они работали в паре, что чрезвычайная редкость среди таффберов, и надо сказать справлялись блестяще. Некоторые невыполнимые для себя заказы они перепоручали мне за необременительный процент, что избавляло меня от лишнего внимания со стороны заказчиков и Уполномоченных Инспекторов Городской Стражи. А когда они узнали, что появилась возможность подрезать крылышки Рамирезу, то согласились тотчас.

Корни их нелюбви к Заправиле Рамирезу, росли оттуда же откуда и мои. Рамирез нашел и сдал меня Страже за то что я его обчистил. Это было крайне рискованное дело, и я ни за что бы не подвизался под него. Коротышка сам виноват. В своем стремлении подмять под себя все и вся, в тот год он крепко насел на меня. Сначала были предложения дружбы от его подручных, потом несколько записок с угрозами. Рамирез никак не мог взять в толк, что я работаю сам на себя и что мне наплевать на все его страшилки. В итоге его терпение кончилось и он решил показательно меня укоротить, чтоб другим неповадно было. Но его туги опростоволосились и убили вместо меня случайного барыгу. Я просто рассвирепел. Той же ночью я прокрался в его особняк, вынес кассу Лордов и походя как следует прошелся по затылку и спине Рамиреза своим блэкджеком. А наутро заявился к Рапуто. Заправила Рапуто чуть до потолка не прыгал, когда углядел возможность скинуть зарвавшегося конкурента. Конечно, к Садисту я приволок всю наличность Лордов, иначе бы за мою жизнь не дали и ломаного гроша. Рапуто отвалил мне приличный процент, обещал не трогать и благосклонно «простил» кастрацию на двадцать лет вперед. Он понял, что сможет потерять лицо подобно Рамирезу и решил что легче использовать хороший повод оставить меня в покое, чем объяснять другим таффберам, почему это Гаррет не отстегивает с оборота.

А вот Хазера с Дранко тогда цапали люди Якоба – прихлебателя Рамиреза, садиста почище Рапуто. Несговорчивых воров убеждали несколько дней, используя не принятые в нашей среде методы. Они были вынуждены пойти под Рамреза, и теперь жаждали мести.

Я потягивал пиво в таверне у Ло, вспоминая о прошлом, таком же беспокойном как и настоящее и ожидал гостей. Ло знал меня под другим именем, и его маленький подвальчик с отдельным входом для таких как я был как всегда пропитан гостепреимством. Я навещался сюда лишь ночью, в скрытых от посторонних помещениях всегда царил полумрак, так что особенности моего глаза были незаметны.

Наконец скрипнула дверь и раздались мягкие шаги по лестнице. Я прикинул. Идут хорошо, тихо, не задевая стен. Две пары ног в специальной обуви без каблуков, простому человеку не расслышать, как таффбер ступает по полу. Третья пара топает погромче, но ясно, что обладатель прихрамывающей походки еще не растерял былых навыков.

Итак все в сборе.

Бассо тут же кинулся, облапал меня своими граблями, улыбчивый, нескладный. Я чуть слезу не пустил от умиления. Хазер с Дранко просто сели за стол. Профессионалы. Ничему не удивляются, но в глазах читается уважение. Шериф новый крут, если цапает, пиши - пропало. Пусть думают, что я просто смылся. Для их же здоровья полезнее. Я начал.

- Объявился Рамирез... Из какой дыры он вылез непонятно, да и не важно. Через три дня я хочу знать все. С кем говорил, с кем пил, с кем спал, чем гадил, и в каком конкретно сортире. Любая мелочь, даже если она покажется незначительной. Есть информация, что вернулся он навещать тайник с накопленным добром. Делим все поровну. Мне показываться нельзя – я на том свете, не шелестите особо по этому поводу, даже среди своих. Встретимся на старом месте, как обычно. Вопросы?

Вопросов не возникло. Запустить руку в закрома Городского Заправила и при этом не лишиться пальцев – заветная мечта любого вора. Глаза уже горят, и руки чешутся. А то, что тайник – фикция им знать необязательно. У меня достаточно золота, чтобы все были довольны. Ну Бассо, пожалуй я расскажу правду, гляди чего и присоветует.

Гости разошлись. Я я накинулся на жареных цыплят с такой яростью, будто именно они виноваты в моих проблемах.

Наутро Бакуша приволок записку от Франко. Быстро сработано. В записке кривым почерком намалевано «Каменный рынок дом 6. Рамирез снимает комнату на чердаке. Оплачено на два месяца вперед» Гм, снимает... Бедняга Рамирез снимать уже ничего не может. Он теперь у нас в мертвом виде с зомби болтает о грядущих невзгодах. Куда катится мир... у мертвяков теперь есть собственный прорицатель с рунами на пузе. Я усмехнулся, отложил записку и начал действовать.

Дверь таверны Каменного рынка с грохотом распахнулась. Послышалась брань.

-Куда ты прешь, рыбки твои потроха. На рею захотел, якорь тебе в глотку...

Хозяин выскочил из-за стойки, улыбаясь и часто кланяясь. Взглянув на посетителя он сразу опознал в нем контрабандиста. Небрит, вонюч, правый глаз перетянут черной повязкой, но пальцы сияют золотыми перстнями и слуга тащит следом сундук в пару раз превышающий вес бедняги. Контрабандисты народ хоть и шумный, но уважаемый. В каждом порту оставляют чуть не все золото, предпочитая дорогуший Бидлебонг вперемешку с пивом и сразу нескольких шлюх на ночь. Перепившись морские волки нередко тешили себя погромами, но наутро всегда являлся хмурый капитан и все компенсировал исправно.

Контрабандист пьяно осмотрел помещение, пробурчал под нос продолжительный набор ругательств, и наконец сфокусировал единственный глаз на хозяине таверны.

-Что ты на меня пялишься, как омар на голую задницу? - прорычал посетитель, - мне надо пришвартоваться в этой дерьмовой гавани как можно скорее! Я сух как вяленая рыба - голм, голм, - моряк основательно приложился к услужливо поданной хозяином пивной кружке.

-Как море, уважаемый, цел ли груз? Есть отличная комната на первом этаже... рассыпался хозяин.

-Дышать вашими помоями? - смягчился контрабандист, утирая пену с подбородка, - что ты понимаешь сухопутная крыса... на чердак, где свежесть и запах моря с доков...

- Конечно, конечно, - тут же согласился корчмарь, - мои помощники помогут вашему слуге, уважаемый, донести сундук.

-Я вашу породу знаю, - довольно хохотнул моряк, - разворуете все на полдороги. Что? - вдруг он вскинулся опять, - не смей называть юнгу слугой!

-Простите, простите уважаемый, я крайне невнимателен сегодня, - продолжал улыбаться хозяин.

-Что ты все время щеришься, будто уже что-то у меня спер,-

подозрительно сощурился одноглазый и начал хлопать себя по поясу и карманам, - хм, вроде все на месте...

-Что вы, что вы, - побледневший хозяин часто замотал головой, - в моем заведении никогда...

-А дай-ка, я тебе зубы выбью, - навис над дрожащим человеком контрабандист, - а то скалишься как акула, рыбка моча...

Хозяин таверны стоял ни жив, ни мертв. Он так перепугался, что решил кликнуть тугов Заправил, приглядывающих за таверной, наплевав на золото в кармане страшного посетителя.

- Ладно, не бойся, - контрабандист дружески хлопнул его по плечу, сменив гнев на милость, и кинул на стойку золотой, - показывай, где там моя каята.

Получив из трясущихся рук ключ с биркой, контрабандист пьяно икнул и загрохотал по лестнице наверх. Юнга с недовольной миной, потащил следом окованный бронзой сундук.

- Сухопутная крыса, акула тебе в ребро, отрезать бы тебе жабры, - бормотал по дороге моряк, - но это завтра, сейчас спать. И никаких девок, якорь мне в глотку, слышишь? - заорал контрабандист, свесившись с перил и чуть не рухнув на расставленные в зале таверны столы.

Хозяин снова закивал, баякая в ладонях целых ПЕРМ золотых. Пожалуй, на этом типе он наварится сполна.

Я в изнеможении плюхнулся на койку прямо в сапогах. Сорвал с глаза повязку. После такой демонстрации, хозяин таверны вряд - ли рискнет побеспокоить грозного «морского волка». Представление, разыгранное мной произвело впечатление не только на хозяина таверны. Баклуша валялся в углу и старался не отбросить копыта от смеха. По щекам шестерки катились слезы, он задыхался, бился головой о деревянные стеновые панели. Естественно при этом он старательно зажимал рот обеими руками, чтобы не заржать как Блэкбрукская лошадь и не угробить нашу нехитрую легенду. Глядя на него я не выдержал и тоже хмыкнул, но тут же взял себя в руки. Тяжелые и высокие сапоги вкупе с дубленным камзолом и широкими кожаными штанами мало подходят для моего рода занятий, так что я подтянул к себе сундук, завалившийся набок от усердий Баклуши и начал экипироваться.

Обтягивающее тело исподнее, с высоким горлом, из тонкой иссиня черной шерсти, облегающие штаны, с полосками прорезиненной ткани, позволяющие случайно не цепляться за предметы, с кожаными проставками на коленях и ягодицах, защищающими от жестких ударов и падений. На ногах – сапоги со шнуровкой и высоким голенищем. Подошвы сапог и вставки на щиколотках великолепно защищают стопу от излома, их шили из кожи буррика, невероятно прочной и в то же время эластичной. Ходить в такой обуви, имея соответствующие навыки можно практически бесшумно, и при этом без страха ступать по битому стеклу или острым камням. И наконец куртка. Ткань, сваленная из грубой шерсти с торчащими во все стороны волосками на вид может показаться неопрятной, однако в сумерках такой материал прекрасно ломает силуэт и замечить застывшего в ожидании человека, может только наметанный глаз. Застегнув пряжки из небликующего металла, я натянул на себя сложное переплетение ремней и кожаных полос, обвивающий весь торс, пояс и плечи. Эта хитрая конструкция усеяна множеством колец, петель, сложных шнуровок и узких кармашков, равномерно распределяет по телу, изрядный вес специального снаряжения, без которого приличный вор не выйдет из дому.

За голенищем укрылся длинный, тонкий кинжал – стилет, слева на поясе короткая дубинка из черного дерева Краеугольного камня, получившую прозвище «блэкджек», несколько пузырьков с болеутоляющим снадобьем на левую грудь, справа пару световых бомб. На предплечье я затянул кожаный чехол с шикарным набором отмычек – подарок Бассо. Он постоянно совершенствует свой набор инструментов, добавляет новые гребенки, щипчики, крючки и зацепы, следуя нововведениям в конструкциях личинок замков. Этот набор Шихтовщик вручил мне накануне и с гордостью пояснил, что второго такого нет не только в Городе но и на всем побережье.

Пожалуй на сегодня увешивать себя снаряжением по самые брови не следует. Моя миссия – в первую очередь наблюдение и разведка. Разнюхал – смылся. . . Устраивать резню – это не по мне.

И наконец, последние детали. Короткая, до середины спины накидка, покрытая множеством складок – тоже прячет силуэт в своем движении и отвлекает взгляд плавностью постоянно меняющейся формы. Венчает накидку глубокий капюшон. Некоторые мои коллеги прячут лицо за шерстяными масками, оставляющими открытыми лишь глаза, но мне такие вещи неудобны. Во первых в них

тяжело дышать на бегу, а во вторых здорово притупляется слух и обоняние, а эти чувства прилично дополняют в темноте даже тренированное зрение.

Я немного размялся, разогревая мышцы и оценивая как подогнана одежда, подтянул несколько ремешков, натянул на руки перчатки с усиленными кожей костяшками без пальцев, и повернулся к Бақлуше.

Шестерка уже прекратил ржать и теперь взирал на меня с завистью и уважением. Еще бы. Такое снаряжение стоит просто неприличных денег, хоть и окупает себя за пару – тройку серьезных заказов. Только вот чтобы получить приглашение к солидным клиентам, надо сперва заштопать не один десяток дыр от стрел и мечей Городской Стражи, в тряпье попроще. Поймав мой взгляд, Бақлуша с готовностью вскочил на ноги.

- Закажешь у хозяина побольше выпивки, - распорядился я, - Пусть думает, что я тут не просыхаю. Возможно, придется задержаться надолго. Жди моего возвращения, пока на часы Ратуше не пробьют три полночь. Потом дуй вместо меня на встречу, передай что я не явлюсь, пусть Бассо все запишет, принесешь мне. Мухой.

Бақлуша испарился.

Я вылез на крышу через чердачное окно, осторожно пробрался между лесом жестяных труб, источающих запах кухни и устроился, спрятавшись с обратной стороны огромной вывески таверны, изображающей пьяного матроса, обнимающего довольных грудастых девиц. Место я выбрал очень удобное, улица просматривалась в обе стороны, а окна временных апартаментов Рамиреза и недавно. Единственным досадным неудобством оказался лунный светильник, конструкции Механистов, который прилично слепил искусственный глаз переведенный мной на ночное зрение. Я подобрал камешек из сливного желоба и запустил в центр осветительного устройства, целясь в колбу, где лунный свет преобразовывался в электричество неизвестным для непосвященного в Братство способом. Сосуд, на мою удачу, лопнул, и мне оставалось лишь слышать ленивую брань патруля Городской Стражи по поводу проклятых Молотов, и ремонтников Департамента Общественных Работ, которых теперь «жди три дня и наступай на всякое дерьмо».

Я немного послушал, как Стражи перечисляют варианты виновных в поломке, начиная от мальчишек и птиц и заканчивая Обманщиком, ожидая пока они удалятся. Наконец Стражи пришли к выводу, что виновата во всем жена сержанта, которая не дает бедняге житья и еще кое – чего, и по этим причинам сержант сердит не в меру и оттягивается на подчиненных. Сказано все это, естественно в таких выражениях, что она же жена, доведись ей услышать, рекрутировалась бы в сержанты немедленно, только чтобы загрызть троюку до смерти.

Через некоторое время улица начала наполняться людьми. Сперва из таверны вышвырнули завсегдашняя, напившегося до полной невменяемости. Вслед за ним вытолз его товарищ, облевал себе сапоги и рухнул рядом. Из подворотни вынырнул, озираясь босоногий подросток и шустро освободил карманы пьяниц от оставшейся меди. Воришку заметили туги, дежурившие напротив, нехотя отдубасили, отобрали улов и поделили между собой прямо тут. Потом громилы отволокли пьяниц в подворотню, и на их место встали две потасканные девицы. Пара молодых аристократов, тоже нетрезвых вышли из соседней таверны и принялись неумело рубиться на мечах, продолжая какой-то спор. Потаскухи что есть мочи завивляли задницами, аристократы перестали рубиться и начали лапать девиц, торгуясь и перебрасываясь сальными шуточками. В конце улицы показался патруль из послушников Ордена Молота, потаскухи нырнули в тень, а аристократы, ожидая их затаили очередной спор, на этот раз богословский. Потом явились четверо странных личностей и я понял, что дождался.

Один сразу зашел в дом, напротив таверны, поднялся на мансардный этаж и постучал в дверь комнаты Рамиреза. Недождавшись ответа он спустился к товарищам, покачал головой и начал шопотом давать указания. Закончив инструктаж, он зашел в таверну, на крыше которой я сидел, заказал пиво, сел за столик у окна и стал наблюдать за улицей. Его действия отражались в окнах дома

напротив и я мог видеть его и его товарищей, усевшихся на ступенях, с игральными картами.

Четвертый скрылся за поворотом, и я решил что он взял на себя черный ход.

Типы с картами непрерывно переругивались с едва заметным акцентом, из чего я сделал вывод об их принадлежности к славному городу Блэксбруку. Среди их брани постоянно мелькало то ли имя, то ли кличка Тэсли. Судя по контексту, этого персонажа боялись до судорог и отчитывались лично перед ним. Но отсутствию Рамиреза этот Тэсли был не рад, а значит, к его приключениям в Бонхорде отношения не имеет. А от чужих проблем я держусь как можно дальше. Оставалось ждать вестей от коллег и наблюдать.

Прождав почти до самого рассвета, я не выдержал и наведаясь в комнату Рамиреза, пробравшись по крышам и вскрыв окно его апартаментов. Остолопы внизу даже не почесались. Я обшарил платяной шкаф, письменный стол, запертые сундуки, и даже порылся в урне для бумаг. Абсолютно ничего. Ни бухгалтерских записей, ни переписки. Даже толстый блокнот на столе содержал лишь колонки цифр, разобраться в которых мог лишь сам Рамирез. Досадно, но предсказуемо. Заправила умел замечать следы. Я еще раз, тщательнейшим образом перерыл вещи Рамиреза и, наконец, в одном из потайных карманов камзола Заправила, нашел интересную вещицу.

Я вернулся в таверну, на чердак. Городом владела глубокая ночь, Баклуша давно ушел, не дождавшись моего возвращения, как и было оговорено, и я позволил себе немного отдохнуть и поразмыслить.

Я крутил между пальцами вещицу, найденную у Рамиреза и думал. Итак, что мы имеем? В сущности ничего. Рамирез по всей видимости покинул Город после инцидента с казной Лордов, а не умер, как я предполагал. По всей видимости его новым домом стал Блэкбрук, и теперь Рамирез вернулся. Зачем? Только ради того, чтобы меня укоротить? Неубедительная версия.

Он мог заняться моей шкурой походя, из мести. Этот Тэсли его потерял и теперь активно разыскивает. Но Тэсли врят ли имеет отношение к язычникам и произошедшему в Бонхорде. Да уж, Я в очередной раз подбросил в воздух и поймал небольшой ключик и снова внимательно его осмотрел. Сложный, редкий ключ. С выбитой литерой «Б» и номером. Ключ от сто двенадцатой ячейки Первого Городского Банка. Что же, наведемся и туда...

К утру прискакал Баклуша с таинственным лицом, и я понял что дело сдвинулось с мертвой точки.

- Итак, господа воры, - начал Хазер, - Подведем итог. Рамирез, отлежавшись где-то на севере, является в город под вымышленным именем. Мобилизует лично преданных ему людей, которые снабжают его информацией различного содержания. Информаторы, которые имели с ним контакт, тихо исчезают. Все обставляется как несчастный случай. Рамирез умудрился даже архивариуса департамента разговорить... В общем, для нас это малоинтересно. Но. Собранные материалы он сливает типу по имени Тэсли. Этот Тэсли вхож в некоторые дома Семи Великих Семей. В общем, политика. А политика дело грязное. И не дешевое. Рамирез таскает золото в Городской банк, где обменивает наличность на облигации. В бумагах у него не меньше двухсот тысяч. Служащие банка утверждают, что на случай, если Рамирез не появится в течение полугода, им следует вскрыть ячейку и обнародовать некие документы. Документы так же хранятся в ячейке. Гаррет, если под тайником ты имел в виду Первый Городской Банк, о наши дела существенно усложняются...

Я вытащил из кармана и бросил на стол ключ.

- Если вы об осложнениях, то они незначительные, - пояснил я, - Чтобы изъять содержимое нужно две вещи. Собственно ключ, - я кивнул в сторону стола, - и цифровой пароль к механической системе запирания хранилища Банка. Но у меня есть один вопрос, Хазер, не имеющий отношения к деньгам. Имел ли Рамирез контакты с язычниками, в частности с кем нибудь из старших шаманов?

- Странный вопрос, Гаррет, - прищурился Дранко, - но я на него отвечаю. Люди видели Рамиреза в компании с язычниками, но они не могут знать, крестьяне это или Пэганские колдуны. Ты удовлетворен Гаррет?

- Отчасти, - начал я, - но...

- Минуту, Гаррет, - перебил меня Хазер, - мы ответили на твои вопросы, теперь ты ответь на наши. Ты видимо плохо расслышал, и я повторяю. Всех, кто имел дело с Рамирезом, пришили. Дело становится опасным, а мы дорожим своими шкурами. А поэтому, - Хазер в упор посмотрел на меня, - Гаррет, объясни, зачем Рамирезу понадобилось потратить целое состояние, сто двадцать тысяч золотом, чтобы найти твою задницу? И если мы в деле, будь любезен пояснить, зачем тебе Рамирез?

Я растерялся. Господа воры пялились на меня. Я не ожидал, что Хазер с Дранко унюхают подвох. Но они - старые, опытные воры и недооценивать их глупо и опасно.

Ситуация накалялась. Я сидел молча обдумывал ответ и ловил на себе жесткие взгляды. Я не видел их рук, но знал, что кинжалы готовы, а звон монет бьет в голову не хуже бренди, и если я что-нибудь срочно не придумаю, тут будет поножовщина. Они, конечно, мне не противники, но помощь, оказанная ими ныне и впредь, избавит меня от многих неприятностей.

- Господа, - наконец прокашлялся я, - это личные счета... Признаться, меня больше интересуют бумаги Рамиреза, нежели его накопления. Поэтому давайте успокоимся и продолжим.

- Нет Гаррет... дело слишком рискованное, если нужны бумаги, забирай... но облигации мы поделим без тебя. Это последнее условие.

Я задумался. На деньги я изначально не рассчитывал, а эти двое могли иметь в запасе какую-нибудь гадость. Пойду ва-банк.

- Вы правы, - процедил я, - бумаги представляют для меня определенную ценность, которая выше золота. Поэтому я согласен на ваши условия...

Лица смягчились, движения перестали быть резкими.

- Старина Гаррет, не держи зла, - заулыбался Хазер, - дело есть дело, мы же профессионалы.

- Что ж, господа профессионалы... как будем брать банк? Штурмом?

Брать Банк с налета, мы, конечно же, не стали, а совершенно справедливо решили, что серьезный куш требует не менее серьезной подготовки. Два дня ушло на наблюдение за маршрутами караулов вокруг здания банка. Одновременно сестра Бассо, разодетая в пух и перья изображала приезжую богатую вдову, возжелавшую открыть депозит. Она стреляла глазками в служащих, ослепительно улыбалась, частенько роняла бархатный платочек, поднимала его, не забывая продемонстрировать глубочайший декольте, чем совершенно деморализовала бдительную охрану и клерков. Наконец явился хмурый капитан охраны, желая выяснить причину всеобщего осоловления. Когда он увидел кто является объектом пошлых шуточек ладких на красоток стражей, беднягу хватил столбняк. Усы его встали по стойке смирно лицо сделалось красным, и на просьбу дамы провести экскурсию по банку, он сначала замычал, потом заблеял, и, наконец исчерпав словарный запас, просто утвердительно кивнул. Если бы его спросили завтра о беседе, он вряд - ли бы припомнил, что за ахинею он нес...

Несчастный за какие-то три часа сдал всю схему безопасности банка красотке. Я Криси, вопреки расхожему мнению о соотношении красоты и ума в женщине, обладала феноменальной памятью, так что схемы внутренних помещений банка лежали у меня на столе к вечеру. К тому же она умудрилась получить приглашение на ужин в Дрекбоун от капитана аккурат на ночь ограбления. Я подобной инициативы не одобрил, но ребята пришли в восторг и пришлось заткнуться.

Две ночи мы потратили на экипировку. Как назло, Городская Стража умудрилась устроить третью облаву за неделю и нужные люди попрятались по углам. Уж не знаю откуда у Стражей такие запасы дисциплины и усердия, что они целую ночь спуют по подворотням, трезвые. Да так шустро, что им некогда заниматься привычным делом – потрошить несговорчивых лавочников и отпускать мелких тафферов за мзду. Думается мне, что я знаю, кто так лихо «застроил» эту банду бездельников и пропойц. Отец этого «кого-то» тоже пытался прижать Лордов и свободных воров, и даже не гнушался проститутками и попрошайками, только вот задержанные попадали не в допросные Квартальных Шюрем, а прямоком на опыты к Брату Каррасу. Поэтому старший Пруарт долго не протянул, его пришли язычники, отомстив за тех, кого сцапали люди старого Шерифа, а меня ловко подставили, да так, что мне пришлось изрядно побегать, чтобы не попасть под статью «убийство офицера Стражи при исполнении...». Хотя старый хрен заслужил свой конец.

Его отпрыск, видимо, пошел по стопам отца в усердии, однако честность младшего Пруарта не вызывает сомнений даже у меня. Этот малый не угомонится, пока не переловит нас, всех до единого. Так вот, в этот раз Стражам посчастливилось повязать большинство серьезных барыг, и рынок, как водиться, отреагировал мгновенно. Цены на барахло, взлетели до самых часов на башне Городской Ратуши, выйти на качественное снаряжение стало необыкновенно сложно. Посредники набивали себе карманы процентами, выстраивая длинные цепочки прикрытия, чтобы цепкие лапы агентов Шерифа не могли дотянуться до непосредственных продавцов. При этом они понимали, что здорово рискуют шкурами и подробно расспрашивали потенциальных покупателей, пытаясь выявить среди них провокаторов и Инспекторов под прикрытием.

Вся эта свистопляска прилично осложнила наши дела. Работать на нынешних условиях с посредниками - равнозначно сообщению в Трибуну о времени, способе, и самом факте предстоящего ограбления. Бассо заикнулся было о своих связях в окружении Рапуто, но потом сам понял, что ляпнул.

Заправила потребует долю с дела, отправит своих тугов следить за нами, начнет расспрашивать, разноухивать... Короче гиблый вариант.

Поэтому мне пришлось сделать таинственное лицо и «вспомнить старого знакомого». Господа воры не стали лезть с расспросами, чем очень меня обяжали. Я я, пристроившись ночью за одним из посредников, протопал чертову уйму миль, чтобы наконец оказаться в дверях одного из осторожничающих не в меру барыг. Я так намаялся болтаться по Городу и наблюдать неумелые и смешные попытки спекулянтов замести следы, что готов был просто взять необходимое из лавки и унести ноги. Но барыга оказался третьим малым, и окружил себя уймой телохранителей, в самом прямом смысле этого слова. В такой ситуации Скольжение в маленьком помещении при толпе вооруженного до зубов народа может кончиться печально. Поэтому я вежливо постучался и вошел в любезно приоткрытую дверь.

Торговец очень удачно делал вид, что не узнал меня, но никак не мог унять дрожь в руках и пересчитал мое золото только с четвертого раза. Я устроил ему маленькую демонстрацию своих способностей, буквально долю секунды, но этого оказалось достаточно.

Увидев, как фигура, стоящая перед ним размазалась по воздуху, потом почувствовав как острое кинжала упирается в подбородок, а потом обратный порядок действий, барыга оқосел.

Он выронил золото, разинул рот, глядя на мои пустые руки, раздумывая, не привиделось ли ему. Я не стал его разочаровывать, улыбнулся самой кровожадной из своих улыбок, утвердительно кивнул и приложил палец к губам. Барыгу затрясло. Я как ни в чем не бывало закрыл за собой дверь и сразу нырнул в Скольжение. Следом загрохотали туги с блэкджеками на перевес и застыли на месте недоуменно оглядываясь. Бледный как лунь барыга выскочил из-за их спин, и принялся размахивать правой рукой, поминая Строителя, пожалуй, впервые в жизни.

- Какого черта ты меня облил, крысиная немочь, - взвился один из тугов, - и куда делся этот, как ты сказал его зовут?
- Да никуда он ни делся, идиот, - скороговоркой зашептал барыга, - это же призрак, ты же видел как он исчез, - а это, - барыга покрутил кулаком, - святая вода Молотов.
- Призрак? - глаза старшего туга забегали, - да, точно! Пойдем отсюдава внутрь скорее!
- Надо бы снизить цены, - боязливо поежился барыга, - Гарриет, упокой его Строитель, не явился бы просто так. Это плохой знак, он недоволен. Да, да, пожалуй, надо задуматься о скидках тафферам...

Они скрылись внутри дома, заложив дверь тяжелым засовом. Я был более чем удовлетворен. Теперь по Южному кварталу поползут разговоры, слухи обрастут холодящими душу подробностями, все как водиться... И если впредь кто-нибудь заметит старину Гарриета, разгуливающего ночью, то наверняка решит, что столкнулся с привидением и немедленно сделает ноги.

Это прекрасно, это нам на руку.

Я перекинул через плечо сумку с купленным снаряжением и двинулся в сторону нашего убежища на границе Южного квартала и Каменного Рынка.

Вернувшись, я обнаружил, что практичный Хазер без дела тоже не сидел. Из пивных кружек и пачек со специями он соорудил макет здания Первого Городского Банка с окрестностями и теперь они с Франко двигали парой оловянных фигурок рыцарей, отрабатывая предстоящие действия. Шак вот как эти пройдохи умудряются так слажено работать вдвоем! Это я пользуясь своими способностями запоминаю каждый поворот и закрулок, а они просто заранее доводят все до автоматизма. Я представил себе, как охрана какого-нибудь благородного отпрыска бестолково носиться по имению, в надежде поймать одного, по их мнению вора, пока другой спокойно чистит закрома от побрякушек. Разумно, элегантно, ново. Но, как и все уловки работать будет до определенного момента. Но за это время эта парочка придумает новую хитрость.

Я не без удовольствия включился в их тренировку, смял лист писчей бумаги и стал демонстрировать свои возможные действия. Однако быстро понял, что объяснить способ проникновения через наиболее охраняемые участки не могу. Не рассказывать же им про Скольжение... Поэтому я быстро перевел все в шутку и к рассвету утопал в спальню.

Вместе с предрассветным туманом на меня накатили дурные предчувствия. Я ворочался на кровати, пытался заснуть, но меня беспокоило полное затишье, крими меня сильные мира сего не баловали. По сути, конечно, хорошо, что меня не дергают, но уж больно подозрительно. И Хранители как в воду канули. Я прогонял события в голове так и сяк, пытался соотносить не соотносимое и совокуплять не совокупаемое, после чего решил, что совокупаюсь со своим мозгом и махнул рукой. В конце концов, можно рассчитывать на то, что бумаги Рамиреза внесут некоторую ясность в происходящее и все станет на свои места...

Наконец лучи солнца пробились сквозь завешанные тяжелой тканью окна, утро, как всегда действовало лучше любого снотворного зелья, и я отрубился.

И вот четырехдневное планирование, проверки, перепроверки, беготня, нервы и напряжение мозгов пошли прахом.

Сначала все шло как по маслу. Моя первая цель - впустить подельников в помещение Банка была достигнута довольно легко. Вместо того, чтобы ползать по подвалам и служебным помещениям, высчитывая время отсутствия в коридорах постоянных патрулей, я просто просочился через главный вход во время вечернего развода постов.

Смену караула принимал усатый капитан охраны Банка лично. Он очень старался показаться перед Крисси а его люди выпрыгивали из штанов, чтобы угодить начальнику. Ведь капитан вознамерился провести вечер, а возможно и ночь с дамой, что означает спокойную вахту для рядовых охранников, и возможность незаметно соснуть в караулке.

Занятые этими мыслями, охранники шагали как по линейке бодро и четко, олицетворяя собой бдительность, неутомимость и рвение.

Крисси хохотала до слез, наслаждаясь этим цирком. Довольны капитан, зачислив прекрасное настроение девушки на свой счет, сурово хмурил брови и гаркал отрывистые команды еще громче. Ему грезилось кружевное белье красоты, которое он рассчитывал получить в свое распоряжение, напоив Крисси, коварным Провианским игристым. Бедняге было невдомек, что сестра Бассо запросто проглатывала двойной Биделбонг на спор, и его потуги закончатся ночевкой под столом, а Крисси, как ни в чем не бывало, улизнет домой, так и не оставив записки с адресом.

Пока они развлекались, я прошмыгнул под самым их носом и, минуя первый караульный пост с отсутствующим в связи с парадным разводом дежурным, оказался в просторных недрах Первого Городского Банка.

Вокруг царила любимая мной полутьма. Электрическое освещение, установленное Молотами, на ночь обесточивалось, и лишь дежурные фонари распространяли мягкий, рассеянный свет на перекрестках коридоров и в служебных помещениях, где покоились солидные сейфы. Помимо сигнализации на дверях и окнах, имущество банка охраняли патрули и запертые в караулах дежурные. Караулки запланировали при строительстве таким образом, чтобы наблюдатель внутри мог просматривать смежные коридоры и немедленно включать свет при малейшем подозрительном движении или звуке. Вместе со светом с потолка падали стальные решетки, блокируя нарушителя в коридоре, и если незваный гость оказывался при оружии, дежурный расстреливал его с безопасного расстояния прямо сквозь решетку караульного помещения.

Но несмотря на все ухищрения, Банк периодически подчищали. Понемногу, содержимое пары тройки комнат вполне удовлетворяло воров. Чаще тафферов ловили, но человеческая беспечность, наряду с откровенной халатностью охранников всегда оставляла зыбкий шанс погреть руки на чужом имуществе.

Архивные и вспомогательные сектора Банка охранялись менее тщательно. По коридорам сновали лишь патрули. Одиночек легко вырубить, подкравшись сзади и приложив как следует дубинкой по черепу, чем я и займусь. Меня не интересует собственность Банка, моя вторая цель – Хранилище. Круглая комната с огромным количеством ячеек, где клиенты учреждения хранят свое добро. А чтобы попасть туда, следует впустить Хазера и Франко внутрь.

В первой же комнате архивного сектора, встретившей меня затхлым канцелярским духом, я открыл окно Хазеру. Он немедленно припустил в подвал отключать сигнализацию. Спасибо тебе, Крисси еще раз. Идиот капитан показал красоте, как охрана быстро и незаметно перемещается между этажами. Хазер отогнул ковер на полу, открыл крышку потайного люка и скользнул на нулевой этаж. Там он обесточит систему охраны пятого этажа, в который невозможно попасть, потому что там апартаменты Управляющего Банка и бухгалтерия. И в который никому не нужно попадать, потому что ценного там ничего нет. Вход на пятый этаж представляет собой длинный коридор, со специальным полом, ступившего на который, ждет гарантированная смерть, от удушающего газа. В общем пятый, охраняли от собственных сотрудников. Не дай Строитель напутают что – то с документами, или стянут бумаги, компрометирующие Банк, с целью шантажа. Но в кабинете Управляющего хранится интересная книжица, в которую капитан охраны, записывает номерной пароль от хранилища. Он сам выбирает цифры и сам запирает стальные створы святой святых Банка, поднимается вверх, отключает пол и пишет цифры в книжицу. Потому что иным способом вскрыть хранилище невозможно, и если лихой таффер прирежет капитана при ограблении, управляющий всегда сможет воспользоваться паролем позже.
(ОПТКУДА ЗНАЕШЬ?)

Дранко в это время спускался в панорамное окно с крыши банка и приступил к поиску кабинета Управляющего, и, собственно пароля. Хазер, по плану, уже сидит снаружи, осуществляет прикрытие и поднимает шум, если наше присутствие обнаружат, чтобы отвлечь часть охраны на себя. В заранее подготовленном тайнике, достаточно световых бомб, чтобы надолго занять пару десятков вооруженных людей.

Самым рискованным моментом нашего плана была передача пароля. Мне пришлось целых четыре минуты торчать в холле Банка, представляющем собой пять ярусов внутренних обзорных балконов, увенчанных стеклянным куполом. Я был вынужден выйти из Скольжения в Шенях, чтобы Дранко мог меня увидеть и сбросить книжицу так, чтобы я поймал увесистый томик. Однако все прошло удачно. Я оттянул висящий на стене флаг с символикой Банка и книжица, беззвучно подпрыгнув на ткани, оказалась в моих руках.

Я скрылся в коридоре, ведущему к Хранилищу, и нашел там похрапывающего дюжего охранника. Все – так отсутствие начальства пагубно сказалось на безопасности... Я ткнул его блэкджеком между глаз, для успокоения и занялся механическим замком. Наконец, колесики на стальной двери встали в соответствии с последней записью в книжке Управляющего, и я с замиранием сердца опустил главный рычаг. Глухой звук, раздавшийся по ту сторону, оповестил меня об удачном окончании сложнейшего во всем плане этапа.

Внутри я быстро нашел ячейку номер 112, отпер ее ключом из спальни Фамиреза, набил бумагами заплочную сумку, вернул рычаг в исходное положение и пустился в обратный путь. Чем дольше Банк останется в неведении относительно нашего ночного визита, тем лучше.

Я бросил взгляд на огромные напольные часы. Ага. Дранко уже должен вскарабкаться по веревке на флюгер соседнего здания и ждать в условленном месте.

Когда я почти миновал холл, я расслышал отдаленный шум.

- Шретий, нет, четвертый этаж, - успел прикинуть я.

И вдруг, прямо перед моим носом, сочно шлепнулся Дранко. Без головы. Следом прилетела его сумка и лопнула под весом содержимого. Звонко и радостно покатались в разные стороны веселые желтые кругляши. Золото. В ребро тебя раскорячь, через колено. Хренов Дранко!!! Увидал золото и «поплыл». Кретин!!!

Я принялся песочить дважды безголового Дранко, предоставившего мне роскошь орать во весь голос. Потому что сигнализация уже ревели так, что сводило зубы. Через минуту вся охрана будет тут, электрический свет уже включили, и мне не поможет даже Скольжение в Шенях.

Я во всю прыть припустил в сторону Архивов, где меня ожидало открытое окно, проклинаю Дранко на все лады. Да и я хорош... Всю жизнь работал один, привык, что за все отвечаю сам, и расплачиваюсь своей же шкурой. И прежде чем схватить что-нибудь ценное я всегда сначала заглядываю за угол. И не один раз. А тут простая аличность, пара несчастных монет и мое идиотское доверие.

Бегу.

Ветер свистит в ушах, в каждой руке зажато по световой бомбе, за поворотом топот ног и лязг мечей. Бросок бомбы – яркая вспышка, отборная брань. Два охранника трут глаза, дезориентированные и оглушенные. Направо, направо, налево, длинный коридор, стражник, еще бомба. Я привык красться, а не носиться, в висках уже стучит, дыхание сбилось. Еще поворот, бомбы уже не достать, они глубоко в сумке, под облигациями. Опять топот за углом, кинжал наперевес, замах, удар...

И прямо в живот Хазеру. Черт, черт, черт... Ну угораздило тебя...

Но уже замечаю, что из-под его кадыка торчит наконечник стрелы. Хазер медленно сползает на ковер, на лице застыло крайнее изумление. Я по инерции продолжаю бежать вперед. И тут до меня доходит. Впереди лучник.

Свист возле уха справа, чуть выше головы. Резкая боль в плече, и сразу еще. Порчащие стрелы мешают бежать, я их обламываю у основания, боль поглотил шок. Вышибаю ногой ближайшую дверь, залетаю в комнату, но успеваю получить стрелу в икру. Все, отбежался голубчик. Ногоу страшно свело, я вскрикнул, оступился, из последних сил бросил тело вперед, в проем окна, стараясь уйти от ненавистного света в спасительную ночь.

Преск, звон разбитого стекла, дыхание перехватило от резкой потери опоры. Брусчатка дорожки для патруля, опоясывающая банк встретила меня жестоким ударом. Пару ребер точно сломал. Плечо взорвалось нестерпимой болью. Я заорал в голос, терпеть уже не было сил. Возле уха звонко щелкнуло. Настырный стрелок добрался до окна и пытался взять меня на прицел. Я понял, что следующая стрела окажется последней, и отталкиваясь локтями, пополз прочь. Израненный и ничего не соображающий от боли, я решил, что смогу начать скольжение в тени дикого винограда, оплетающего стену. Четыре метра, три, два с половиной – билось в висках.

Фигура запыхавшегося стражника закрыла полнеба, когда стены можно было коснуться рукой.

-Попался таффер! Ну теперь получай! – зарычал охранник, рубанув плеча.

Я перевернулся на спину одновременно с его движением, и время будто остановилось. Я увидел, как раздвигается лезвием воздух, что сталь покрыта ржавчиной. Маленький зеленый треугольник, прилипший к потной ладони стражника. Это листочек дикого винограда трепыхается на ветру, тщетно пытаюсь оторваться и улететь. Мне стало жалко его, я поднял руку, пытаюсь помочь листочку обрести свободу. Я взглянул на стража, недоумевая, как тот может губить это зеленое беззащитное совершенство. Мне вдруг до слез стало жалко и охранника. Такой молодой, даже щетины нет. Приходилось ли тебе убивать? Это же так страшно! Наверное не приходилось, слишком неуверенный взгляд. Клинок поравнялся с моей вытянутой рукой, а я все смотрел стражу в глаза. Почувствовав легкое неудобство, я перевел взгляд ниже. Медленно и неохотно правая кисть отделилась от меня и фонтанируя красным исчезла в траве. Почему мне все равно? Только грустно. И надо же, совсем не больно... Путо смотрю на обрубок левой руки. И ничего не чувствую.

Парнишка с мечом обалдело смотрит туда же, зеленеет, начинает сильно, со спазмами блевать...

Нет, не убивал он никого. Добро пожаловать в реальность, малыш. Подбегают, пыхтя и отдуваясь его напарник, ставит ботинок мне на грудь, размахивается целя в шею.

Я с удивлением и интересом наблюдаю, как из его глазниц начинают ползти ростки. Он роняет меч. Из живота молодого уже выросло целое дерево. Оно пропороло живот другого и они дергаясь и булькая движутся по ветке в объятия друг друга. А ночь раскалывает душераздирающий, полный ненависти и отчаяния женский крик.. А потом ничто.

-Гаррет? Гаррет ты жив? Ну скажи, ну скажи хоть слово...

-Виктория?

-Да, я пришла, все будет хорошо...

-Я умер?

-Нет.

-Но ты же мертва!!!

-Спи Гаррет, тебе нужно спать...

-Виктория...

-Спи.

Шруарт

Город просыпался. Неохотно, с ленцой, плохим настроением и недовольным бормотанием. Глядя в затянутые плотными тучами небеса чертыхались гильдийцы. Купцы подсчитывали мешки испорченных погодой преющих специй, проклиная сырость и изморось, наполнявшую воздух третью неделю. Престарелая зная мучилась приступами жесточайшего ревматизма, медики носились по кварталам, не успевая обслуживать капризных пациентов.

Городская стража после каждой смены караулов полировала доспехи, атакуемые ржавчиной, вместо того, чтобы по обыкновению резаться в карты.

Пожилый, усатый сержант, стоя на посту у центральных ворот станции Шоулсгейт, выправкой и блеском амуниции заткнул бы за пояс кого угодно, но сейчас вытянулся во фронт и застыл как изваяние.

Илбис Шруарт, шериф Городской стражи прошагал мимо караульной будки, отдал команду «вольно», и остановился в ожидании, отряхивая рукава офицерского плаща. Когда металлическая решетка, ограждающая служебный вход Станции Шоулсгейт поднялась достаточно высоко, Шериф, не задерживаясь, салютовал дежурному привратнику и с облегчением избавился от промокнувшего насквозь плаща. Пока дежурный развешивал одежду на сушилке у камина, Шруарт сделал необходимые пометки в журнале, и начал свой обычный утренний обход.

С первого дня своей службы Шерифом, он делал это ежедневно. Проверка постов, на предмет уставного внешнего вида и наличия перегара. Проверка механизмов безопасности, холодильников морга, освещения, состояния водопроводов. Инспекция архива, изучение журналов входящих жалоб, протоколов исходящих приказов. Проверка подследственных, в том числе на наличие побоев. Да и просто на содержание помещений в чистоте и порядке.

Сначала над ним посмеивались, дескать выслуживается, щегол. Потом начали ворчать и судачить. Потом возненавидели. Особенно те, кто считал жалование стража недостаточным и подлежащим увеличению за счет потрошения подследственных и банальных взяток. Шруарт был несгибаем. Вышвырнув со станции всех взяточников, стукачей на содержании городских Заправил, пропойц и бездельников, в первый месяц, Шруарт заслужил репутацию сатрапа и диктатора. Но когда на вверенных ему кварталах количество правонарушений упало втрое, и удивленный Барон увеличил жалование и довольствие Шоулсгейта, стражи изменили отношение к новому начальнику. Поэтому когда привратник удостоился удовлетворенного кивка шерифа, усы его гордо встопорщились, а бдительность удесятилась.

Закончив обход Шруарт поднялся на второй этаж, и проследовал в дальний конец коридора, в офицерскую.

– Садитесь, – командовал он офицерам, приветствующим его за вытянутым столом по стойке «смирно», – слушаю.

- Лейтенант Харвин, Южный квартал. Четыре кражи, одна со взломом, раскрыты три. Убийств нет. Жалобы на лоточника - обсчитывает, приглашен для беседы. Все.
- Лейтенант Картер, доки. Две кражи. Нераскрыты. Убит какой-то бродяга, личность устанавливаем. Прибыло два судна, проверяем на предмет контрабанды. В таверне у Ло матросы затеяли пьяную драку, пятеро ранены, зачинщики допрашиваются на кораблях. Капитан попытался сунуть взятку – оштрафовали. Рыбаки жалуются на нападение существ с рыбьими головами, похоржих на того урода, что сбежал из-под стражи в прошлом году. Все.
- Лейтенант Мосли...

Труарт слушал доклад Мосли и думал о том, как она сдала за последние годы. После убийства отца она взяла молодого Илбиса под свое крыло и фактически заменила обоих родителей. Решительная, смелая женщина, прошла через многое в Городской страже и многому его научила. Но сейчас она начала от него отдаляться. Было ли это результатом его повышения, или начатого им тайного расследования о причинах гибели отца он не знал. А может быть виной тому разговор, состоявшийся два года назад после прекращения преследований язычников.

-Ты не права,- отрезал тогда Труарт,- и отец был неправ. Тебе ближе мировоззрение язычников и я это уважаю. Отец ненавидел их, преследовал и водил дружбу с Механистами и был бы по-своему прав. Но именно «был бы». Потому что и ты и отец - офицеры Стражи. Стражи закона. А ни чьих-то убеждений и верований. Орден Молота подменяет своими догмами закон, исходя из своей, якобы исключительной, правоты. Так им повелел Создатель. Я тоже верю в Создателя, но я стою на страже закона. И если орденец режет крестьянина, а другой крестьянин ковыряется в его барахле, это должно означать для нас не священную войну двух противоположностей, двух религий. Это должно означать, что и тот и другой лягут под статью, пункт такой-то часть такая-то, и ответят за содеянное. И если им не нравится, то лучше им убираться из Города, пускай одни строят свои монастыри в чистом поле, а другие сеют брюкву в лесу. А когда они придут в Город, чтобы продать брюкву на Каменном рынке или принести слово Создателя в храм, то должны помнить, что равны перед законом. Так же как Лорды, Сэры, пэры, булочники или говночисты. Я уже не говорю о том, что их жалобами друг на друга завалены все Станции, и некогда ловить ворье...

Шериф выслушал рапорты. Теперь слово было за ним.

-Итак, господа. Мы сидим за этим столом, не только потому, что присягнули Барону. Каждый из вас понимает общую картину происходящего в Городе. А именно - коррупция, разгул преступности и борьба за власть среди Семей. Наводить порядок мы начали с себя и во многом преуспели. Однако в других частях Города, на других Станциях твориться Строитель знает что. Ситуацию надо брать под контроль. Я рекомендовал лейтенанта Харвина и лейтенанта Картера на повышение и перевод старшими офицерами в другие районы. Барон меня поддержал. Когда вы станете Шерифами я, безусловно, не смогу отдавать вам приказы, но твердо знаю, что у нас с вами одни цели и одни средства. Порядок в Городе и Закон. Барон стар. Но пока он на плаву, существует определенный порядок. Для укрепления этого порядка предлагаю создать совет Шерифов. Неофициально. Иначе Семь семей, рвущихся занять место Барона после его кончины нас разорвут. Подумайте, господа. А сейчас все свободны. Харвин, Картер – бумаги заберете у меня в кабинете. И поздравляю вас с повышением.

Garret

Мне снился сон. Древний лес, окутанный мраком, густой лиловый туман, светящийся и мерцающий мириадами вьющихся в нем светлячков, переплетенные в причудливые арки и стены ветви, шелест листьев, погожий на угрожающий шепот – молитву, кружащийся вокруг. Огромные, в десятки обхватов древесные стволы, покрытые морщинистой корой, замшелой, сочащейся влагой и испарениями. Кроны лесных исполинов сплетенные в единое целое, так что не видно неба. Мох устилает землю, шаги мои беззвучны, я иду, раздвигая руками туман, пытаюсь разглядеть что-нибудь, прислушиваясь к зову, повинуюсь лесу, смотрящему на меня со всех сторон. Мне нужно идти, обязательно нужно успеть куда-то, и я знаю, что все пойму, когда придет время, когда зов станет нестерпимо сильным. Он не таит в себе угрозы, напротив, обещает покой и безмятежность.

Стволы деревьев расступаются, я выплываю из тумана, к озеру с заросшими высокой душистой травой берегами, над озером кружатся сгустки голубых огоньков, издающих чистый переливающийся звон, как тысячи маленьких колокольчиков. Я наблюдаю за их танцем, и вдруг один, самый яркий и быстрый, мерцая все ближе и ближе, освещает мне лицо, брызгая синими искрами, приятно холодящими кожу, опускается в протянутую ладонь, предлагая какую-то только ему ведомую игру...

Я медленно обхватываю огонек, глядя, как сквозь пальцы пробивается мерцание, и замечаю, что свет начинает меняться, переливаться всеми цветами радуги пока не становится оранжево-багровым. Ладонь начинает нестерпимо жечь, но пальцы разжать не получается, яростный огонь, которым стал мирный светлячок прожигает кожу, кожа плавится и стекает как воск, я кричу, катаясь по земле не в силах вынести пламенного ада, поселившегося в моих пальцах. Я бросаюсь к озеру, путаясь в траве, падаю, но все-таки достигаю до спасительной влаги. Я долго лежу, пот залил мне глаза, губы потрескались, влекомый жаждой, я опускаю лицо к воде, жадно, захлебываясь, напиваюсь. Вода в озере тягучая, терпко-сладкая на вкус, словно древесный сок. Наконец я вынимаю обожженную руку из озера и с ужасом понимаю, что на ее месте сочащийся обрубок дерева без коры, с шевелящимися сучками вместо пальцев. В недоумении я обращаюсь к озеру, различаю свое отражение на неподвижной глади воды, но вижу лишь испуганные глаза, блеснувшие между складками замшелой древесной коры... и просыпаюсь.

Звон колокольчиков из сна не утих, а как будто удалился и утратил силу. Перед глазами все плыло и двоилось, и я никак не мог сфокусировать механику в правой глазнице. Во рту нестерпимо жгло, отдавая какой-то алхимической дрянью. Я сухо сплюнул и потянул носом.

Пахло лесом. Не просто деревьями, как где-нибудь в Дейпорте, а именно лесом, с огромным количеством всевозможных оттенков, которые невообразимо четко чувствовались после индустриальной вони Города. Глухой чащей, куда даже в ясный день с трудом пробиваются солнечные лучи. Лесом древним, совсем как во сне. Я вздрогнул...

Но реальность не походила на продолжение кошмара. Я лежал на ворохе свежей соломы, укрытый грубой, но чистой простыней. Кожу приятно покалывало от ощущения свежести, словно я только вышел из бань Солнечной Ярмарки. Чувство покоя захватило меня, я больше не пытался открыть глаза чтобы не смахнуть с себя пелену безмятежности, и почти погрузился в дрему вновь, как вдруг резкий щелчок заставил меня резко сесть и обернуться.

Источником звука оказалась каменная чаша, одна из многих, расставленных вокруг моего ложа. Чаши курились ароматным, чуть едким дымком, кружащим голову, и источали еле слышный гул. Я нахмурился и скользнул в тень.

Многочисленные источники света вокруг перестали быть просто желтоватыми пятнами и приняли очертания проросших из стен пылающих грибов. Я в пещере? Но нет, пол деревянный и как буд-то бы сплошной... Смутная догадка кружилась на границе сознания и понимание настигло меня, когда я встал в полный рост и охватил взглядом каменные курильни, расставленные по полу.

Кольцо чаш вокруг ложа, вписанное в сужающийся к вершинам овал.

Око Обманщика. И я посреди. В самом центре неведомого мне ритуала язычников, где мне быть совсем не полагается.

Я инстинктивно пнул одну из чаш, подсознание приказало телу разорвать магический рисунок. И тотчас дым қолыхнулся и с неестественной скоростью улетучился, втянувшись в трещины в стенах и потолке.

Не успел я самодовольно ухмыльнуться, как на меня накатило, да так что я рухнул на колени, зарывшись лицом в ворох какогo- то тряпья и застонал. Мысль что меня пытались околдовать с помощью некоего ритуала, разбилась о невыносимую боль.

Я вспомнил все. Мраморные плиты Первого Городского Банка, центральное Хранилище, нелепую смерть своих поделщиков... И самое главное. Брусчатка под окнами, битое стекло и отсеченная кисть, фонтанирующая МОЕЙ кровью.

Я поднес правую руку к лицу, ожидая омерзительно зрелища свежей культи, но от локтя до... В общем меня перемотали ивовыми ветвями, похожими на толстые веревки так усердно, что разобрать состояние покалеченной конечности я не мог. Лишь запекшиеся потеки крови, просочившейся наружу, напоминали об увечье.

Я по инерции оцупал и осмотрел грудь, из которой еще недавно торчали тисовые стрелы. Черт! Недавно ли? Шрамы имели вид, будто их подлатали пару месяцев назад, и края ран давно срослись. Впрочем на это есть соответствующие мази и присыпки... А вот пришивать отрубленное еще никто не научился. Сжав зубы, я с неуместной ненавистью пробормотал проклятия своей правой руке. Отпрыгался Гарриет. Добро пожаловать на пенсию.

Движения и шипение отзывались в голове дробящими ударами. Я уже начал жалеть о прерванном ритуале. Демоны, кто бы мог подумать, что мне пытаются помочь? Но к чему я понадобился язычникам? Впрочем, неважно. Главное, что мне от них ничего не требуется, поэтому стоит тихо смяться отсюда. Как-никак вежселя Рамиреза обеспечат мне сносное существование где-нибудь в Сирике, или скажем Боне.

Пытаясь отвлечься от невеселых мыслей таким наивным способом я, морщась одевался. Все мое снаряжение, заштопанная одежда и нетронутый баул с вежселями Банка оказались аккуратно сложены тут же, на стуле. Если можно назвать стулом подогнанный для устойчивости пень. Я действительно очнулся в пещере, только к горам она не имела никакого отношения. Меня явно определили внутрь громадного древесного ствола, и открыв ногой дверь я убедился в своих предположениях окончательно.

Дремучий лес, любезно оставивший малую часть своих бескрайних зеленых владений для горстки людей. Лесная деревня. Хрестоматийное поселение крестьян – язычников.

Большая поляна, окруженная по периметру непролазными кустами дикой малины, способной остановить, или по крайней мере надолго задержать непрошенных гостей. А урожай собранный осенью руками языческих женщин, привыкших к труду, бывает неплохим подспорьем скудному столу. Пара десятков мозучих, но отживающих свой век дубов, в стволах которых люди обустривают жилища. В қорнях исполинов, среди сырости и мха мерцают россыпи грибниц. Пылающие грибы, да огромное костровище посреди деревни – единственное освещение, которое признают язычники. Пылающие грибы не только согревают взгляд морозными зимами, но дарят тепло душе и телу, когда из них выварят забористое, крепкое пиво. Тогда жители собираются вместе и поют страшные и злые песни, на радость своему древнему богу – Лорду Древо, Человеку – Листу, которого в Городе поминают Обманщиком.

А пока жители, одетые беднее, чем городские нищие, напевают совсем другие песни. Вскоре возделанная земля даст новый урожай и нужно работать, чтобы прокормить деревню и дать избалованным горожанам то, без чего ни один из них не сядет за стол. Специи.

Старики и калеки сидели поотдаль, и растирали в ступках порошок, перебрасываясь простыми шутками. Дети с серьезными, почти взрослыми, в отличие от городских сверстников лицами помогали взрослым или нянчились с крохотными братьями и сестрами.

Все были при деле, но ровно настолько, насколько нужно. Язычников не интересует красота, изысканность в еде или одежде. Минимум удобства, максимум единения с природой. Эту свободу,

которую Молоты называют дикостью и ересью и искореняют по мере сил ни один из язычников не променяет ни на что.

Оглядываясь, я обратил внимание на группу мужчин и женщин, обступивших исполинское дерево, и совершающих какой-то обряд. Они кружились в замысловатом танце, подпевая себе, ударяя в такт ладонями по бедрам, то приседая то высоко подпрыгивая, то застывая подолгу на одном месте. Действом управлял седой, покрытый разноцветной татуировкой, с неизменным оком Обманщика на лбу шаман. Он так же отбивал такт в бубен, пританцовывал и потрясал кривой палкой со сложным навершием. Казалось, он разговаривает речитативом с кем-то невидимым, то спорит, то угрожает, то умоляет. Язык, на котором пел старик, был мне неизвестен. Внезапно шаман бухнулся на колени, отшвырнул палку и бубен, сложил ладони лодочкой, и, завывая, пополз на коленях к дереву. К моему изумлению в дереве начало вырастать дупло. Медленно, рывками, вторя ритму танца, оно пульсируя, росло на глазах.

-Пойдем Гаррет, - раздалось за спиной, - это таинство, ему нельзя быть свидетелем.

-Что они делают?- Спросил я, не оборачиваясь.

-Сложилась новая семья сегодня, они просят Лорда Древо о новом крове.

-О крове?

-Гаррет, ну не думаешь же ты, что мы вырубаем жилища топорами?

- Да, это не похоже на язычников - усмехнулся я, - пойдем Виктория, нам есть о чем поговорить...

Я сделал над собой громадное усилие, чтобы не показать, насколько я удивлен ее появлению. Теперь я вспомнил диалог с дриадой, который прежде считал предсмертным бредом. Ступая след в след за Хозяйкой Леса, я вспомнил все, чему меня учили Хранители. Глубокий вдох, медленный выдох. Попеременное напряжение групп мышц, резкое расслабление. Снова вдох... И как только мне удалось взять под полный контроль эмоции и изможденное тело, ситуация заиграла новыми красками. Важность момента. Хоть мы и расстались друзьями в последний раз, нельзя дать ей впутать себя в темные игры. И при этом просто необходимо получить разгадки многих событий, к которым она, несомненно, приложила руку. Тогда, возможно, все станет на свои места. И меня наконец оставят в покое.

Я вновь кинул взгляд на стянутую ивовой лозой руку и тяжело вздохнул.

Мы прошли всю деревню насквозь, пока не приблизились к жилищу Виктории, спрятавшемуся в тени густого орешника. Я вскинул бровь.

Ну конечно. Это в детских страшилках дриада восседает на гнилом пне посреди леса, злоумышляя против непослушных чад. В реальности все иначе. Я натянуто скривился, в ответ на приглашающую улыбку Виктории и соблаговолит пройти в апартаменты.

Дриада явно хотела произвести впечатление, но я решил взять инициативу в свои руки, и сразу же бухнулся за антикварный дубовый стол с резными ножками, не забыв плеснуть из золоченой бутылки в не менее золоченый кубок на подносе.

Биделбонг приятно обжег глотку, выветрив послевкусие от недавних экспериментов с каменными чашами и едкими дымами. Салютовав Виктории пустым кубком, я развел руки и с деланным удивлением осмотрел комнату. Продемонстрировав таким образом, восхищение от убранства и обстановки, я положил ногу на ногу и небрежно наполнил кубок вновь.

Пока я паясничал, Виктория стояла в дверях, прислонившись плечом к деревянному косяку, и оценивающе разглядывала меня. Когда я вновь поднес спиртное к губам, она сделала поспешный шаг в мою сторону и мягко, но настойчиво завладела кубком, вернув его на стол.

Я собрался возмутиться таким нарушением законов гостеприимства и этикета, но чуть не поперхнулся тем виски, что оставался в горле еще после первой порции. От резкого движения Виктории, дверь захлопнулась, и сквозняк, пронесшийся по помещению, всколыхнул гобелен, украшающий противоположную стену комнаты. Точнее не украшающий, а скрывающий нечто, от чего я вытаращил глаза и опустил челюсть.

За тканью притаилась дверь. Стальная дверь, явно работы мастерских Ордена Молота с весьма серьезным сейфовым замком.

Интересная картина. Это при патологической ненависти язычников к технологиям и прогрессу?

- Все мое время Гарриет - уловив взгляд предупредила мой вопрос дриада - мое время... Нет, так нет. Праздное любопытство не входит в список моих многочисленных грехов. Вполне возможно, что все происходящее подстроено, чтобы сбить меня с толку. Что ж. Переведем будущий диалог в иную плоскость. Я прокашлялся и все же глотнул виски.

- Я не мастер сыпать благодарностями, - начал я, - но тем не менее спасибо, что спасла мою шкуру. И прежде чем последуют завуалированные рекомендации отвечать услугой на услугу я задам вопрос, который не лезет у меня из головы. Какого черта ты жива Виктория? Время, конечно смазало воспоминания о моменте твоей смерти... Но будь я проклят, подобная инсценировка вполне в моем с Константином духе. Похоже на попытку сыграть на совести старого доброго Гарриета - Виктория пожертвовала собой, чтобы вор сделал дело, и благородный таффер помчался спасать мир, пока напарница следила за его потугами из безопасных кустов. Разубеждай меня, если желаешь вести со мной дела впоследствии...

- Да, Гарриет, - грустная улыбка тронула губы дриады, - ты совсем не изменился. Всюду видишь подвох, никому не доверяешь.

- Шрудно, знаешь ли, доверять людям, а особенно женщинам, когда одна из них вдруг превращается в деревянного монстра и оставляет меня без глаза, - недобро усмехнулся я, - дорогая, не заговаривай мне зубы, ответь на простой вопрос.

- Ты сам все сказал, - Виктория отвернулась к окну, - я деревянный монстр, порождение Хаоса. Если дереву отрубить сучья, сжечь листья, протереть почки оно не обязательно умрет. В вешний день, укрытые благодатной почвой корни могут дать жизнь новым росткам, и они пробьются на поверхность, суть плоть от плоти умирающего дерева.

- Как патетично, Виктория...

- Патетично? - дриада вскочила на ноги, - тебе не знать каково это - быть заживо сжигаемой Ржавильным Газом Карраса. И при этом осознавать, что умираешь не только ты, но все живое вокруг, а ты ничего не можешь сделать!

- Конечно!, - я тоже завелся и резко встал, - куда уж мне понять? За какими демонами ты науськала на меня дохлого Рамиреза? Не могла прислать свое загадочное послание по почте? Неет. Гораздо интереснее наблюдать, как старина Гарриет прыгает в поисках ответов по всему Городу. Резво так скачет. Особенно кульминация - финальный прыжок из окна Банка с отрубанием конечностей. Я не дерево, Виктория, и в отличие от тебя новую руку себе не выращу!

Я так громко вопил, выплескивая злость и негодование, что не сразу заметил, как небо за окном озаряют всполохи молний, а ветер долбит дверную створку в сумасшедшем ритме. Потухшие мигом свечи опрокинулись вместе с подсвечниками, но расплескавшийся по полу Биделбонг уже горел. Дриада стояла посреди комнаты, воздев руки к небесам, кожа ее посерела, зрачки запылали алым. Она менялась. Я инстинктивно шагнул назад, к двери, но руки ее обернулись сплетением гибких лиан, она потрянула ими, и десятки шелестящих ветвей спеленали меня, подняв над землей. Лишь правой руке посчастливилось не попасть в тугой кокон объятий дриады. Я попытался отмахнуться, но новые ветви уже сдирали кожу вместе со стремительно истлевающими остатками того, чем была стянута покалеченная рука. Я закричал от боли, но в тот же момент, кокон распался и я рухнул на пол, захлебываясь удушливым кашлем. Обими ладонями я сжал разрывающееся горло. Когда я смог поднять глаза, Виктория уже приняла человеческий облик, и только голос ее гремел так, что в окнах вылетали стекла.

- Ликуй Гарриет! Как ликуют дети мои, смеясь и танцуя, восхваляя жизнь. Ты уничтожил Карраса. Ты спас многих. И тех, кто отвернулся от тебя и забыл. И тех, кто не знал тебя и не узнает. И тех, кто знает и помнит... Лес благодарит тебя...

Виктория шагнула мне навстречу и подала руку. Я вложил свою ладонь в ее и только тогда понял, что на месте отрубленной кисти появилась новая. Я встал, поднес пальцы к глазам, пошевелил ими в недоумении и удивленно воззрелся на дриаду. С кистью было что то не так, но она была на месте. Я

еще туго соображал, поэтому послушно сел в предложенный Викторией стул и залпом осушил поданный ему бокал.

- Ты привыкнешь Гарриет, - ласково произнесла дриада. - Теперь и ты –плоть от плоти Леса. Кожа твоя –кора, пальцы твои –ветви. Пусть между нами не будет стены недоверия и гнева. Ликуй Гарриет...

- Ликую, ликую, -пробормотал я себе под нос. На ощупь кисть действительно была похожа на деревянную, хотя с виду ничем не отличалась от человеческой.

- Только не попадайся на глаза молотоголовым, - предупредила Виктория, - они сразу поймут что это. И со временем, Гарриет ты научишься использовать новые преимущества своего тела. А сейчас...Продолжим трапезу?

Я механически сыпанул специй в тарелку с мясом и принялся жевать. Виктория терпеливо ждала, пока моя голова станет достаточно ясной, для продолжения беседы. Насытившись, я отодвинул блюдо и изобразил готовность к разговору. Теперь уже без всяких фокусов и эффектов.

- Что ты хочешь, Виктория, - сухо поинтересовался я.

- Расслабься Гарриет, - рассмеялась дриада, - мы квиты, ты ничего более мне не должен. Если желаешь, можешь уйти...

- Нет, - покачал головой я, - много странного происходит в последнее время. И поскольку ты причастна, было бы не дурно с твоей стороны объяснить некоторые...хм...детали. Взять, скажем, Рамиреза...

- С ним все просто, Гарриет. Я недавно вернулась в Город. Вернулась потому, что мне понадобился ты. А тебя непросто отыскать. Мои агенты выяснили, что Рамирез охотиться за тобой, буруеваемый жаждой мести. Тогда я не успела, и Рамирез подстроил тебе ловушку, сбросив в Бонхорд. Тогда я отправила его в том виде, в каком вы встретились вслед за тобой, вместе с посланием. Я была уверена, что такая демонстрация более убедительна, чем...письмо в конверте.

- А если бы я остался в Бонхорде навсегда?

- Ты преуменьшаешь свои таланты, Гарриет.

- Тогда почему я так перепугался в склепах?

- Склепы – старое и сильное место, хранящее в себе много загадок. Моя магия могла несколько...исказиться там.

- Ничего себе – исказиться! Больно уж болтливым оказался твой посланник, всех зомби распугал, - усмехнулся я.

- Это очень странно, - нахмурилась Виктория, - Рамирез должен был умереть сразу после того как ты прочитаешь послание.

- Туда ему и дорога, -отмахнулся я, - это несущественно. - Так что же значит это послание, и почему так важно, чтобы о нем знал я?

- Слушай внимательно Гарриет, - Виктория наклонилась ко мне и перешла на шепот, - многие века шаманы хранят одну реликвию. Несколько десятилетий назад, Орден Молота нашел и уничтожил последний экземпляр и мы были слепы без спрятанной в нем мудрости. Мы называем ее Ещенирукопись. Мне удалось восстановить малую часть текстов, относящихся к текущей эпохе, и трактовав некоторые из них я ужаснулась...

- И что же содержит эээ...Ещенирукопись?

- Пророчества, Гарриет, пророчества. И одно из них я послала тебе вместе с Рамирезом.

- И что оно означает?

- Я же сказала, Гарриет, это лишь обрывок. Но перекрестные ссылки в других источниках говорят об одном. Над всеми нами, над Городом нависла страшная угроза...

- Ясно. Опять ничего конкретного. Мне что, снова лезть на рожон и рисковать шкурой ради кучи обожравшихся кретинов, которые обо мне знать не знают, да еще и пытаются петлю на шею затянуть? Ничего подобного. Я в эти игры больше не играю.

- Пророчества могут и ошибаться Гарриет. Я прошу малости. Возвращайся в Город, найди Хранителей. Их знания обширны и бесценны. Возможно, их помощь может пролить свет,

предотвратить угрозу. Или хотя бы показать мне, что я ошибаюсь и пророчество лишь страшная сказка.

Я покосился на вновь обретенную кисть.

- Пожалуй, эту просьбу несложно выполнить, Виктория. К тому же у меня накопились несколько своих вопросов в Артемусу. Я загляну в Швердыню. И передай своим агентам, что глупо шнырять по всему Городу в поисках того, кто не желает быть найденным, я сам разыщу их. Прощай Виктория. Я повернулся на каблуках и ушел не оборачиваясь.

Дриада помассировала все еще ноющую, недавно выращенную кисть, проводила взглядом удаляющуюся фигуру и вернулась в лес. Легкий вечерний бриз, несущий в себе опавшие листья коснулся ее кожи, обвил дриаду, обнял, надеясь успокоить, но ощутив ее смятение, обернулся шквальным порывом и с воем исчез в скалах. Виктория, стиснула кулаки, и ускорила шаг, не замечая приснувших с ее пути встревоженных бабочек. Когда побелевшие пальцы дриады коснулись ширмы, скрывающей вход в пещеру, под ее ступнями уже жужжала и сыпалась трава.

Задержав полог, Виктория глубоко вздохнула и попыталась взять себя в руки. Дриада присела на стул и, некоторое время, буравила взглядом ждущую ее стальную дверь. Наконец, решившись, она одним глотком осушила бокал с остатками вина и алые капли, скользнув по хрусталу, разбились об стол. Виктория встала, повернулась к двери и шелк скрывающий ее тело исчез. Она грациозно перешагнула упавшее платье и, уже нагая, положила ладонь на холодный металл.

Прежде чем магия дриады разомкнула стальные запоры, Виктория успела поймать глазами свое отражение в огромном зеркале.

По человеческим меркам, дочь Леса была безумно красива. Иссиня-черные волосы, ниспадающие на небольшую, высокую, грудь скрывали стройную шею. Руки дриады сплелись на талии, пальцы легли на широкие бедра Виктории. Они призывно закачались, и когда она ступила за дверь, под кожей перекатились сильные, упругие мышцы.

Дриада подняла взгляд, в ее зеленых, бездонных глазах мелькнула тень ужаса, но лишь на миг, перед тем как она начала изменяться. Но даже в облике лесной богини Виктория продолжала быть совершенством.

В полумраке комнаты, в простом дубовом, кресле полулежал человек. Тело спеленали грубой рогожей так, что свободной осталась только запрокинутая назад голова. Морщинистая, пергаментная кожа обтягивала лишенный растительности череп, сквозь приоткрытые веки белели закатившиеся глаза. В широко раскрытом, беззубом рту, чернел запавший язык, жутким разрезом растянулись сухие губы. Страшный человек не двигался и не дышал.

Виктория приблизилась к телу, воздела руку и резко вонзила ноготь себе в запястье. Янтарная тягучая жидкость лишь на секунду зависла в воздухе, прежде чем упасть в горло сидящему. Виктория отступила и преклонила колени, ожидая.

- Виикторрияяя - зашевелились губы.

- Да мой Лорд.

- Я доволен тобой,- со свистом прохрипел человек,- ты все сделала правильно. Теперь вор будет следовать пути, который мы выбрали для него. Он таков, как и все глупцы. Алчен и самолюбив. Кх-кх-кх. Его эгоизм станет нашим союзником, он будет действовать один и погибнет. А я стану таким, каким должен. Хм-хм-хм.

Но ты должна будешь направлять его руку, ибо спящий отец вот-вот явится в мир. Стоит торопиться, чтобы прихода не произошло. Где наш новый агент?

- Он вернулся, но слаб. Люди редко переносят магию подчинения. Глупца лечат знахари, скоро он встанет на ноги, чтобы претворять вашу волю мой Лорд.
- Именно, Виктория. Он не перенесет подчинения дважды. Шы должна убедить его служить мне другим способом.
- Будет исполнено мой Лорд.
- Виктория...
- Да мой Лорд.
- Помни, кто ты есть. Тебе не идет на пользу пребывание в человеческом облике. Шы становишься подверженной людской природе. Знай, что если ты начнешь давать волю чувствам, которые порождает эта сторона твоей сущности, я уничтожу тебя.
- Простите меня мой Лорд, впредь я буду осторожна.
- Чудно... а теперь... я устал, оставь меня...

Когда за спиной дриады лязгнули замки, в ее глазах пылал гнев.

- Я чуть не повела его! Моего создателя! Как я могла вообразить... поддаться...

Дриада оделась, подошла к столу и резко смахнула капли вина, из которых уже начала подниматься молодая зелень.

Город встретил меня проливным дождем. Лето шло на убыль, смеркалось все раньше, грязи на улицах становилось все больше, лица случайных прохожих мрачнели в ожидании первых холодов. Город сильно изменился за последние годы. Масляные фонари уступили место электрическим, крыши домов обросли лунными и солнечными преобразователями, дающими дармовой свет в жилища. В нежилых кварталах все чаще слышался гул механизмов, шипение паровых котлов и лязг механических молотов. Орден Молота предал анафеме Механистов, но богатое техническое наследие Карраса использовали на полную катушку. Конечно все это сильно облегчало горожанам жизнь. Если бы не одно «но». Люди стали слишком полагаться на машины и стали беспечными. Городская стража обленилась. Рабочие руки заменили конвейерами, и количество нищих удвоилось. Бедные кварталы прогресс как всегда не затронул, что усугубляло социальное расслоение и провоцировало недовольство. Людям моей профессии все эти перипетии конечно на руку, но и в воровской среде стала расти конкуренция. Новички режут друг друга что ни день, Департамент общественных работ каждое утро выуживает трупы, забывающие сливы, из коллекторов. Еще немного и Город просто утонет в дерьме. Я не разбираюсь в политике, но сидящим в Аулдейле жирным задницам надо прекратить грызню за власть, и навести в Городе порядок. Гораздо приятнее чистить кошелек от ЛУПЕННЫХ денег, а не отбирать последнее у бедняков... Да и что это я? Расфилософствовался...

Найти Хранителей казалось невозможным. Разбросанные по Городу, скрытые от посторонних глаз помещения и закоулки пустовали. Ниши, в которых Хранители оставляли свитки с инструкциями своим исполнителям заросли паутиной. Раньше попасть в Швердыню Хранителей было возможно активировав замаскированные в предназначенных местах глифы. Теперь эти скрижали стали просто кусками шлифованного тупфа. Надежда, что исчезнувшие глифы проявятся так же, как это случилось в Бонхорде, не оправдалась.

Я уже начал сомневаться в целесообразности поисков, обнаружив пустым последний из тайников Каменного Рынка. Но заполнявшие слабо освещенный тупичок тени начали стягиваться, приобретая новые очертания. Из сгустившегося мрака проступили силуэты людей. Пятеро, облаченные в темные плащи до земли, полностью скрывающие тело, с лицами неразличимыми под низко опущенными капюшонами. Шаинственные фигуры одинакового роста обступили меня в полной тишине и замерли.

Впечатляет, но таким фокусам мы и сами обучены.

- Гаррет. Констатировала одна из фигур.
- Ты искал нас? - продолжила другая.
- Да.
- Как и было написано – произнесла третья.
- Первый Хранитель ждет тебя – сообщила четвертая.

Чертовы клоуны. Не могут без дешевых эффектов. Четыре фигуры отступили и растворились во мраке. Пятая кивнула под капюшоном и сделала приглашающий жест.

- Следуй за мной Гаррет.

Я повиновался. Провожатый вел меня по знакомым насквозь улицам Города, но весьма любопытным маршрутом. Мы петляли, возвращались назад, кружили зачем то вокруг некоторых построек и монументов. По всей видимости, все эти ухищрения имели некоторый смысл, поскольку не покидая границ Каменного рынка, с которого я начинал карманником, и знал все закоулки, я обнаружил себя в совершенно незнакомом, безлюдном месте.

Незнакомец остановился, опустил руку в сток водовода. Раздался скрежет и в ровной кладке старого дома появился проход, в который меня несколько настойчиво подтолкнули. Судя по тому, что провожатый вернулся к водостоку, я понял, что его миссия в отношении моей персоны окончена. Я пожал плечами, и не дожидаясь пока фальшивый участок стены встанет на место, зашагал вдоль узкого коридора.

Направление выбирать не приходилось, тайный ход не имел ответвлений и начинался там, где я вошел. Сквозь стены до меня доносились приглушенные звуки – звон посуды, разговоры, ругань, страстные стоны – горожане жили своей жизнью. Я решил, что коридор представляет собой простенок нескольких стоящих вплотную друг другу жилых домов, проложенный в процессе их строительства. Да, Город хранит в себе множество неразгаданных тайн и секретов. Теперь понятно, как Хранители быстро перемещаются в пределах Города, оставаясь незамеченными даже теперь. Очевидно подобные ходы, пронизывающие кварталы известны лишь посвященным среди Хранителей. Порядка, я о них никогда не слышал.

Коридор не раз изгибался, мне приходилось подниматься вверх, прыгать вниз, карабкаться по отвесным уступам осыпающихся старых фундаментов. Иногда коридор превращался в вырытый земляной тоннель, поддерживаемый от обрушения деревянными распорными балками. Я потерял счет времени и направление, но заметил исчезновение посторонних звуков. Похоже, я в необитаемой части Города, если вообще не за его пределами.

Наконец чертыхаясь и срывая с себя обрывки паутины, я вышел на свет. Одинокий факел явил мне внушительного вида незапертую дверь. Я миновал ее, оказавшись в круглой комнате, заваленной книгами. Именно заваленной. Похоже, кто-то в спешке, швыряя увязанные по несколько штук тома, как дрова в топку. Так вот куда подевались бесценные архивы! Мудрость поколений упрятали здесь, в Часовне Хранителей.

Я уже посещал это место еще до того как потерял правый глаз. Самое сердце Старого квартала, населенного призраками и зомби. Лет пятьдесят назад в руки Ордена Молота попал мощнейший артефакт – камень, именуемый Глаз. Глаз был отбит Молотами у язычников в одном из храмов Обманщика. В кафедральном соборе, в центре тогда еще населенного Старого квартала, Молоты попытались подчинить себе Глаз, но эксперимент вышел из-под контроля. Магия Хаоса, заключенная в артефакте обратила всех, населявших квартал людей в нежить. Между мертвецами и жителями других кварталов началась чудовищная бойня. Потеряв треть населения, Город сумел отгородиться от проклятого квартала Баррикадами. Произошедшее предали забвению под давлением Ордена Молота. Документы, относящиеся к этому периоду, были уничтожены, а любые устные свидетельства карались как ересь.

Пару лет назад Обманщик в облики коллекционера Константина нанял меня, чтобы выкрасть Глаз. Тогда я был достаточно наивен, чтобы согласиться, не вникая в подробности. Обманщик получил то, что хотел. Но артефакту требовалась жертва для обретения истинной мощи. Этой жертвой стал я. Фриада Виктория, с которой я мило беседовал два дня назад в лесу, вырвала мой глаз из глазницы и скормила его камню. Издеваясь, Обманщик любезно поведал мне, как Глаз восстановит его бывшее

величие и поможет погрузить мир во мрак... Я чудом остался жив, жажда мести не остановила меня перед лицом высших сил. Я последовал за Обманщиком в Хаос и остановил его ритуал с Глазом. Я обокрал Бога. Я подменил Глаз на фальшивый, Лорд Древо развоплотился, Город был спасен.

И вот сейчас я оказался в месте, откуда все начиналось. Место где укрылся Первый Хранитель. Артемус стоял возле камина, ласково улыбаясь мне, но за напускным добродушием я разглядел тревогу и неуверенность. Значит, они опять будут о чем-то просить, если не потребовать...

- Приятно видеть тебя Гаррет.
- Не скажу что взаимно, Артемус.
- Ты все тот же...
- Мне не зачем меняться.
- Но ты изменился. Ты стал рассуждать иначе, меньше думать о себе. Не так ли Гаррет?
- Это не ваше дело.
- Опустим прелюдии. Что привело тебя сюда? Жажда наживы? Жажда знаний?
- Ни то не другое. Мне нужны ответы.
- Вот видишь Гаррет. Ответы - это познание истины. А истина высшая ценность, на ней наживаются глупцы и вкушают мудрые... Значит, ты пришел ради наживы и знаний...
- Я пришел потому, что мне не нравится, когда мной манипулируют.
- Многого предопределено Гаррет. Глупо злиться на судьбу.
- С меня довольно поучений. Мне нужно знать, почему ожил глиф в моих руках. Что имела в виду Дриада. Какого черта мертвец с пророчествами на животе, посланный ею упомянул Карраса и так напугал меня в склепах. Куда сбежали все Хранители, бросив все на самотек. Отчего...
- Гаррет. Часть ответов лежит перед тобой, но ты отказываешься их видеть, причем раз за разом. Некоторые ответы не дано знать никому. Я скажу лишь одно. Твое появление на этом свете было предсказано. О многих деяниях твоих говорят древнейшие пророчества.
- А может интерпретатор...
- Подойди к полке Гаррет. Возьми крайнюю книгу, ту что с черной корочкой. Прочти мне то, что там написано.
- Но она пуста! На страницах нет ни строчки! Кому понадобилось переплетать чистые листы? Если это шутка, то мне не смешно...
- Это не шутка Гаррет. Все книги, написанные с использованием глифов пусты. Интерпретатору просто нечего толковать. Вся мудрость, заключенная в наших библиотеках, призванная содействовать сохранению баланса стала недоступна для Хранителей.
- Я считал, что перестала действовать только магия...
- Гаррет. Я открою тебе одну из фундаментальных тайн хранителей. Глифов всего десять. Изначальных. По сути глиф – это формула, заклинание, нанесенное по определенным правилам на любую поверхность в виде иероглифа. Так вот большинство Глифов – это плод многолетних трудов Хранителей. Изначальные десять были разделены на составляющие, изучены и их компоненты легли в основу новых формул. Не сложно понять, что следствием такой формы развития магии Глифов, стала зависимость новых формул от изначальных. Исчезли они – исчезли и прочие.
- Другими словами Тамаал, то есть ведьма, похитила именно изначальные Глифы, я уничтожил их, и крах ведьмы стал крахом Хранителей? Забавный поворот...
- Никто не обвиняет тебя Гаррет, ты поступил правильно, но необдуманно и опрометчиво. Но ты смог активировать Глиф в Бонхорде, и значит можешь все исправить.
- Каким образом?
- Есть небольшой нюанс. Изначальными глифами, могут пользоваться только потомки предтечей хранителей по линии крови.
- Предтечей?
- Да Гаррет. Возьми это и прочти. Материалы написаны общим алфавитом, поэтому не исчезли как прочие...

Караз - Дин. Экспедиция № 61\2 .Отчет Хранителя Аэриқа.

Материалы обнаружены в Храмовом дворце. Перевод Хранителя Янниса. Относится к периоду правления Императора Ва-Шарақа. Автор хроники – предшественник Мастер Райтен, Член Гильдии Просвещения Караз - Дина.

(вымарано) год правления Сына неба, брата земли, божественного Ва-Шарақа. Император повелел созвать лучших из лучших, умнейших из умнейших Гильдии. И сказал божественный, что пресыщаются люди и хотят большего, что гордыня завладевает ими. И передал Ва-Шарақ, что Н'лахотеп говорил с ним из крови и дал десять слов силы. Но возжелал Н'лахотеп что посвященные должны знать лишь девять Слов. А десятое лишь для очей и уст Сына неба, брата земли, чтобы он мог вершить суд и направлять детей своих.. И явил Ва-Шарақ посвященным сосуд слов с девятью стенами и повелел спрятать от недостойных. . .

(вымарано) год правления Сына неба, брата земли, божественного Ва-Шарақа. Гильдия Просвещения процветает. Мы научились получать энергию из мощи вулкана. Геотермальные генераторы дают свет, тепло, силу, приводящую в движение механизмы. Я разработал способ консервации энергии. Нужно принести жертву Н'лахотепу в честь открытия...

(вымарано) год правления Сына неба, брата земли, божественного Ва-Шарақа. В храме Н'лахотепе я обратился к его божественным помощникам – силе Хаоса и силе Порядка. Порядок явился мне и благосклонно кивнул. Я продолжаю работу над проектом.

(вымарано) год

Плач великий под звездами! Сын неба, брат земли, божественный Ва-Шарақ покинул нас! В скорби великой мы идем к его усыпальнице. Во время священного ритуала Н'лахотеп вышел из тела императора в виде столба белого огня, что ярче солнца ...
Теперь старший сын Ва-Шарақа, наследник Ва-Шоран должен пройти очищение и принять в себя дух Н'лахотеп.

Первый год правления Сына неба, брата земли, божественного Ва-Шорана.

Вчера Ва-Шоран вышел к народу и объявил, что ночью Н'лахотеп вошел в него. Все были очень удивлены, как такое могло произойти без ритуала? Но Ва-Шоран явил сомневающимся свое могущество, совершив чудо. Повинуясь его длани, выросло дерево прямо на камнях. Пути Н'лахотепе неведомы смертным.

Пятый год правления Сына неба, брата земли, божественного Ва-Шорана.

Новый император не похож на отца. Он не стремится к знанию и не посещает Гильдию просвещения. Зато народ его обожает. Божественный построил огромный Колизей, и тешит толпу поединками гладиаторов и театральными действиями.

Седьмой год правления Сына неба, брата земли, божественного Ва-Шорана.

Пропал родной брат Ва-Шорана, Ва-Шорас. В Храмовом дворце беспокойно, императору всюду чудится заговор.

(вымарано) год правления Сына неба, брата земли, божественного Ва-Шорана.

Император сошел с ума. Храм Н'лахотена разрушен золотыми воинами повелением Ва-Шорана, на руинах рабы возводят святилище Хаоса. Членов Гильдии Просвещения преследует чернь и жестоко расправляется хохоча. Я укрывся в башне, но скоро придут и за мной.

(вымарано) год

Мастер Райтен убит. Я и немногие оставшиеся члены Гильдии прячемся. Мы вывезли табличку с начертанными Словами силы, и только благодаря этому живы.

(часть текста отсутствует ввиду поражения огнем (примеч. Хранителя Аэриқа))

(вымарано) год

Все мы дали клятву. Теперь мы Хранители Слов. Но, что останется от Империи должно быть сохранено. Вчера император на глазах у всех превратился в существо с копытами, рогами и тремя глазами. Это телесное обличие силы Хаоса.

Он обманул нас и своего повелителя Н'лахотена. Но сила Порядка явился и начал битву. Стихии взбесились, вулкан ожил, началось извержение. Если лава зальет генераторы, будет чудовищный взрыв и город провалится в жерло вулкана. Но осталось последнее дело. Нужно найти среди нас смельчака, который успеет выкрасть из Храмового Дворца Слово - ключ.

(часть текста отсутствует)

Все десять Слов у нас. Теперь мы именуем их Глифами. Город ушел под землю. Что стало с Обманувшим людей, мы не знаем. Многие спасшиеся ушли, в леса, скрываясь от холодов. Другие говорят, что им являлся сила Порядка, и повелел строить новый город. Теперь его называют Мастером – Строителем. Недалеко на побережье есть рыбацкий поселок варваров, часть выживших поселились там и с утра до ночи стучат молотами, возводя каменные стены...

конец отчета № 61\2.

Я сидел, оглушенный и подавленный. Мир в одночасье перевернулся. Я прикоснулся к вещам, которые не должен был, не хотел знать.

- Да Гаррет. Так предшественники основали Совет Хранителей. Мы совершенно не понимаем, куда делся Н'лахотен, и существовал ли он вообще. Но предки взяли на себя груз ответственности по поддержанию баланса между хаосом и порядком. И ты должен последовать тем же путем. Если ты способен использовать изначальные Глифы, то ты единственный оставшийся в живых потомок Предшественников, значит ты сможешь найти «сосуд с девятью стенами» чтимый среди Хранителей как «Эйтекс Афлавы»
- Но у вас нет ничего кроме глупого пророчества язычников...
- Да Гаррет, поэтому ты должен возглавить Хранителей и создать новые Глифы. Мы научим тебя. Это единственный путь Гаррет...
- Нет не единственный – я поиграл желваками - идите вы в бездну. Обманщика я грохнул, Строителя никто никогда не видел. Мне некого и нечего бояться. Кажется мне, что у вас

ностальгия по власти. Я не позволю себя использовать. Заткните себе свои Глифы в задницы и прячьтесь по углам. Если кто-нибудь из вас появится возле меня хоть на мгновение, я наплюю на принципы и выпущу ему кишки. Будьте вы все прокляты.
Где тут выход?

Неделя прошла в безудержном пьянстве. Я вновь замаскировался под контрабандиста и оттягивался на всю катушку. Женщины, бренди, игорные дома, бренди, женщины. Иногда заходил Бассо, качал головой, слушая мои пьяные бредни и вновь уходил. Жизнь казалась легкой и беззаботной. Я настолько вжился в образ морского волка, что начал подумывать о покупке судна. Контрабанда дело прибыльное и если нанять опытного капитана, можно позабыть о том чтобы не работать самому. Чтобы обменять векселя Банка на наличные я нанял одного шустрого проныру, но тут случилась неприятность. Оказалось что векселя номерные, а поскольку Фамирез открыл счет на свое имя и пропал, их арестовали и признали недействительными.

Я это означало, что я пуст как последняя допитая мной бутылка биделбонга.

Хозяин вышвырнул меня из гостиницы за неуплату, и мне пришлось податься к Бассо, пока не подвернется стоящее дельце. Наконец Бассо разнюхал, что один тип ищет классного вора и предлагает прямо-таки баснословный куш.

Я стряхнул пыль со своего снаряжения и пошел на встречу с нанимателем в бордель Солнечная Ярмарка.

Наниматель заказал столик в отдельной комнате и сразу приступил к делу.

- Здравствуйте Гаррет.
- Немногие знают, что я жив. И я с удовольствием уменьшу их число.
- Не волнуйтесь. Я очень влиятельный человек и делаю все как надо. Никто не узнает наш маленький секрет.- Наниматель говорил с едва уловимым акцентом - К тому же я навел справки и покупаю именно ваши услуги удваивая вознаграждение...
- Серьезное предложение. Сколько?
- Хватит на всю оставшуюся жизнь, мистер Гаррет, это задаток..
- Ого! Не представляю, что может стоить ПЯКИХ денег...
- Ценность одних и тех же предметов для разных людей меняется, мистер Гаррет...
- Что я должен сделать?
- Существует один, хм, предмет. Он совершенно уникален. Это обруч. Он хранится в резиденции Барона...
- Не перестану удивляться. Не тот ли...
- Именно тот мистер Гаррет. Обруч, которым венчают Баронов, наделяя их властью... Вы беретесь мистер Гаррет?
- Да.
- В таком случае приступайте нынче же ночью. Завтра обруч покинет Город, и долгое время будет недоступен.
- Непременно, простите, раз уж вы знаете кто я...
- Мое имя вам ничего не скажет, мистер Гаррет. В этом городе оно неизвестно. До встречи.

При закладке фундамента, Стормқасл – резиденция Баронов был мощной крепостью, возвышавшейся над городом суровыми бастиями, окруженной широкими, заполненными водой рвами и земляными валами. Строителям пришлось углублять фарватер реки, чтобы доставлять по ней из каменоломен монолитные каменные блоки для опор, стен и фортификационных сооружений. Стены защищали от резкого западного ветра, часто дующего с моря, и от потоков холодного воздуха с севера. Гарнизон крепости составляли дружины Барона и приближенных к нему дворян, защищавшие правителя как от внешних угроз, так и от посягательств на трон со стороны городских семей благородной крови. По мере роста города, близость удобной гавани и рост торговли стали более надежной защитой чем крепостные стены и бастии. И Стормқасл стараниями нескольких поколений Баронов превратился в роскошный особняк. В залитых светом павильонах, под рокот сверкающих водяных струй между прекрасными скульптурами раскинулись оранжереи и декоративный сад. Каменные фигуры в нишах, на карнизах и балюстрадах, колонны, пилястры, изгибы, опоры, своды, образовали бесконечный рельеф, который восхищал горожан и приезжих своей роскошью.

Обилие архитектурных изысков радовало глаз, поскольку отбрасывало столь причудливые тени, что в них могли затеряться персоны, вроде меня. К тому же все эти вычурные композиции давали возможность использовать выступы как удобные упоры для рук и ног, при подъеме на верхние этажи центрального павильона.

Однако охрана у Барона компенсировала любые недочеты архитекторов. Хорошо продуманные маршруты патрулей, скованных железной дисциплиной, механические стражи, бдительно озирающие коридоры, хитрая система сигнализации, сложнейшие замки. На ночь во двор выпускали дрессированного фриманского Бандерсача. Подлеповатая тварь славилась как невыносимой вонью, так и потрясающим обонянием. Единственным способом не привлечь к себе внимания со стороны животного, считалось наука издавать такие же миазмы, так что я был вынужден набросить поверх одежды плащ, измазанный в дерьме Бандерсача. Я очень надеялся не пропитаться насквозь запахом этой дряни, иначе охрана резиденции найдет меня по вони. Наконец я избавился от плаща, немного подышал, наполняя легкие свежим морским бризом и перекинул ноги через балконные перила третьего этажа павильона.

Настала очередь крадучись приблизиться к балконной двери и прислушаться – патруль бухает сапожищами, попирая наканифоленный паркет. Четырнадцать вправо, возвращаются. Двое. Дюжина влево скрип отворяемой двери. Возвращается один. Проходит еще раз вправо, опять скрип, опять их двое. Ну что ж, Займемся вскрытием балконных створок. Петли староваты, пожалуй я их смажу, чтобы не скрипели. Немного приоткрыть дверь, нырнуть в тень. Срезать с пояса стражника связку ключей, меньше возни с отмычками. Сделано. Проскользнул в длинную галерею. Пока все несложно. Несмотря на избыточное для нежилой оранжереи освещение стать незаметным, слившись с зеленью декоративных деревьев и кустарников проще простого. Дальше – хуже. Двухмаршевая мраморная лестница и мраморный же пол террасы. Во влажном воздухе, висящем в галерее звук шагов усилиться многократно. Поэтому проще выбраться в окно, перейти по карнизу в окно соседнего музейного павильона и спокойно фланировать по коврам до следующей галереи.

Музейный павильон поражал. Я отмечал редчайшие картины Провианских художников, изумительной работы столовые наборы, расписные блюда тончайшего фарфора, коллекции старинных монет и медальонов, оружие, инкрустированное драгоценными камнями, висящее на стенах, замысловатые вазы серебряного стекла. Все это великолепие являлось не только предметом выставленной напоказ роскоши, но и было частью городской казны, обеспечивающей ценные бумаги Города. Я не без сожаления проходил мимо некоторых уникальных экземпляров, но время поджимало и отягощать себя лишним грузом не стоило.

Сколько же профессий надо освоить, чтобы стать Мастером воров. Я мог бы работать в музее – например, то полотно очень хорошая подделка, а соседнее не раз краденое, судя по пропорциям его пару раз наспех вырезали из рамы. Пригодился бы и в Гильдии ювелиров – в массивное золотое кольцо

на статуе при отливке вбухали много меди, что придало металлу характерный оттенок, и понизило цену изделию. Мог бы стать антикваром или археологом – я без труда относил предметы мебели и изваяния к создавшим их эпохам. Стал бы и сыщиком – это жемчужное ожерелье, кто-то аккуратно разомкнул, снял несколько бусин и связал вновь, сработано аккуратно, но симметрия смещена. Или вот сигнализация к этой двери подведена криво, нити слишком заметны и их легко перекусить...

Смакуя свои многочисленные таланты, я преодолел полукруглую галерею, которая привела к центральному комплексу Стормқасла, объединявшему в себе бараки, арсенал и служебные апартаменты Барона.

Выше этажом находилась спальня правителя, в которой по традиции хранили корону, и иные жилые помещения. Этаж охранялся с высочайшей тщательностью, так что пришло время для моего главного козыря – Шанца в тених. Шаким образом я подобрался к святой - святых Стормқасла и всего Города – личным покоем Барона.

Нынешний Барон - весьма интересная личность. Одевался и вел себя не по этикету, а по собственному усмотрению, был чрезвычайно живым человеком, обладавшим железным здоровьем. Шитул, как и его предки он получил по наследству, был единственным ребенком в семье, что исключало всевозможные, известные истории варианты внутрисемейной борьбы за власть. С детства его готовили нести бремя правления, он много учился, был частым гостем в Великой библиотеке, посетил инкогнито Бон, Блэкбрук и Сирик. Он постоянно находился подле отца на официальных мероприятиях, поэтому чувствовал себя как рыба в воде, разбираясь в интригах, склоках и подковерной возне. Видя, что творится в Сирике, где решения принимали избранные сенаторы, он твердо осознал, что не допустит подобного бардака в Городе и пресекал на корню любые попытки ослабить вертикаль власти. Став Бароном он умело поддерживал баланс сил, не давая Ордену Молота слишком много воли, хотя считался ярким верующим в Строителя. Он незаметно срамливал высшее дворянство Девяти семей, следуя принципу «разделяй и властвуй». Во время раскола Ордена Молота, и отделения от них Механистов Барон благоразумно остался в стороне. После восстановления статус-кво орденцев, Барон поддержал ресурсами ослабленное братство в обмен на технологии механистов, объявил механистов еретиками и быстро конфисковал в пользу Города их инфраструктуру. Город процветал и прославлял своего правителя. И тут время, называвшееся «Золотым веком» кончилось.

За какой-то год Барон сильно изменился. Стал все реже появляться на людях, указы носили явно агрессивный характер, многие проекты оказались замороженными. Казна пустела, правитель тешил себя бесконечными балами и приемами, где по слухам напивался пьян и сквернословил. Дворянство, почувствовав вольницу творила что хотела, налоги росли, а тут еще началась засуха и неурожай. Преступность свирепствовала неимоверно. Барон игнорировал петиции Гильдий, заперся у себя в резиденции и никого не принимал. По Городу поползли слухи – правитель не может иметь наследников и ударился во все тяжкие. Вскоре образ жизни сказался на здоровье Барона и он, крепкий здоровый недавно мужчина, знатный охотник и фехтовальщик начал угасать как свеча. Барон смирился, осознал к чему катится Город, вернулся к своим обязанностям и кое-что начал исправлять. Но все знали, что Барон долго не протянет и с ужасом ожидали, что же будет дальше...

Приблизившись к покоям, я удивленно прислушался. Вот это да! Стражник, бормочущий молитву! Видимо Барон так не доверял собственной службе безопасности, что привлек охрану своей персоны Молотов. Это плохо. Орденцы не в пример дисциплинированнее Городских стражей. Проверяют каждый шорох.

Шагов двадцать я одолел без проблем, а потом застрял. Справа и слева за поворотами жужжали шестеренками охранные механизмы. Принцип действия их оптики мало отличался от моего механического глаза, поэтому автоматы замечали движение почти в полной темноте. Малейшая ошибка и провал. Мои способности могут обмануть живое существо, но не механизм.

Оставалось одно – забраться на трехметровую высоту, оседлать балку и оказавшись вне зоны обзора стражей-автоматов, покрыть оставшееся расстояние до нужного мне поворота. Я подождал пока шаги ближайшего патруля стали еле слышны, закинул «кошку» на балку, подтянулся...

Взвывла сирена. Вспыхнул свет. Коридор наполнился воплями ужаса, отрывистыми командами и лязгом извлекаемых из ножен мечей. Я заметался, но поздно. Сзади скрипнула тетива, я отмахнулся, стрела вонзилась в деревянную кисть. Тут же двое дюжих Орденцев заломили мне руки за спину и поволокли. Вокруг творилась страшная неразбериха. Носились стражи и Молоты с обнаженным оружием, гремели открываемые двери, кто-то срывающимся голосом отдавал команды. Кого-то хватали, как меня, вязали руки и волокли. Возле всех окон и витражей, выходящих в сад, откуда-то появились часовые. На лицах людей читались страх и ярость. Произошло что-то очень серьезное, и я оказался в самом центре событий. Не лучший для меня вариант...

Волокли меня как мешок с землей, отбитые колени и локти цеплялись за все углы. Наконец меня буквально зашвырнули в комнату охраны. У пульта лязгал рычагами и щелкал кнопками бледный страж с покрытым испариной лбом и трясущимися руками. Судя по положению рычагов, все входы и выходы экстренно блокировали опускающимися решетками. Сирена завывала не переставая. Меня грубо обыскали. Весь воровской инструмент из карманов оказался на широком дубовом столе. По традиции пересчитали сапогами ребра, защелкнули колодку на руках и шее и бросили на колени. Никто не озаботился стрелой, торчащей из моей кисти, хотя ее древко постоянно задевали, и оно жутко мешало Орденцам. Покончив с процедурой, два Молота встали за мной почетным караулом с воздетыми, на всякий случай, боевыми кувалдами. Они явно кого-то ждали.

В помещение вошел Молот в облачении инквизитора. Медленно так, чуть не зевая. Покрутил в пальцах отмычку-трехгранник на столе, акуратно положил обратно. Развернулся ко мне. Мда, суровый тип...

– Аааа. Гаррет? Это вы? Я смотрю, глаз еще действует? Совершенно уникальная вещь. Каррас, гори он вечным огнем, был восхитительным мастером. А это что у нас? Инквизитор схватил мою руку, побледнел, выдернул стрелу и сорвал перчатку. – А вот это не похоже на работу механистов...

В дверь забарабанили.

– Кто там еще? – бросил через плечо инквизитор.

Дверь распахнулась, влетел человек в форме офицера стражи. За ним звеня железом громыхали сержанты.

- А, Шериф Пруарт, как удачно что вы тут оказались.
- Немедленно отдайте мне этого человека, не терпящим возражений голосом отчеканил Шериф. Он подозревается в убийстве Барона.
- Не стройте из себя дурака, Пруарт. Этот бедняга не знал, что Барон находился не в спальне, и не успел бы спуститься с башни, в другом крыле здания. Это во-первых. Во вторых объясните Шериф, как получилось что именно сегодня мы с вами, руководители соответствующих ведомств, получили назначение на охрану Барона. И в третьих Барона зарубили мечом, а у него и кинжала-то при себе нет. Сопоставьте факты. Беднягу подставили, убийца еще в здании, и я рекомендовал бы, озаботится его поимкой.
- Сержант Брам приступить к исполнению. – Выдохнул Пруарт.
- Есть.
- Инквизитор Мортвилд, я задерживаю этого человека до выяснения обстоятельств и по подозрению в покушении на грабеж. – отчеканил Пруарт.

- Этот, хм, - орденец постучал наконечником стрелы по моей руке - это существо подпадает под юрисдикцию Ордена Молота, как ересиарх и пособник Обманщика. Ну же Шериф, не нужно усложнять, вы ведь славитесь соблюдением буквы закона.
- Хорошо. Но согласно инструкции по действиям в чрезвычайной ситуации я имею право на полевой допрос. Ведь смерть Барона попадает под этот параграф?
- Безусловно Труарт. Я даю вам пять минут.

Забрав с собой обоих Молотов, Инквизитор вышел. Шериф бросился ко мне.

- Гаррет. Слушай внимательно. Орденцы сожгут тебя, но я постараюсь вытащить твою шкуру, если ты мне поможешь. Кто тебя нанял?
- Он не назвал имени.
- Этот? - Шериф протянул измятый листок с портретом.
- Да, это он.
- Это Тэсли, Блэкбрукский агент слышал о нем?
- Да, Городской Заправила Рамирез. Тэсли как-то связан с Рамирезом, но заправила мертва.
- Демоны!
- Постойте Труарт. В моем доме в тайнике лежат бумаги Рамиреза. Возможно, в них что-то есть.
- Спасибо Гаррет, я вытащу тебя. И еще...
- Да?
- Ты убил моего отца?
- Нет.
- Я так и знал. Постарайся сотрудничать с инквизиторами, чтобы выиграть время...

Вошел Инквизитор Мортвилд

- Время вышло - сообщил он и надел мне на голову дурно пахнувший мешок. Спотворное зелье, - успел сообразить я и отключился.

Труарт

Илбис Труарт мерил комнату шагами. Все пропало. Да нет, все просто в полной заднице. Проходя в очередной раз мимо стола, заваленного бумагами Рамиреза он не стерпел и в ярости смахнул их на ковер. Барон мертв. Этого ждали все, но совсем не так. Барона убили. Убийцу вычислили, но он успел принять яд. Хорошо, что у этого странного Гаррета в тайнике хранились ответы на все вопросы.

Да, Рамирез придумал себе отличную страховку от Тэсли, доверив бумаге все задания и планы Блэкбрукского агента. Смерть Барона – это сигнал. Сигнал провокаторам к началу мятежа. Сигнал Семьям, что пора начинать вооруженную борьбу за кресло Барона. Сигнал Блэкбрукской армии к выступлению. Начало кровавой вакханалии, начало конца. А я не успел ничего. Не разглядел очевидного. Что же делать? Надо как-то выиграть время...

Труарт остановился как вкопанный. Так, Если это сигнал... ну конечно!!!

- Лейтенанта Мосли ко мне – взревел он.
- Слушаю Шериф.
- Тишите. Всех кто был в Резиденции Барона на момент убийства арестовать по подозрению в соучастии. Слышите всех! Включая меня! Запереть в подвале резиденции. Вы берете

- командование Городской Стражей на себя! Молчать! Выполнять приказ! Записали? Бумагу оформить от имени Барона. В Городскую Трибуну срочно приказ от имени Барона на всеобщую мобилизацию на случай попытки мятежа, вследствие неудавшегося покушения. Отправьте так же срочное донесение Первосвященнику о том, что целесообразно скрывать факт смерти Барона, в противном случае начнется война. Приложите вот эти бумаги и найдите самого надежного курьера. Объявить в розыск человека по имени Тэсли по обвинению в убийстве горожанина Рамиреза. Всех просителей Барона под предлогом военного совета заворачивать на пороге.
- Что, черт возьми, происходит Труарт? - Мосли была потрясена и напугана.
 - Все объяснения потом, действуйте.
 - Но кто же заменит Барона пока все не всплывет?

Шериф Илбис Труарт глубоко вздохнул, собрался с духом и четко произнес :

- Я.

Крагсклефт

Тюрьма Крагсклефт. Вотчина Ордена Молота. Место вне юрисдикции Городской Стражи, вне власти Барона. В Крагсклефт попадали те, кто нарушил принципы Книги Догм Молота. Иными словами заключенным мог стать каждый. Фанатики искореняя грехи не шли на компромиссы и оправданный Городской Стражей на следующий день попадал к Инквизиторам, не знающим пощады. Орденцы свято следуя Догмам не признавали иных точек зрения. Грешен – значит виновен. Такая политика стоила Ордену доверия многих верующих, и во время рассвета Механистов Орден никто не поддержал. Поэтому новый Первосвященник пересмотрел некоторые воззрения в сторону смягчения отношений с горожанами. В Крагсклефт стали попадать только за ересь, или уголовные преступления направленные непосредственно против членов или имущества Ордена Молота. Спорные же дела рассматривались совместно Городской Стражей и Инквизицией. Конечно подчиненные Мортвилда часто пренебрегали договоренностями но в общем ситуация улучшилась.

Помещения тюрьмы раскинулись в недрах гор Эсс, в выработанных рудниках. На верхних уровнях находились бараки, молитвенные комнаты и резиденция Инквизиции. Там же хранились улики. Ниже никогда не прекращая гремела фабрика, обслуживаемая заключенными круглосуточно. Раньше фабрика снабжала оружием и броней как Орден так и заказы Городской Стражи вкупе с дружинами знати. Но взошла Эра стали. Город нуждался в механизмах, запасных частях к ним, трубах дренажных систем, мостах, дорогах и еще во многом, что недавно считалось экзотикой. Орден Молота давал Городу технологии и производство. Город давал Ордену паству.

Сбежать из Крагсклефта считалось невозможным. Единственный неохраняемый путь - через нижние, затопленные уровни рудников приглянулся нежити, призраки страшили не меньше чем суровые инквизиторы. Когда-то я спланировал побег Бассо из застенков, как раз через шахты и вряд ли решусь на это снова. Хотя не поздно и передумать. Как свежеспеченному узнику знаменитой тюрьмы

Мы шли вшестером. Такое количество определил Первосвященник после скрупулезного анализа информации, почерпнутого из архивов Орденской библиотеки. Вдвоем мы перерыли ворох документов, относящийся к государству, известному для посвященных как Караз - Дин. Потерянный город.

Беседа с Бриананом заняла немало дней с перерывами лишь на сон и еду. Вещи и события, о которых шла речь ошеломили меня больше, чем учиненный надо мною допрос в застенках Крагсклефта. Я ожидал чего угодно – пыток, экзорцисов, отсечения богомерзкой в глазах Ордена руки, но не этого разговора.

Получалось, всем процедурам, к которым я внутренне готовился, сидя в одиночной камере Крагсклефта, обливаясь потом, нужно подвергать не меня, а самого первоиерарха. Когда он впервые описал один из своих снов, его колотило, будто в ознобе, он побледнел как мел, вскакивал, метался по келье, постоянно опасаясь, что разговор могут услышать другие Братья.

Брианан не понимал значения приходящих ему образов, он как мог, запечатлел их на пергаменте. Я вглядывался в его неуклюжие рисунки и вникал в сбивчивые комментарии. Целый ворох изображений странных созданий, с человеческим торсом и головами животных и птиц покрывали его рабочий стол. Некоторые существа управляли незнакомыми механизмами, читали, молились. По словам Брианана, иногда ему снилось, что он вселился в тело одного из этих созданий, и у него получалось запомнить многие символы из листаемых ими книг. Он показал неровные строчки таких символов, и я без труда узнавал в некоторых из них хорошо знакомые мне Глифы Хранителей.

Первые дни моего пребывания в Кафедральном соборе, куда меня перевезли из Крагсклефта, наслушавшись откровений Первосвященника, я решил что бедняга спятил. Но обнаружив в его писанине глифы, засомневался. Потому что все привидевшиеся Брианану глифы оказались именно Изначальными. Основой магии Хранителей. И именно это натолкнуло меня на две мысли.

Во - первых сны имеют отношение к Караз-Дину, а во-вторых, даже имея за спиной такой мощный источник информации как Орденская библиотека, без совета Хранителей я не смогу помочь первоиерарху. А он очень нуждался в помощи. Ночные кошмары вымотали его, он боялся засыпать, а проснувшись, бредил голосами, поющими ему на незнакомом языке. Его вера в Мастера-Строителя пошатнулась, ибо молитва и пост не смогли помочь ему. Несчастный перерыл ворох книг, пытаясь найти избавление, и в одной из хроник наткнулся на упоминание обо мне. Мои прошлые услуги оказанные Ордену впечатлили Брианана, однако попытки отыскать меня провалились. И тут такая удача – Гаррет в Крагсклефте.

Идею похода в Караз-Дин, Первоиерарх воспринял с энтузиазмом, а вот моя просьба отпустить меня в Город на пару дней, разбилась о стену непонимания. Брианан боялся потерять один из основных факторов моей лояльности – обещание свободы. Верилось его обещаниям с трудом, оставалась одна возможность – побег.

Я разыгрывал чрезмерную заинтересованность в сотрудничестве до тех пор, пока бдительность Брианана, а соответственно и моей личной стражи не ослабла. В темную безлунную ночь я отомкнул дверь своей кельи, проскользнул мимо дремлющего Ордена и оказался в коридорах спящего Собора. Вот это моя стихия. Шенью проскользнуть вдоль молелен. Вскрыть замок канцелярии, найти нужный журнал, с указанием номера кельи дежурного ключника. Подцепить импровизированным крючком щеколду запирающую его комнату. Срезать с пояса, зачитавшегося при свечах дежурного, связку с ключами. Запереть щеколду, скрыв факт проникновения - пусть роется в своей келье, думая что обронил. Найти в связке золотой ключ от покоев Брианана. Возвратиться по ажурным решеткам на второй ярус, отвлечь охрану брошенной вниз книгой, чтобы отошли проверить источник шума. Проникнуть в святая – святых Собора. Повернуть рычаг, замаскированный под масляный факел в изголовье кровати ...

Вдруг Первоиерарх громко застонал, заворочался во сне, начал часто сучить ногами, будто отталкивая от себя невидимую угрозу. А потом закричал:

- Уберите его от меня, уберите, прошу не надо, я не хочу, я не хочу в огонь, там слишком холодно, я замерзаю, вытащите из меня это, я не хочу ХОЛОДНЫЙ ОГОНЬ...

Волосы встали дыбом у меня на голове. Слова из пророчества! Рамирез, Виктория, Первый Хранитель, а теперь еще и Первосвященник! Все словно сговорились, подталкивая меня к чему – то. Неужели пророчество действительно имеет такую силу, и мне не будет покоя, пока оно не исполнится? К черту. Я спущусь в Караз - Дин и проверю. И если там не окажется холодных огней, уродов с клювами, графинов с Глифами и прочего, то я просто смоюсь из Города, пускай дураят голову кому-нибудь другому. А если все это правда... то действительно наступили тяжелые времена Гаррет - тень...

- Что, что говорить? Отпусти меня. Какого демона ты делаешь в моей постели?!

Очнувшись я обнаружил что мертвой хваткой держу ворот ночной пижамы ничего не соображающего спросонья первого лица Ордена и трясу его как тряпичную куклу.

- Надо немедленно идти в Потерянный город, Брианан. Я согласен на ваши условия.

Караз-Дин.

Придцать человек расположились на деревянных скамьях посреди обширного зала. Лица их были неразличимы в колышущихся тенях, порожденных мерцающими свечами. Лунный свет, преломляемый витражами на окнах превращался в оранжево-багровый, ловил пылинки, окрашивал их в причудливо – мрачные тона, усугубляя и без того неуютное пространство.

Старый Хранитель поднял перед собой свиток, стянутый красной бечевкой, поправил очки и вполголоса начал.

- Итак, сегодня я расскажу вам о месте, называемом Караз-Дин. Возможно, старшие Хранители упоминали при вас это место, однако вы сами представить себе не можете, насколько часто вы о нем слышали и даже не догадывались. Вспомните сказки, которые вы слушали на ночь в детстве, или истории, передаваемые из уст в уста у костра или в тавернах. Припомните огненные шары, призраки, лабиринты, несметные сокровища... Так и есть. Мифология Города приписывает все эти чудеса и ужасы месту под названием Проклятый, или Потерянный город. А как вам известно, каждая легенда имеет под собой некоторую реальную почву. Я понятно изъясняюсь? Так вот, сотни лет назад существовала могущественная цивилизация Предшественников. В техническом, культурном и духовном плане она была намного совершеннее нашей. Имя ее Караз-Дин. Это самоназвание, означавшее не только общество в целом, но и географическое местоположение. Для простоты будем именовать ее городом.

Я не буду вдаваться в подробности социального и религиозного устройства Караз - Дина, знания вы почерпнете в библиотеке. Важно для нас то, как произошел закат этой цивилизации.

Предшественники возгордились и забыли о балансе. Они использовали накопленные знания и технологии, не задумываясь о будущем, и высокомерно презрели высшие силы, которые покровительствовали Караз - дину. В результате произошла ужасная катастрофа, город ушел под землю. Большинство жителей, остались погребенными под слоем пепла извергнувшегося вулкана, и сожжены потоками раскаленной лавы. Жалкие остатки Предшественников деградировали, не сумев спасти накопленную мудрость цивилизации, и по одной из версий основали поселение, впоследствии выросшее в наш с вами Город. Эта теория основана на немногих документах, дошедших до наших дней. Совет Хранителей не оставлял попыток найти подтверждение или опровержение этой гипотезы, и наконец очередная экспедиция обнаружила Потерянный город, точнее то что от него осталось. Караз-Дин оказался, буквально у нас под ногами. Результаты исследований оказались весьма неоднозначными, и последовал вывод, что посещение Караз-Дина ставит под угрозу существование

нашего Города. Дело в том, что силы, вызвавшие извержение все еще проявляют некоторую активность. Входы были опечатаны Хранителями, расположение их засекретили. Несмотря на секретность, нам приходится сдерживать исследовательский энтузиазм служителей Ордена Молота. В руки Братства попала информация о цивилизации, касающиеся ее технического наследия. Поэтому всем Хранителям, в том числе и вам, неофитам, следует по мере возможности дезинформировать Орден Молота, ибо усиление Братства может нарушить существующий баланс. Есть у аудитории вопросы? Прошу вас Гаррет...

Я вспомнил лекцию, прослушанную будто в другой жизни. Хранитель, преподаватель истории древностей давно умер, но мне очень хотелось высказать ему все, что я сейчас думаю. Хранители никогда не говорили всей правды. В Потерянном городе действительно было очень опасно. Несколько экспедиций не вернулись оттуда, это подтверждали собранные мною талисманы с обугленных останков ее членов. Я проворачивал свои дела не только в Бонхорде, но и здесь, в Потерянном городе. К тому же не один раз. Ордены, а точнее уже Механисты докопались до Караз – Дина, применив свои чудовищные землеройные машины, и обчистили город не хуже армии воров. И остались тут в заключении, наказанные за ересь и отречение от Мастера – Строителя.

Мои спутники вели себя довольно сносно, если бы не бормотали свои молитвы без устали и не награждали меня недоверчивыми взглядами. Им объяснили, что я – эксперт по древностям, нужный ордену для определенных целей, знать которые простым Братьям не положено. А идут они не для выяснения причин полночного бреда своего главного дедушки, а инспектировать отбывающих пожизненную епитимью Механистов.

Судно под флагом Ордена зашло в неширокую гавань, нас спустили в лодку и до обширного грота мы шли на веслах. Четверо гребцов, облаченных в красно – белые мантии Братства, беспрекословно подчинялись старшему нашего отряда, седовласому старцу с окладистой бородкой. Он не имел при себе никакого видимого оружия, но мог обладать магическим даром и потому быть самым опасным во всей пятерке. К нему я решил присмотреться особенно пристально. Ставлю сто золотых, что если среди моих спутников есть специально проинструментированный на мой счет человек, то это именно старикан. Конечно, смыться от них для меня раз плюнуть, если бы не одно «но». Все мои тренированные органы чувств, начиная от интуиции и заканчивая волосками на ягодицах предупреждали меня о близости прямо-таки необъятных неприятностей. Поэтому пять амбалов эскорта я принял как вынужденную необходимость. Пока.

Разгрузив лодку и навьючив на себя поклажу, мы двинулись в путь. Брианан с большим пониманием отнесся к списку припасов и снаряжения, запрошенному мной перед отплытием. Мне не улыбалась перспектива повторения Боунхордских походов и получив доступ в оружейные склады Кафедрального Собора я оттянулся по полной. Я даже уломал первоиерарха доставить мой сундук со снаряжением из дома в Южном Квартале. Теперь я готов к встрече с кем или чем угодно, исключая женский пол.

- Пришли. - коротко бросил старший, отдышаем.

В этом секторе мне бывать не доводилось, надо бы запомнить каждый закуток на всякий случай. Подняв голову я представил, как над слоями застывшей лавы, образовавшей свод пещеры за сотни лет наметался песок, потом появилась почва, дождалась занесенных птицами и животными семян, выросли травы и деревья. И теперь циклопические сооружения, на пороге которых я сейчас стою, скрыты от человеческих глаз, стали легендой, страшной сказкой, которой пугают непослушных детей.

Огромные двери, явно установленные уже в наше время закрывали проход в древний храмовый комплекс. На неподъемных каменных блоках, представлявших собой внешнюю стену здания, виднелись истертые временем изображения некоторых из которых старательно вырисовывал накануне Брианан. Что ж, пора начинать.

- За этими дверьми пост внешней охраны, - поняв по своему мой изучающий взгляд сказал один из Братьев, - проклятые тафферы и сюда умудряются забираться, - сплюнул он.

- Раньше их ошпаривали или вешали, - поддержал его рослый сосед, а теперь.. он махнул рукой... проклятые воров...

- Не нам обсуждать мудрые решения отцов Ордена,- почти нараспев одернул их третий, помолимся Строителю, чтобы грешники нашли своё наказание. . .

Все пятеро дружно забормотали. . . Меня передернуло. Знали бы они кого сопровождают. . .

Помолясь, братья принялись дружно колотить молотами по окованной железом двери, оповещая охрану о своем прибытии. Интересный способ. Но время шло, а ответа, или иной реакции со стороны охраны Караз-Дина не последовало. Удивленный Молот задумчиво перебрал пальцами бороду и начал исследовать, казалось – бы, глухую стену возле дверей. Остальная четверка, по его приказу, пошла вдоль стены в поисках окна или воздушного канала, через который они надеялись докричаться до внутреннего поста.

Обнаружилось небольшое слуховое окошко, искусно скрытое между украшенных причудливыми рельефами опорных колонн. Удовлетворенный старший начал орать в окошко неожиданно мощным для его комплекции голосом. Видимо часто служит обедни в храме, усмехнулся я.

Внезапно дверь содрогнулась. Но не от того, что заработали отпирающие ее механизмы. Кто-то или что-то с невероятной силой ударило в створку изнутри. Братья отскочили от двери, рассыпались полукольцом и приготовились к бою. Шаранье удары посыпались на дверь с такой силой, что сталь начала прогибаться, с потолка пещеры рухнул пласт известняка, взметнув тучу пыли. Старший Орденец проворно отступил на несколько шагов и трясущимися руками начал собирать какое-то небольшое устройство. Вся пятерка дружно запела отвращающие зло псалмы.

Нет, старину Гаррета трясущимися дверями не проймешь. Я плавно отступил на пару шагов вправо, чтобы оказаться в тени и приготовился к Шпанцу. Одновременно пальцы расшнуровали сверток за спиной, на свет появились ножны, а потом и смертоносное содержимое. Если дело пойдет худо, я либо смоюсь, либо стану большим сюрпризом, кто бы не появился с той стороны.

На миг грохот прекратился и сквозь щели прокатился оглушительный рев, вперемежку с режущим слух стрекотом. И тут я понял, что рвется к нам с той стороны. А через секунду одну из створок вырвало из петель и окованный металлом кусок дерева размером с телегу снес одного из Орденцев, как соломинку.

Появившееся существо, в два раза выше и шире человека взмахнуло устрашающими клешнями, заменяющими ему руки, разинуло усыпанную тонкими, похожими на иглы зубами пасть и выдало серию отвратительных звуков. Если сверчка увеличить до размеров коровы он сможет так же. Правда сверчок не сносит многотонные двери, не умеет клешнями перекусывать человека пополам.

Свистнуло, из-за спин братьев вылетела маленькая желтая молния и впиалась чудовищу в то место, которое у людей называется щекой. И сразу же еще, но уже в глаз. Я обернулся в изумлении, и обомлел. . . Пожилой Орденец выпускал маленькие бронзовые стрелки пользуясь самострелом Механистов! Это совершенное оружие, похожее на уменьшенные копья арбалетов армии Блэкбрука, работало с потрясающей скорострельностью, используя силу воздуха, пойманного в специальную машину и было под запретом в ордене! Ничего себе!

- Силой Строителя,- возвопили воодушевленные братья,- к оружию!

Орденцы окружили чудовище, пытаясь дотянуться, пока оно было занято своими неприятностями – полной мордой острого металла. Рыча и подбадривая друг друга, Братья размахивали своими кувалдами на длинных ручках. Боевой молот - страшное оружие. Человеку удар сокрушает кости, игнорируя доспех, нежить рассыпается под воздействием наложенных на молот чар. Но в недрах Караз-Дина молот столкнулся с наковальней.

Под хитиновой броней, покрывающей мощный, торс, бугрились каменные мускулы. К клешням усыпанными острыми, как бритва зазубринами, вообще было невозможно приблизиться, или перехватить. Оставались ноги. Нижние конечности тоже закованы в хитин, но колени более уязвимы перед дробящим ударом Боевого молота.

- Колени, разбейте ему колени- заорал я из своего укрытия.

Уловив знакомый повелительный тон в моем крике, братья не раздумывая подчинились. Двое с утроенной интенсивностью начали колотить создание слева. Третий, самый смелый, или самый безрассудный, поймал момент, когда чудовище отвлеклось на бешеную атаку. Орденец подкатился под ноги противнику и что есть силы хряснул молотом под колено. Трехметровое создание заверещало от резкой боли, и потеряв равновесие рухнуло, придавив собой смельчака.

Я выторхнул из своей засады, вспрыгнул на спину противнику, мотающему башкой из стороны в сторону, увернулся от тупых рогов, и вонзил двадцать дюймов стали в основание черепа, между приоткрывшимися хитиновыми пластинами. Монстр забился в агонии, заскреб по каменному полу клешнями и затих.

Д

Убедившись что кошмарное создание мертво, орденцы принялись извлекать из-под неподъемной туши своего товарища. Они спешили, позабыв о безопасности, не думая о том, что из недр подземелий может появиться новая угроза. Их усилия оказались напрасными. Раздавленный брат не подавал признаков жизни. Второму, оказавшемуся на пути пролетевшей двери, тоже не повезло. Острые края вырванного металла вскрыли бедняге артерию, и он истек кровью.

Пока Орденцы сооружали насыпь из камней, над телами павших братьев, я наблюдал за темным провалом входа в Караз –дин, в ожидании незваных гостей.

- Ты можешь снять повязку Гаррет, возможности твоего глаза нам теперь куда нужнее чем твое инкогнито. Что это за существо?

- Не самое лучшее создание, которое может повстречаться, уверяю вас Инквизитор.

- Я не сомневался, что вы догадаетесь, Гаррет.

- Это моя работа, разбираться в людях, к тому же рядовому Брату не доверят запрещенное оружие, - я кивнул в сторону самострела, закрепленного на его руке.

- Так что это за создание?

- Это краймен.

- Никогда не видел живого краймена, только чучела в гостиных богатых горожан, в основном головы.

- Хм, скажу вам по секрету, брат Инквизитор, вам заморочили голову подделками. Покупают у горцев череп детеныша краймена, их полно в пещерах Эсс, обтягивают кожей буйвола, красят и все. Можно похвастаться трофеем, перед заезжими дамами, прежде чем затащить их в постель.

- Вы разносторонний человек Гаррет. Может быть, вы уточните способ, которым вы его убили? Я, признаться, не заметил оружия в ваших руках.

Решив, что хуже не будет, я обнажил меч. Темный металл, намного прочнее и долговечнее стали выглядел идеально. Оружие несколько лет хранилось в тайнике, я приучил себя работать с обоюдоострым кинжалом.

- Восхитительный клинок... - изумленно пробормотал инквизитор, из какого металла он выкован?

Постойте! Лезвие совершенно не отражает свет! Даже напротив, каким-то образом поглощает...

Похоже на колдовство! Знаете, Гаррет, не будь мне известна ваша биография и исключительная важность этой экспедиции, я бы упек вас в Крагсклефт не задумываясь. Где вы взяли эту богопротивную мерзость?

- Это подарок одного, хм, знакомого. Пока он был жив, его звали Константин.

Виктория проснулась от громкого и настойчивого стука в дверь. Право беспокоить ее имели только несколько шаманов в исключительных случаях, поэтому она быстро оделась и вышла в Лес. Стояла глубокая ночь. Возле порога на коленях стоял местный шаман и трясся как лист на ветру.

- В чем дело, - ледяным тоном спросила она.

- Х-х-хозяйка, простите, я потревожил ваш сон, но случилось нечто неприятное.

- Какое мне дело до ваших неприятностей... она подняла голову и посмотрела на деревню.

По поляне металась факелы. С громкими криками люди беспорядочно металась взад-вперед, натывая друг на друга, ругались. Слышались то вопросительные то угрожающие восклицания, плач женщин. Большинство из них столпились у недавно выращенного жилища и в голос причитали.

- Что случилось? - встревоженная дриада движением руки приказала шаману встать с колен.

- Убийство Хозяйка!

- Кто?

- Иремя зарезали, да и его молодая жена пропала. Всюду кровь. Соседи подняли шум и видели какую-то тень. Мы боимся что Молоты прознали про нашу деревню. Что нам делать?

- Немедленно соберите мужчин. Пусть возьмут луки и факелы. Обыскать лес и особенно восточные тропы. Я помогу вам.

- Благодарю Хозяйка Леса, благодарю...

Виктория молча вернулась в дом, подошла к дальнему столу и сдернула с дубовых досок шелковую скатерть. Перед ее глазами открылась изъеденная червями столешница, покрытая грубыми, вырезанными ножом письменами.

Дриада проговорила нужные слова и провела рукой над рунами. Поверхность стола подернулась рябью, засветилась, как светятся в ночи гнилые головешки, и сквозь зеленый туман стали проступать очертания Города, с высоты птичьего полета. Виктория наклонилась к столу.

- Докладывайте немедленно. Что происходит в Ордене?

- Молоты к чему-то готовятся, - голос невидимого собеседника звучал еле слышно, будто сквозь вату, - На фабриках день и ночь куется оружие. Первосвященник и Старший Инквизитор не выходит из Кафедрального Собора много дней. Произошла попытка покушения на Барона и...

- Достаточно! Удвойте усилия. Я должна знать обо всем. Вы нашли Гаррета?

- Он бесследно исчез. Говорят, его видели в Крагсклефте, мы продолжаем поиски.

- Проклятые Орденцы!,- Виктория накрыла стол. Свечение некоторое время проступало сквозь ткань, пока не исчезло.

Орден решил напасть! Это очевидно. Из других деревень тоже приходят новости о пропавших. Как я могла быть настолько недалёковидна? Я слишком сосредоточилась на Гаррете.

При мысли о нем ее сердце сжалось.

Нет, вор подождет. Пришло время покинуть относительно безопасный Лес и оценить ситуацию на месте, в Городе. Братство начало слишком уж активно действовать. Теперь мой ход.

Гаррет

Под ногами раздался хруст. Я чертыхнулся сквозь зубы, но даже не стал опускать голову. Эти проклятые осколки повсюду. Сначала я принял их за битую посуду, которой должно было остаться много, судя по виду обжитых братьями помещений. Там царил хаос. Все что можно было уничтожить, было уничтожено в щепки. Ни одного целого предмета мне найти не удалось.

Рассмотрев осколки внимательнее, я решил, что они не могут быть частью разных малых объектов. Мне лезла в голову картина, где несколько вооруженных кувалдами, крепких мужчин упорно раскалывают кусок горного хрусталя размером с сарай. Вот на что это было похоже.

Некоторые «стекляшки» выглядели не сколотыми, а оплавленными. Я предположил, что взорвался потолочный кристалл - светильник Предшественников. Но не нашел ни одного свободного гнезда.

Удивительные устройства исправно работали, распространяя неяркий голубоватый свет. реагируя на движение входящего в помещение человека, вспыхивая при приближении к нему, и затухая по мере удаления.

Поэтому наши жалкие попытки перемещаться незаметно сопровождалась сиянием и надоедливый хрустом под каблуками. Однако когда рукотворные стены вновь сменились естественными сводами, я дал знак остановиться.

- Что там? Шепотом поинтересовался Инквизитор.

-Шам что-то есть.

-Может быть Братья? Не могли же они просто испариться? Ведь мы не нашли следов крови.

-Не похоже, - я сосредоточился, - впереди нечто огромное. Боюсь это еще один краймен.

-Строитель спаси нас. Нам же негде спрятаться, мы и так потеряли двух братьев, мир их праху.

-Готовьтесь, придется принять бой.

Шеперь топот и скрежещущее стрекотание слышали все. Лица у братьев стали каменными, они разошлись к стенам, чтобы не мешать друг другу в нешироком тоннеле. Инквизитор проверил самострел, я достал лук и наложил на тетиву стрелу с огненным наконечником. Мы приготовились дорого продать свои жизни, но вышло по-другому.

С топотом и лязгом, задевая потолок и стены клешнями, краймен промчался мимо нас, даже не повернув молотообразной головы. Я проводил его мрачным взглядом и повернулся к своим спутникам. На лицах братьев читалось облегчение, они улыбались и хлопали друг друга по плечам.

- Не будь таким хмурым Гаррет, Строитель спас нас.

- Тогда приготовьтесь лично созерцать Его, поскольку я не представляю, что способно вызвать панику у краймена. Только запредельный ужас может затмить инстинкты этого монстра. А первоочередной из них – защита территории обитания от вторжения и расширения рациона питания за счет двуногих чужаков. Почитайте мемуары настоящих охотников, инквизитор. Шам, впереди что-то есть. И это что-то невероятно смертоносно.

- Это исключено, нет, нет, это совершенно исключено. Мы подходим к наиболее обустроенным секторам Караз Дина. Фактически отсюда Орден, точнее Механисты начали крупномасштабные раскопки, отведя лавовые потоки в сторону. Дело в том, что паровые мобильные буровые установки требовали сложной инфраструктуры, для обеспечения углем и водой, к тому же тоннели сильно задымлялись, затрудняя работу механикам. Поэтому мы спроектировали электрические машины для бурения породы. Каррас надеялся использовать устройства Предшественников под названием «геотермальные генераторы». Теоретически они до сих пор питают оставшиеся световые кристаллы. Каррас угробил кучу времени, но так и не нашел эти артефакты. Вместо них запустили паровую электростанцию. Вскоре мы увидим ее. Для защиты от саботажников, язычников и таффберов, простите Гаррет, воров, вокруг электростанции установлен охранный периметр, представляющий собой системы наблюдения, предупреждающие проникновение, которые в свою очередь, приводят в действие турели, метаящие стрелы и ядра, начиненные взрывчаткой.

- Я не вполне уверен в их эффективности, Инквизитор. В свое время мне удалось без труда миновать всю вашу машинерию и похитить брата Кавадора.

- Позволю себе вам возразить Гаррет. Предметом нашего опасения являются отнюдь не люди... Вот вам пример. Проходчики натолкнулись на подземные полости и оборудование перегородило путь миграции бурриков. Шестнадцать особей ринулись по нашим тоннелям к станции. Но, что от них осталось, отскребали несколько дней. В отличие от бурриков вы, Гаррет находитесь на высшей ступени развития интеллекта, данного нам Строителем. Уверю вас, наши механизмы практически безупречны.

Шут до меня дошло. Уж больно яростно мой собеседник отстаивал позиции машин.

- И как же Механист стал Инквизитором? - усмехнулся я. Выкладывайте начистоту. Либо мы работаем вместе, без недомолвок, либо, позвольте откланяться.

-Вы правы Гаррет. Я состоял в высшем руководстве секты Карраса и знаю многие секреты. Но убедившись в ложности его учения, я покинул секту. Меня не сослали по простой причине-механические новинки, созданные не без моего участия нуждаются в обслуживании и модернизации.

-Хм...

-И не думайте что мне приказали шпионить за вами. Вы не такая уж крупная птица, как считаете? Моя миссия в Потерянном городе - сменить вашего старого знакомого Кавадора, который руководит исследованиями, проводимыми в Караз-Дине. К несчастью ему оторвало ноги при буровзрывных работах и он умирает. Так что про ваши цели мне ничего неизвестно. Приказ был простой-оказывать содействие человеку с повязкой на глазу. Я даже не сразу признал в этом человеке знаменитого вора по имени Гаррет. На этом предлагаю оставить разногласия и продолжить движение.

-Резонно. Что конкретно вы предлагаете?

-Вы наверняка обратили внимание, что оборудование обесточено. Уверен, что произошла некая авария, и Механисты отправились ее устранять. Возможно, люди заблокированы в одном из удаленных тоннелей и ждут помощи. Нам нужно добраться до электростанции, запустить паровые машины, охранные системы и освещение. Там мы отдохнем, изучим технические журналы, отыщем Механистов, и вы сможете самостоятельно заниматься своими исследованиями. Внутри периметра абсолютно безопасно, двоих Братьев мы сразу отправим вверх за помощью. Я утвердительно кивнул.

Электростанцию Механисты возвели в просторном зале, доставшемся им по наследству от Предшественников. Помещение позволило разместить внутри себя все необходимое оборудование, включая огромный пузатый котел. Я никогда не интересовался устройством подобных установок, но словоохотливый инквизитор с гордостью поведал, как работает станция. Братья прорубили в полу бассейн и направили в него лавовый поток, что избавило от необходимости снабжать устройство углем и дровами. Мощные шестерни и валы позволяли опускать котел с водой в раскаленное озеро, и когда давление в котле становилось избыточным, пар направляли на лопасти электрогенератора, приводя его в движение. Получившийся ток пропускали через сложную систему приборов, принцип работы которых я так и не смог понять, и только тогда питание подавалось на конечные механизмы. Пользуясь случаем, я попросил некоторых разъяснений по поводу этих самых механизмов. Меня всегда интересовало, как механические стражи отличают своих от чужих. Инквизитор рассмеялся, услышав вопрос, и теперь я с проклятиями натягивал сине-золотую накидку Механистов. Я-то считал, что турелями управляют люди издали, каким-то хитроумным способом, а оказалось, механических стражей настраивают на определенные цвета. Нет на тебе заданной униформы, лови ядро в затылок. Тока я упражнялся в сквернословии, пришел Инквизитор.

-Странно. Журналов нигде нет. Повсюду разруха и запустение. И все усыпано этим, Строитель знает, стеклом, или минералом. Я провел несколько анализов в лаборатории, но мои познания в химии не простираются достаточно далеко. Полагаю высыпание «стекла» результат воздействия выделяемого при взрывных работах газа на минералы в породе.

-А Механисты? Вы нашли какие-нибудь следы? И постарайтесь говорить попроще. Я получил неплохое образование, но иногда голова кругом от обилия вашей терминологии.

-Да, пожалуй. Оборудование обесточили, чтобы запитать что-то потребляющее колоссальное количество электроэнергии. Все генераторы сначала хм.. объединили, а после пустили ток по хм... кабелю невероятной емк... простите, толщины. По этому кабелю я надеюсь найти пропавших людей. Я уже отправил наших спутников в Кафедральный Собор, с предварительным отчетом. Надеюсь, скоро придет помощь.

Труарт.

Специальный уполномоченный Тарт очень спешил. Он только что закончил внеплановую инспекцию Станций, и теперь увесистая папка оттягивала его жилистые руки. Уполномоченный на все лады қостерил выскочку Труарта, но с ужасом ожидал встречи с шерифом с глазу на глаз. Какого демона этот Труарт втерся в доверие к Барону? Почему специальный уполномоченный особым указом оказался в подчинении шерифа Шоулсгейта? И самое главное, почему Илбис Труарт, вместо того

чтобы немедленно воспользоваться повышением, и начать плести интриги, с целью упрочить свое политическое положение, как это делали многие до него, начал эту идиотскую инспекцию.

Мелко перебирая ногами, Гарт проскочил внутренний двор Стормкэсла, надменно вскинул голову, перед бдительной охраной и поспешил в кабинет Шруарта. Но перед самой дверью остановился как вкопанный.

А вдруг шериф разнюхал про Вебстера? Гарт побледнел. Городской заправила Вебстер давно прибрал Уполномоченного к рукам. Теперь Заправила прокручивал свои дела без внимания со стороны Городской стражи, а Гарт, прикрывавший его, купался в роскоши. Если Шруарт знает об этом... Всем известно отношение молодого офицера к взяточникам... Нет, нет, это невозможно, иначе меня бы уже взяли, подумал Гарт, смахнул пот с лица и натянув на себя деловое выражение лица вошел в кабинет.

Млбис Шруарт расположился перед мощным, под стать своему хозяину, дубовым столом, заваленным ворохом докладов, отчетов, протоколов и других бумаг. Он будто бы не заметил появления Специального Уполномоченного, делая какие-то пометки в журнале, чем раздосадовал Гарта еще сильнее.

- Отчет по правонарушениям за месяц Шериф, проскрипел Гарт и бросил папку на стол. Шруарт приподнял бровь и брезгливо посмотрел на уполномоченного. Тот надменно развалился в кресле для гостей и демонстративно разглядывал свои ногти.

- Что там?

- Поскольку я больше не руковожу Городской стражей, просматривать содержимое я не считал нужным. К тому же, это обязанность Инспекторов. Меня ждут важные дела, и я хотел бы...

Шруарт резко встал, перегнулся через стол, сгреб Уполномоченного в охапку и подтянул к себе. Перепуганный Гарт задержался, пытаясь освободиться от мощных рук Шерифа и обмяк.

- Ты! Выдохнул ему в лицо Шериф. Ты, мерзкая крыса. Мало того, что ты лижешь задницу Вебстеру и его подонкам, ты еще осмеливаешься таким тоном разговаривать со мной?

- Я жаловаться, б-б-барону – залепетал Гарт.

Шруарт выпустил извивающегося человечка и тот промахнувшись мимо кресла плюхнулся на пол, жадно глотая воздух.

- Именем Барона, Специальный Уполномоченный Гарт, обвиняется в казнокрадстве, взяточничестве и пособничестве организованной преступности Города. – зарычал Шруарт- в связи с этим Гарт приговаривается к пятилетней службе в штрафных ротах регулярной армии. Имущество конфискуется в пользу Городской казны. Там тебя научат исполнять приказы... и скажи спасибо что я не отдал тебя Ордену, ублюдок.

Когда Стражники выволокли под мышку рыдающего Гарта, Шериф обошел стол, и открыл принесенную изменником папку. Листая исписанные шерифами формы докладов, Шруарт все больше мрачнел. Ситуация в Городе складывалась критическая. Количество тяжких преступлений выросло в разы. Убийства, грабежи, изнасилования... Такого не было в истории Города даже в самые суровые времена. Шруарт захлопнул папку и перешел к текущим отчетам. Поставив несколько пометок на протоколе допроса из Дейпорта, он насторожился. Перечитал стенограмму допроса:

Обвиняемый: Я не знаю что на меня нашло, я очнулся с топором в руках и везде кровь, кровь (рыдает)

Инспектор: Значит вы утверждаете что причины убивать свою жену вы не имели?

Обвиняемый: Я люблю свою Дженни (заламывает руки) убейте меня, я не хочу жить.

Инспектор: Внесите в протокол, что обвиняемый характеризуется соседями как примерный семьянин...

Шруарт бросился к папке, лихорадочно пролистал ее, нашел нужную страницу и начал водить по строчкам пальцем:

..безо всякой причины мама набросилась на меня с кочергой и ударила по голове
... что на меня нашло, доченька моя...

Бледнеющий шериф перекинул еще несколько дел.

...постоялец несколько раз ударил ножом горничную, после чего сел на ступеньки и заплакал... по его словам он не хотел этого делать, он твердит про пелену, закрывшую его глаза...

Шруарт сел за стол и с каменным лицом начал сортировать папки, слева - заказные убийства и грабежи с летальным исходом. Справа - все остальные. Через час правая стопка рухнула под собственной тяжестью, завалив Шерифа и он наконец пришел в себя.

Шесть дюжин немотивированных убийств. Семьдесят два трупа. Волосы зашевелились на голове Шруарта. Невероятно! Такого не случалось никогда, тем более за такой короткий промежуток времени. Что это - массовая истерия или происки врагов Города? Но знатных горожан среди убитых раз-два и обчелся! Что с этим всем делать? В любой день может вспыхнуть война, каждый Инспектор на счету. Закрывать глаза?

Нет! Шериф тряхнул головой. Я служу Городу и мой долг защищать людей от любой угрозы - будь она внешняя или внутренняя. А если эти папки пахнут мистикой, то у тебя есть человек, разбирающийся в чертовщине, и не треплющий языком понапрасну...

- Лейтенанта Мосли ко мне! - закричал Шериф вошедшему дежурному - Быстро!

Бақлуша очень запыхался. От долгого бега уже заплетались ноги, в глазах плавали разноцветные круги. Ему очень хотелось поскорее спрятаться, но проклятые Стражники устроили рейд в Доках, и в любой тени могла скрываться либо засада, либо местное ворье. А шайки Доков очень не любили залетных, и Бақлуша старался держаться от них подальше. Тем более при его сегодняшнем улове. Сумка с камешками шлепала по заднице, мешая бежать, но это неудобство меньше всего волновало Бақлушу. Его почти загнали в угол. Все магазины, в другое время принявшие его с распростертыми объятьями моментально закрылись с началом рейда. Кому хочется светить «левый» доход от скупки краденого и контрабанды. Надежда найти укрытие таяла с каждым шагом и Бақлуша запаниковал. Однако самолюбие не позволило вору сдаться на милость случаю и он свернул в последний непокрытый патрулем переулок доков. Теперь только два пути. Вплавь вдоль берега, если подвернется хоть какая-то лодка. Без лодки никак. Как и большинство жителей Города Бақлуша не умел плавать и не полез бы в воду за все золото Барона. Лучше уж скинуть добро в коллектор и сдаться Стражникам - может пронесет. Улов у Инспекторов сегодня и так богатый - целый корабль пиратов, прикинувшихся торговым судном.

Или топтать по территории Язычников. Бақлуша слышал много сказок о пэганах, в основном дикие слухи. Ходила молва, что у них сильные колдуны. Но в Городской Трибуне писали что Барон дозволил Языникам находиться в Городе при условии примерного поведения и без применения магии. Шаманы вели себя тихо, но до тех пор пока кто-то не посягал на их территорию. Усиленные патрули Стражников избегали этого района Доков и устраивали инспекции только с отрядами Ордена Молота. А уж те...

Им только повод дай они эту «зеленую заразу» мигом из города повычистят.

Шақ что куда не кинь... всюду хана... Бақлуша уже остановился у решетки коллектора, снял с плеча сумку с добром и вдруг улыбнулся во всю свою прыщавую рожу. Коллектор! Он ведет прямо к южному кварталу. Взрослый человек тем более Стражник в доспехах туда не пролезет, в вот коротышка... Шо что ход коллектора надвое пересекает территорию пэганов ерунда. Никто не захочет нырять в дерьмо только для того чтобы вытащить грязного мальчишку...

Бақлуша с криком отодвинул чугунную сточную решетку и протиснулся в узкий и вонючий желоб коллектора. Превозмогая приступы тошноты он заставил себя думать только о аметистах в сумке и о золоте, которое он за них выручит, когда окажется у Стены и как следует отмоется. В голове его пронеслись образы закусок, пива, новой одежды. Он наконец- то снимет себе комнату с сможет пригласить туда крошку Салли на бутылочку вина. Лучше кентаврского. А уж потом... Представив прелести молоденькой дочке лавочника с Десятой, Бақлуша снова ощерился, но улыбка быстро слетела с лица. Он услышал голоса.

Два женских голоса доносились до ушей воришки настолько отчетливо, перекрывая плеск нечистот, что он в недоумении завертел головой. Взгляд тут же поймал круглое отверстие над головой.

Чертovski скверно. Шолько вот не хватало, чтобы мне на голову нагадили! Но собеседницы находились явно не в уборной, сначала загремел передвижаемый стул, а потом характерный ляг метала. Кто то в доспехах сел и зацепил мечом каменный пол. Тут Стражник!! Бақлуша застыл, опасаясь выдать себя и прислушался к разговору...

- ... ты жива и это многое меняет. Если Орден узнает об этом, начнется травля. Допустить конфронтацию нельзя. В Городе кризис, подливать масла в огонь опасно. Если Блэкбрук готовится к вторжению так, как представляет себе Труарт, мы обречены.

- Да, то что ты рассказала- ужасно. Барон мертв, враг на пороге, Орден крепнет. Мы просто вынуждены защищаться.
- Ну не такими же методами Виктория! Страдают простые люди, Братство в ярости. Если ты не остановишь шаманов у Ордена будет карт-бланш на ваше истребление...
- О чем ты говоришь Мосли какие люди? От чего страдают?
- Не притворяйся Виктория. Все эти убийства... Это колдовство. Шолько твои шаманы способны на это! Я служила Лорду Древо долго, и знаю его методы. Теперь же я постарела и поумнела. Остановись или будет поздно!
- Остановить что? Объясни мне что происходит и прекрати обвинять в том, о чем я не имею понятия!
- Вот. Взгляни...

Бақлуша превратился в изваяние. Барон умер! Война! Что же это за дамы, которые обсуждают такие вещи под землей? Ему надо рвать отсюда, но если узнают что кто-то подслушал! Нет, надо ждать...

- Это правда?- после некоторой паузы спросила одна упавшим голосом- чудовищно! Родители убивающие детей просто так?
- Да Виктория волна жестоких, необъяснимых убийств. Что скажешь теперь?
- Это не шаманы. Если это магия, то она не под силу даже всем шаманам вместе взятым. И это конечно не Орден.
- Тогда что же?
- Что- то нависло над Городом Мосли. Пророчества прямо указывают на этот факт, но расплывчатые в деталях. Появилась какая- то сила. Незнакомая и грозная. Мы все в опасности. Мне претит сама мысль о сотрудничестве с Орденом молота, но вот Труарт... Ты можешь влиять на него?
- Нет. И не буду. Мальчик вырос и превратился в скалу. Сегодня он единственный в Городе кто хоть что-нибудь понимает. Если бы не он ... В общем я доложу Труарту что вы здесь не при чем. Он мне поверит. Но разыскивать неведомых колдунов Труарт не станет. Просто некогда. Ты можешь заняться этим Виктория?

- Я сделаю все что смогу, чтобы спасти людей от зла, и у меня есть помощники. Мои агенты найдут тебя если появятся новости.
- Буду ждать. До встречи друида.

Друида! Бақлуша почувствовал что слишком расслабил кишечник от страха, дождался пока стихнут удаляющиеся шаги и как можно быстрее пополз вперед. Сон, это просто сон. Сейчас я проснусь нажрусь, бренди с пивом выброшу все из головы...

Друида проводила лейтенанта Мосли, кивнула поклонившемуся ей язычнику с кривым кинжалом, стоящему на страже и пошла вглубь сада. Человек, сидевший прямо на земле задумчиво смотрел в море.

- Как вы себя чувствуете? Спросила друида.
- Великолепно .
- Тогда настало время выполнить мое поручение.
- Да Виктория. - человек встал.

Она не хотела этого ! Не хотела, не хотела... Перед глазами встала кованая дверь.

- Тогда приступайте. И вот что ...
- Да?
- Нет, пожалуй, ничего, вы свободны Рамирез...

Кабель казался бесконечным. Мы давно минули освещенные секторы, обжитые Механистами и вышли к области археологических исследований. Вскоре разрушенные постройки Предшественников, омываемые потоками лавы, остались позади. Судя по карте, составленной Братством Молота рельсы вдоль которых тянулся кабель, должны закончиться в Нижнем Городе Караз Дина- самой отдаленной территорией комплекса.

Однако нас ожидал сюрприз. Пележки для вывоза отвала породы были сняты с рельс и валялись тут же в беспорядке. Тут же нашелся брошенный инструмент — кирки заступы и лопаты, усыпанные знакомыми нам осколками не поймешь чего. А наш путеводный кабель нырял во тьму свежeproложенного тоннеля. Инквизитор лишь удивленно пожал плечами, запалил масляный фонарь и шагнул в тоннель.

Путь занял несколько часов, канистра с маслом показала дно, поэтому я наконец снял повязку. Чтобы глаз «работал» в темноте, мне приходилось особенным образом напрягать мышцы лица. Каррас говорил что от сокращения мышц энергия передается глазу и оптическая механика способна пронзает тьму. Однако при этом глаз начинал издавать еле слышное жужжание и вибрацию. Через некоторое время начинала болеть голова, а при слишком долгом использовании устройства в темноте, я мог потерять сознание.

Когда жужжание стало нестерпимым я предупредил своего спутника, что могу отключиться. Но помощь не понадобилась. Вскоре впереди забрезжил свет и тоннель закончился. Я вспомнил все, что знал о Караз-Дине и теперь не сомневался ни капли. Механисты нашли место, которое Предшественники называли Колизей.

Колизей оказался самым большим сооружением в Потерянном городе. Вообще нынешнее состояние Караз Дина вызывало у меня легкое недоумение. Каким образом вулкан настолько избирательно уничтожал город? Почему лавовые реки подминая под себя целые кварталы, оставляли в неприкосновенности улицы, ограниченные невысокими зданиями? Ряды прямоугольных одноэтажных

домов – смешная преграда перед разбушевавшейся стихией, тем не менее громадные массы шлака образуют коридоры строго вдоль улиц, смыкаясь над головой на многометровой высоте. По какой причине уцелел Храмовый дворец, сохранив в своем чреве архивы, совершенно не пострадавшие от жара? Неужели гипотезы о божественном гневe имеют под собой почву и катаклизм пережили лишь избранные? Тогда мощь божества, обрушившего на Предшественников свою карающую длань просто бесконечна. Такой силе противостояние Строителя и Обманщика покажется суетливой мышшиной возней. И каковы были возможности самих Предшественников, сумевших возвести такое чудо, как Колизей.

Масштабы циклопического амфитеатра захватывали дух. Кольцо внешней стены вздымающиеся на добрую сотню ярдов, скрыло бы в своей тени всю резиденцию Барона. Количество дымчатого мрамора, ушедшего на облицовку, могло истощить карьер в горах Эсс снабжающий безумно дорогим материалом целый Город. На спускающихся воронкой местах можно без труда усадить не меньше трехсот тысяч человек, – большую часть горожан. Колизей разделялся на сектора каменными пилонами, огромными воротами, образованными двумя массивными, сужающимися кверху мраморными блоками. Очевидно через эти ворота на покрытую песком арену попадали гладиаторы, бойцы, проливающие кровь под рев толпы. Между соседними пилонами, смещенные к центру возвышались антрацитовые четырехгранные обелиски, образующие квадрат. В центре арены я разглядел неглубокую, частично засыпанную песком восьмиугольную нишу. Она прекрасно вписывалась в симметричную гармонию Колизея, каждый из углов вершиной указывал на пилон или обелиск. Но само углубление вызывало непонятную, подсознательную неприязнь близкую к отвращению. Похожую реакцию порождает созерцание эшафота на площади, или виселицы посреди макового поля. Я поежился, представив нишу, наполненную до краев, свежей кровью поверженных бойцов.

Впечатление, которое произвел на меня Колизей, не смогло ослабить даже его нынешнее состояние. Один из секторов почти полностью обрушился и теперь оказался погребенным под длинным языком застывшего шлака. Со стен местами осыпалась покрытая трещинами облицовка, обнажив каменные блоки, скрепленные раствором. Песок арены смешался с вулканическим пеплом и приобрел неприятный грязно серый цвет, ассоциирующийся у меня с заброшенным кладбищем. Сама арена стала нагромождением черных блестящих глыб базальта, похожих на изваяния сумасшедшего скульптора.

Дополняла картину разрушения широкая колея, оставленная буровой машиной Механистов. Оставив за собой высокую насыпь перемолотого камня, с которой мы с Инквизитором любовались местной архитектурой, механизм, не разбирая дороги, повалил обелиски, растолкал корпусом черные глыбы и вгрызся в ступени, примыкающие к одному из пилонов.

Я повернулся к Инквизитору, и кивнул в сторону машины.

- Ну и что вы об этом думаете инквизитор?
- Потрясающе, просто восхитительно, Мастер Строитель благословил это место. Без его указующей длани люди не смогли бы...
- Меня тоже заинтересовали местные достопримечательности, но я не об этом. Из той стены торчит цель нашего похода, но где же экипаж?
- Гаррет, вы вероятно забыли что у меня нет подобного устройства- инквизитор ткнул пальцем в сторону моего глаза. Мне абсолютно ничего не видно, давайте подойдем поближе.
- Разумно.

Освещение действительно отсутствовало. Свет вспыхнул лишь когда мы проходили мимо стены, составляющей основание для небольшой ложи, очевидно бывшей местом в Колизее, предназначенным для самого Императора Караз Дина. Кристаллы – светильники как обычно среагировали на движение образовав приличный освещенный участок, в который попал и бурильный механизм.

Машина была пуста. Экипаж отсутствовал, вокруг нашлось множество следов ног и просто горы стеклянных осколков. Предчувствие опасности усилилось многократно, я поправил за спиной лук и еле

сдерживался, чтобы не начать Скольжение. Инквизитор долго копался в недрах механизма, пока не вернулся с озабоченным лицом.

- Итак Гаррет. Машина собрана наспех, дня за два-три. Рассчитана на перевозку внутри себя четырнадцати человек и пятерых механиков, управляющих ею. Зачем им это понадобилось?
- Понадобилось, инквизитор. Они бежали. Вспомните краймена и посмотрите на следы. Шесть человек беспорядочно кружат на месте. Никто никуда не отходит, стараются держаться вместе. Никакого оружия. Самый отчетливый след ведет внутрь машины, значит, кто-то бежал туда последним. И исчез. Все исчезли.
- Куда, по-вашему?
- В никуда. Люди мечутся в панике, пытаются запустить машину, вот у этого люка. Подозреваю, что механизм вышел из строя, могла быть авария или поломка, я не разбираюсь в таких вещах. Они в ужасе - никто не отходит дальше, чем на восемь шагов. Потом все исчезают, последний пытается спастись добегают до рассыпанных осколков... О демоны!
- Что?
- Осколки! Проклятье, мы идиоты инквизитор, прячьтесь, быстрее!

Рамирез

Рамирез чувствовал себя весьма скверно. Последствия тяжелейшего похмелья накатывали волнами, то срывая нестерпимой болью виски, то насылая острые приступы дежавю. Это пугало и раздражало его невероятно. Больше всего приводили в бешенство фортели с памятью. Когда Рамирез сосредотачивался на посторонних вещах, например болтовне портного, кроющего его новый камзол, события прошедшей недели выстраивались в законченную картину. Встреча с Пэсли, работа с информатором, прогулка по Истпорту, потом нападение нищих, избивших его до полусмерти, наконец, его долгое восстановление в квартале язычников и согласие на сотрудничество с этой черт ее дери Викторией. В сущности он даже благодарен красавице за свою целую шкуру и несложная просьба ее будет выполнена, но...

Что-то тут не так. Интуиция подсказывала Рамирезу - он во что то вляпался. Больше всего бывший Заправила боялся, не выболтал ли он в бреду чего лишнего язычникам. Только вот попытки припомнить события между ограблением и выздоровлением наткнулись на мешанину тошнотворных образов в голове. Какие - то бормочущие кусты, вонючие мертвецы, замшелые камни, кровь смешанная с зеленой жижей, звенящие колокольчики и пронзительный холод. Плодами усилий становилась мигрень, сводящая зубы и гадостный привкус во рту. Свекольным спиртом меня лечили что - ли, черт их всех дери?

В конце концов, Рамирезу надоело кривляться в своей пробитой голове и Заправила решил заняться делами насущными. Он наведлся в гостиницу, где его ожидал неприятный сюрприз. Ключ от банковской ячейки пропал. Бледный Рамирез стоял у тайника в номере и пытался унять дрожь в руках. Только бы не Пэсли! Только бы не он! Если Блэкбрукский патрон доберется до содержимого сейфа - шиши пропало. Проклинаю себя за непредусмотрительность, он принялся лихорадочно собираться. Надо срочно встретиться с этим пропойцей, Ставром из банка и выяснить что к чему. Если ячейка пуста - бежать. Пэсли не простит Рамирезу его маленькой «страховки».

Рамирез вышел из номера и припустил в сторону Первого Городского Банка. Через полквартила сердце его ушло в пятки. Его определенно пасли. Взмощив, он петлял стараясь уйти от слежки, медленно уходя вглубь Аулдейла, надеясь что в верхнем городе его не прирежут прямо на улице. Рамирез старался держаться людных мест, но испуг на его лице стал настолько явным, что Городские Стражи начали с подозрением поглядывать на мечущегося человека. Чтобы не столкнуться нос к носу с одним из патрулей он нырнул за вывеску лавки со специями и в тот же момент чья - то сильная

рука втянула окаменевшего от ужаса Рамиреза внутрь помещения.

Резкая пощечина заставила бывшего Заправила прийти в себя.

- Рамирез что с вами? От каких демонов вы улепetyваете? – от шутивого тона говорящего у Рамиреза зашевелились волосы. Пэсли!

- П- п – простите, я вас не заметил – залепетал Рамирез.

- Полноте, как вы могли меня заметить, если я в лавке? – рассмеялся Пэсли.

Куда вы пропали Рамирез? Мои люди сбились с ног! У вас же полно работы... Хотя, возможно, вы решили отвергнуть мою дружбу? С вашей стороны это было бы... хм... несколько опрометчиво...

За время сотрудничества Рамирез успел достаточно изучить методы своего визави и с облегчением расслабился. Пэсли ничего не знает о компромате! Но чтобы не выдать себя резким перепадом настроения, Рамирез скорчил сумрачную физиономию и выдал вымученную улыбку. Вышло натурально.

- Пэсли вы меня до смерти перепугали. Меня чуть не грохнули на днях, нервы, сами понимаете...

- Возникли проблемы? Могу предложить помощь.

- Нет, нет, замахал руками Рамирез, - это мелочь, нищие совсем распоясались, представляете, срезали кошелек, не стоит вашего внимания.

- Отлично Рамирез. Не хотелось бы отвлекаться в такой ответственный момент. Сейчас ваши услуги нужны мне как никогда. Что вы думаете о торговле не совсем... хм... законным товаром?

- Контрабанда? Женщины или оружие? Я прокручивал немало дел в этой области, можете положиться на мой опыт и авторитет.

- Не совсем такой товар мой дорогой, не совсем. Введу вас в курс дела. Начнем с того что Барон мертв...

- Мертв? Но... я слышал о покушении, но оно провалилось...

- Не верьте всему что пишут в Городской Трибуне, Рамирез. Факт смерти Барона сокрыт от Города людьми, которых мы с вами недооценили с самого начала. Ваш, если позволите, Пруарт, начал сильно мешаться под ногами. Мало того Город незаметно переводят на военное положение, так еще мертвый Барон умудряется издавать поразительно прозорливые указы.

Это говорит о том, что нашему Шерифу... впрочем, будем называть вещи своими именами. Нашему Барону Пруарту известно о предстоящем вторжении и он активно ему противодействует.

- Пруарт захватил власть? Это немыслимо. Если довести это до членов Девяти Семей...

- Шо Семьи потребуют доказательств. Илбис Пруарт очень умный человек и пока ему удастся выворачиваться. Он не жаждет власти, Пруарт закостенелый альтруист и пытается удержать Город от краха, идя на чудовищный риск.

- А если отправить Пруарта вслед за Бароном?

- Тогда его соратники будут вынуждены обнародовать реальное положение вещей. К сожалению нашим с вами покровителям нужен специфический сценарий развития событий в Городе. Пруарта убирать нельзя. Надо действовать более тонко. Внешняя угроза может отодвинуть грызню за трон среди семей на второй план, сплотить горожан всплеском патриотизма. Наша задача – сгноить Город изнутри, а не устраивать затяжную войну. Вы же знаете историю, Рамирез, Город еще никто не завоевывал.

- Резонно.

- Так вот. Пруарт имеет свои глаза и уши везде. И финансирование нашей деятельности под угрозой срыва. Поэтому я задействовал запасной вариант. Контрабанда. Шерифу сейчас не до разборок с криминалом, и через этот канал мы можем отмывать приличные суммы.

- Чем конкретно я могу быть полезен?

- У меня есть несколько магазинов и лавочек по продаже специй. Ваша задача утроить их количество, особенно в Аулдейле. Специй должно хватить всем - Пэсли хищно улыбнулся.

- Аулдейл контролирует Городской Заправила Рапуто – проскрежетал зубами Рамирез.

- Знаю, знаю. У вас не самые теплые отношения. И мне кажется, вы хотели бы побеседовать с ним в уютной, теплой обстановке. Я думаю, пыточная Заправила Рапуто вас устроит.

- Вы хотите сказать... - встrepенулcя Рамирез.

- Именно так. Вы должны занять его место. Людей и золота у нас достаточно...

- Я готов начать немедленно!

- Чудно. Я рад, что вы сможете свести счеты с врагом, однако не забывайте о главном. Специи. Большие магазинов – ближе наша победа. Успехов вам Рамирез.

Проводив взглядом ушедшего Тэсли, Рамирез расхохотался. Злобный смех разогнал мошек, кружащихся над прилавком.

- Порежу на мееелкие куски- прошипел Рамирез себе под нос – самые самые мелкие...

Гаррет

Я скользнул в Шени. Инквизитор решил не удивляться и нырнул в недра бурильной установки. Я не очень - то рвался оберегать его от грядущей опасности, поэтому оценил благоразумие Молота. Этих фанатиков не разберешь. Еще рванет в бой во имя Строителя, а я трезво смотрю на вещи и исповедую главную заповедь Мастера вора - наблюдение в первую очередь. И я принялся наблюдать и оценивать ситуацию.

Насыпь из выработанной установкой породы перекрывала прямой обзор, и лишь по косвенным признакам я мог оценить количество приближающихся гостей. Шопот нескольких десятков ног, лягз доспехов, мечущиеся тени от множества факелов, неразборчивые резкие приказы, иногда резкие щелчки и сдавленные крики. Звук осыпающихся камней - волокут что то тяжелое. Вроде бы ничего странного.

Наконец показалась кавалькада из людей тащащих волоком огромные деревянные сундуки. Синие - золотая одежда, оружия нет... Механисты.

Очевидно Инквизитор даже не обладая усиленными чувствами, коими я располагаю, разглядел принадлежность прибывших к пропавшим Братьям. Он немедленно покинул свое укрытие, сделал серьезно - деловое лицо и бодрым шагом направился к ним. Первая четверка вдруг засуетилась, бросила ящик и отчаянно замахала руками. Инквизитор не мог слышать, что ему кричали Механисты, поэтому расценил их действия как приветствие и ускорила шаг.

Но я услышал. Поэтому, не выходя из Скольжения, постарался убраться подальше от проклятой бурильной машины и слиться с рисунком трещин на стене Колизея.

Мне оставалось лишь ожидать, пока из за насыпи появились они - истинные хозяева положения. Полоубнаженные тела атлетов, смуглая кожа блестит маслом, словно ее готовили к борцовскому поединку. Шнуровка сандалий обвивает ноги выше колен, скрываясь под белоснежной туникой обтягивающей бедра, стянутой на животе широким металлическим поясом, украшенным россыпью необработанных изумрудов. Мощные как ветви дуба руки защищали накладки из металла, точно повторяющие изгибы бицепсов и предплечий оставляя закрытыми подвижной броней даже локти. Пальцы, усыпанные массивными перстнями, крепко сжимали нечто, напоминающее копыя. Двухметровое древко оружия венчало искусно выполненное навершие, инкрустированное конусовидным необработанным кристаллом, очень похожим на элементарный но незнакомый мне, много больше и ярко-бирюзового цвета.

Но самым невероятным было другое. Закованная в броню верхняя часть груди переходила в подвижный панцирь из наложенных друг на друга пластинчатых колец, на том месте где должна находится голова. Постепенно сужающиеся кольца поднимались на приличную высоту, заставляя представить, что шея под панцирем имеет длину не меньше полутора локтей взрослого человека. Именно человека, потому что у ступивших на древний песок арены созданий оказались маленькие, с

два моих кулака головы птиц.

В неярком свете факелов существа нестерпимо сияли. Весь металл, в который они себя заковали, был золотом. Даже древки их оружия были вызолочены, а головы вообще казались полностью отлитыми из золотых слитков копьями черепов своих пернатых прообразов. И так же как у привычных птиц, они поворачивали их туда, куда смотрели. Это выглядело так естественно и знакомо, что я не сразу сообразил, в чем дело. А потом вспомнил. Рисунок Первоиерарха. Ночные кошмары Брианана стали реальностью.

Одновременно и стремительно существа бросились навстречу инквизитору. Надо отдать должное Молоту, он не испугался. Но это лишь усугубило положение. Орденец рванул вперед, на ходу разряжая самострел в атакующих. В ответ одно из существ прыгнуло, взлетев на высоту в три человеческих роста, перекувырнулось в воздухе и оказалось за спиной Инквизитора. Создание приземлилось, встав на пальцы правой ноги, согнутой в колене и вытянуло в сторону левую ногу, как это делают акробаты на рыночной площади. Еще в полете оно перехватило копье в руке, ухватив его за навершие, по широкой дуге крутануло древко вокруг себя и замерло как изваяние. Даже находясь спиной к Инквизитору, существо с ювелирной точностью попало Орденцу по лодыжкам. У Инквизитора подломились ноги, он вскрикнул от боли и рухнул прямо под ноги второму золотоголовому существу. Подняв свою миниатюрную голову оно заклекотало, и с такой силой опустило обутую в золотой сандалий ногу Инквизитору на затылок, что у того хрустнули позвонки.

В отчаянии несколько Механистов побежали к месту схватки, но существо над поверженным Орденцем развернулось в сторону бегущих и сделало выпад своим странным оружием. Кристалл-наконечник полыхнул, молнией сорвался с копья, и вонзился в грудь ближайшему человеку. Воздух разорвал оглушительный хлопок, и тело бедняги взорвалось россыпью стеклянных осколков. Вслед за людьми из тоннеля, с той же нечеловеческой скоростью вылетели еще несколько существ. Они были похожи на первых двух братьев за исключением гротескных серебряных пародий на собачьи морды вместо птичьих клювов, и доспехов того же металла. Вооруженные длинными бичами, они принялись наводить порядок в рядах Механистов, которых набралось уже десятка три. Пленных сбили в плотную толпу, туда же отволокли за ноги бесчувственного Инквизитора.

Сказать, что происходящее повергло меня в сильный шок - значит не сказать ничего. Я словно врос в камень и забыл даже о собственной безопасности. Чего не скажешь о птичьеголовых. Атаковавший Инквизитора, так и не поднялся. Он все еще простирался над песком, почти параллельно полу, копье в его вытянутой руке застыло и даже не покачивалось, хотя выглядело достаточно тяжелым. Только голова существа, медленно поворачивалась из стороны в сторону отыскивая возможную угрозу. И в какой-то момент, его взгляд, столкнулся с моим. Механический глаз все еще работал на приближение и я уставился прямо в два пылающих бриллианта зрачков существа. Свирепый холод охватил мое тело, заставил непроизвольно вздрогнуть, и в ответ на секундную слабость существо заметно подобралось, словно перед прыжком. Кристалл его оружия запульсировал в такт биению моего сердца. Существо не могло выхватить мой силуэт из теней, но явно ощущало мое присутствие и мой страх.

Я с трудом закрыл глаза и заставил себя расслабиться. Мой разум стал крепким как стальной клинок, эмоции отхлынули от меня как кровь по кровостоку. Тело превратилось в виноградную лозу обманувшую ветер. Я медленно перетек из положения в положение, переместился на несколько метров, растворяясь в причудливых тенях каменных глыб.

Существо несколько мгновений смотрело точку, где я скрывался минуту назад. Ярость его пылающих глаз потускнела, пульсация кристалла сбилась и затихла. Создание изящным движением приняло вертикальное положение, развернулось и двинулось к остальным. Внезапно его голова дернулась, как у совы, смотрящей себе за спину, глаза вновь вспыхнули. Оно выбросило руку с копьем и сорвавшийся с навершия кристалл взорвался в стене рядом со мной. Громадный известняковый блок покрывлся

коркой льда, толщиной с палец, которая тут же начала таять. Я замер, но противник резко потеряв всякий интерес со сноровкой атлета – бегуна, удалился, выкрикивая команды на незнакомом мне языке.

Надо бежать. Что бы здесь не происходило, меня это не касается. Я достаточно поучаствовал в божественных разборках, от них одни неприятности и никакой прибыли. Виктория хотела покоряться в загадках и странных вещах – вот ей, пожалуйста. Пусть собирает своих обкуренных шаманов и меряется авторитетом с этими золотоголовыми хоть до явления Мастера Строителя. Пока мой зад не поджаривают, я вполне могу допустить существование любых высших сил. Чем их больше – тем больше вероятность, что они перегрызут друг другу глотки за власть над сущим. Так что как говорят в Блэкбруке – адью. Механисты сами виноваты – надо было слушаться мамочку, а не психа Карраса – гляди и не замаливали бы грехи по подземельям. Инквизитора вот немного жаль, хороший человек, даром что Орденец. Но ведь какого демона ринулся в драку, кретин? Дождался бы тихо подкрепления с Орденскими магами и уж тогда вперед.

Я скользил поближе к выходу в тоннель в ожидании удобного момента для отступления. Толпа из людей и золотоголовых, превратилась наконец в организованную колонну и направилась в дальний конец Колизея, остановившись почти у самой бурильной машины. Там они остановились, принялись изучать нанесенные на колонны изображения и отдавать приказы серебряным братьям. У подножия стены появилось огромное, метра полтора в диаметре бронзовый диск, извлеченный из ящика. Потом один кивнул напарнику, они синхронно встали на одно колено и резко ударили копьями в пол. Очевидно в камне находились соответствующие отверстия, копья начали медленно погружаться в пол, пока не скрылись из виду. Только кристаллы – наверху, остались снаружи, пульсируя и сияя бирюзой. Пол задрожал, и участок стены между существами пополз вверх, открыв следующее помещение. В центре полукруглой комнаты, испещренной выбитыми на стенах и полу символами, оказался цилиндр с острым шипом торчащим вверх. "Птичий" встали с колен, приняли диск и одели его на шип. Диск загудел и пришел в движение.

Одно из существ направило раскрытую ладонь в сторону выбитых на стене надписей. Медленный речитатив наполнил помещение, рука золотоголового плыла над текстом, второй ладонью он проделывал сложные пассы в воздухе, в то время как его напарник водрузил на шип второй диск. Деревянный, изрезанный замысловатым орнаментом, чуть меньше в диаметре, но толщиной с мельничный жернов. Диск завертелся в обратном направлении, чуть покачиваясь на оси. Конструкция стала напоминать детский волчок со свистком внутри, увеличенный в размерах раз в пятьдесят.

Механисты, понукаемые бичами поставили к подножию «волчка» окованный медью продолговатый сундук. Птичьеголовый откинул крышку, и на свет появилось странное оружие. Бронзовый зазубренный серп на длинном позолоченном древке, инкрустированном невообразимым количеством драгоценных камней.

С гортанным воплем "птичий" воздел серп над головой, свободной рукой схватил за волосы Механиста и перерезал ему горло. Точнее разорвал. Сам вид ритуального оружия в руке золотоголового говорил, что серп создавали для нанесения таких ужасных ран. Дергающегося в агонии беднягу подняли над диском. Кровь хлынула из порванных артерий, на поверхности дерева вспыхнуло пламя. Вопли ужаса смешались с рычащим речитативом золотоголовых, режущих уже третьего извивающегося несчастного.

К действительности меня вернула прокушенная губа. Я тряхнул головой. Нет Гаррет. Путь свободен, надо сматываться. Кто тебе эти люди? Оставь их судьбе. Они, именно эти Механисты рыскали по

Энджелуотчу, чтобы нашить тебя стрелами. Именно эти люди сгноили Катти в одиночке Крагсклефта, именно они чуть не залили Город Фжавильным газом. Демоны тебя поберут Гаррет, какого рожна ты творишь?

Глаз настроился так, чтобы рамка прицела лука заполнило весь мир. Первая стрела, сорвавшись с тетивы, вонзилась в причьеголового с серпом. Шуда где у человека должно быть сердце. Не успел он упасть, как вторая пронзила его печень. Вали отсюда - кричал рассудок, ты стреляешь, ты выпал из скольжения, тебя видно! Шестеро с собачьими головами побросали хлысты, вытянули короткие, шириной с ладонь клинки и бросились ко мне. Слишком кучно ублюдки... Гримаса ярости исказила мое лицо, из горла вырвался крик, похожий на рычание. Загудел воздух, я оказался в кругу света от элементарного кристалла огня, венчающего следующую стрелу. Взрыв. Атакующую шестерку разметало. Четверо умерли мгновенно, изжарившись, двое принялись метаться по арене превратившись в живые факелы. Вдруг рядом со мной оказался золотоголовый. Своим копьем он переломил мой лук и отбросил меня на дюжину шагов. Я не искусный фехтовальщик, меня без труда одолеет рядовой мечник Городской Стражи, куда мне тягаться с пугающе быстрым золотоголовым. Но нет уроды, не сегодня. Я скользнул в тени, меч Константина покинул ножны. Оружие Хаоса и мрака последовало за хозяином в тень. Единственный клинок, которым можно сражаться, не выходя из Скольжения.

Глаза врага вспыхнули - он пытался высмотреть меня своим огненным взглядом. Его копье нацелилось в мою сторону, кристалл сорвался, чуть не задев плечо. Существо не видело меня, но явно обладало способностью ощущать мое присутствие в определенных границах пространства. Я сместился так, чтобы оказаться между существом и его сородичами. Попробуй теперь выстрели ублюдок! Он опустил копье и прыгнул в мою сторону очертя древком круг. Я скользил между черными глыбами по арене Колизея, уклонялся, швырял световые бомбы, чтобы сбить противника с толку, но существо отжимало меня ближе и ближе к освещенному месту проведения ритуала. Золотоголовый понял что ему не поймать меня в одиночку и сменил тактику. Он крикнул, указал рукой несколько точек на песке, и собачьи головы дисциплинировано заняли позиции. Длинные бичи, непрерывно рассекая воздух, замкнули кольцо, организованное золотоголовым. Я понял, что проигрываю и пошел в атаку на ближайшего противника, стремясь прорвать окружение. Темный меч отсекал мускулистую руку существа, на противоходе вонзился в горло его соседу, когда бич обвился вокруг моей лодыжки и я, выпав из Скольжения, рухнул в песок.

Поймавший меня победно взвыл, вытащил клинок и немедленно атаковал. **Что Гаррет нравится результат благородного порыва? Все равно всем хана.** Я сплюнул кровь, встал на ноги и приготовился к бою.

И тут противник превратился в ежа. Из его торса полезли десятки наконечников стрел. Воздух наполнился свистом и гудением огненных шаров. Я на песок арены сошли новые действующие лица. Из тоннеля в боевом строю, размахивая молотами, бежали воины Братства. Десятка четыре, закованных в полный кольчужный доспех, в бело - алых плащах, с символом Священного Молота на груди. Дружный хор десятков глоток воспевал боевой гимн - молитву Мастеру Строителю. Поверх голов воинов Ордена гудели в полете огненные шары заклинаний магов - священников и стрелы их пневматических арбалетов. Помощь пришла.

Оставшийся золотоголовый криком бросил в бой свой тающий на глазах отряд, а сам повернулся ко мне. Понимаешь ублюдок, что спета твоя песенка. Решил свести счеты со стариной Гарретом за неудачу? Ну ну, иди сюда урод.

Не обращая внимания на свистящие вокруг стрелы, существо взмахнуло посохом. А я, вспомнив давешний бой с крайменом, поднырнул под удар и ткнул в меч ему в живот. Удар ноги существа отшвырнул меня в комнату с бешено вращающимся диском. Демоны поберут, какой же он быстрый, я даже не успел разглядеть, как он прикрывался! Но все же я преуспел. В руке золотоголового осталась

лишь нижняя часть копья. С ревом ярости противник огляделся в поисках оружия. Взгляд его бриллиантовых глаз остановился на погруженное в пол копье его напарника. Через мгновение кристалл – навершие был направлен в мою сторону. Кристалл вспыхнул, но случайное заклинание священника – ордена обожгло золотоголовому плечо и существо промахнулось. Второй раз прицелиться ему не удалось. Лишенная последнего из магических ключей, многотонная, толщиной в четыре локтя каменная плита рухнула на место, скрывая от меня исход сражения.

РАМИРЕЗ

Когда часы на городской ратуше пробили полночь, Рубин закончил считать выручку. Очень и очень неплохо. Сырая погода подпортила товар и репутацию многих городских торговцев в этом году, а Рубин снимал сливки. И все его старушка – теща. Старая карга страдала приступами жесточайшего ревматизма, доводя до ручки домашних, но Рубин давным – давно заметил что суставы склочной ведьмы лучше всяких новомодных термометров Орденцев реагируют на изменения погоды. Поэтому сушеные связки Платьяниных цветов Рубина вовремя переключали с чердака в «зимнее» теплое и сухое хранилище в подвале. Там же в аккуратных бумажных коробках ждали своих покупателей корица, несколько сортов перца, толченый миндаль и множество других экзотических или привычных вкусам горожан специй и пряностей.

К Рубину несколько раз заглядывали незнакомые личности предлагая запрещенный к ввозу или нерастаможенный товар, но торговцу хватало своей репутации и аккуратности, чтобы не бедствовать без криминала. Впрочем, и за это приходилось платить. Рубин со вздохом отсчитал десятую долю выручки и сыпал золото в отдельный мешочек. Кастрацию нужно отчислять вовремя, люди Рапуто не понимают шуток, сгоревшие лавки несговорчивых конкурентов Рубина служили живым напоминанием тому, кто хозяин этой части Города.

Подвязав мешочек зеленой тесьмой, и запечатав ее концы сургучом, Рубин поднялся наверх. Скоро должны появиться люди Рапуто. Торговец отправил домашних по своим комнатам и принялся ждать, начищая прилавки от въевшихся разноцветных пятен рассыпанных специй.

Ровно без четверти час в дверь постучали. Рубин впустил посетителей. Трое тугов зашли в лавку, четвертый остался на улице следить за патрулями Стражи. Привычная процедура не занимала много времени. Росчерк пера в засаленной «ведомости», передача золота, немного специй сборщику кастрации и натянутая улыбка.

Когда посетители засобирались, Рубин услышал за окном тихое копошение и сдавленное мычание. Торговец не придавал значение шуму, мало ли пьяниц околачивается по ночам? Но туги резво вскричали, выхватив длинные кинжалы, и бросились к выходу. Одновременно дверь распахнулась и в лавку ввалилась толпа народу. Черно-фиолетовые камзолы, плоские шлемы, кольчужные рубахи. У Рубина подкосились ноги. «Челюсти!» Наемные охранники Бафффорда, безжалостные головорезы! Сноровисто работая короткими дубинками, «блэкджеками», наемники моментально вывели из строя тугов Рапуто, не получив в ответ и царапины. Бесчувственные тела выволокли на улицу.

Двое «челюстей» остались внутри, пропустив вперед странно знакомого Рубину человека. При виде его иссеченного мелкими шрамами лица и шаркающей походке торговцу резко захотелось в уборную.

Торговец застыл у прилавка, все еще сжимая в руках мокрую тряпку, и никак не мог решить, что делать дальше. Вся его семья была дома, и Рубин понял, что не вынесет их гибели. Даже старая карга теща не заслужила такого. Поэтому он поднял трясующийся от ужаса подбородок и со смешным вызовом посмотрел на гостя.

- С кем имею честь? Лавка закрыта, извините.

- Чья же это потрясающая лавка? – теплым и ласковым голосом спросил незванный посетитель.

- М-моя, Рубин Сингар, к вашим услугам.

- Вы ошибаетесь, уважаемый Рубин Сингар. С этой минуты это моя лавка. – в голосе вошедшего проскользнула интонация, по которой торговец понял что до уборной ему не добраться. – и вы будете

управлять ею так, как я пожелаю.

- Но...

- Ты не понял лавочник, Если ты – человек ткнул волосатым пальцем Рубину в грудь с такой силой, что торговец повалился на пол, - если ты не желаешь продавать МОИ специи и работать с МОИМ бухгалтером, то мне придется найти другого специалиста на твое место.

«Челюсти» у двери подались вперед, на ходу вытаскивая клинки. Лавочник часто-часто закивал, стараясь как можно убедительнее выразить свое согласие.

- Вот и славно. Если кто-нибудь не дай Строитель попробует оспорить мои права на торговлю, скажи им что Городской Заправила Рамирез, с удовольствием выслушает все возражения на этот счет. До завтра уважаемый Рубин Сингар.

С этими словами новые посетители ушли. Лавочник наконец вспомнил лицо заглянувшего к нему гостя, произнес вслух его имя и обмочился.

Рамирез очень тщательно спланировал сегодняшнюю ночь. «Челюсти» бросили Лорда Бафффорда, узнав сумму контракта, и перешли под его командование. К утру все лавочки и магазины, которыми заинтересовался Тэсли перейдут под контроль Рамиреза. Только торговый дом Шеменов оказал организованное сопротивление но Рамирез решил оставить их в покое – оружие и униформа его не интересовали. Опасения что люди Рапуто станут серьезной проблемой оказались напрасными – Заправила постарел, потерял хватку и его власть держалась больше на авторитете и взятках Городской Страже, чем на реальной силе. Часть тугов Рапуто, давно ропщущих на своего хозяина, увидев новые перспективы с радостью присягнули Рамирезу. Сам Рапуто заперся у себя в игорном доме «Укрепление Повелителя» с верными ему людьми, опасаясь за свою жизнь и даже не помышляя о сопротивлении. Ничего. Нужные веревочки уже натянуты, два- три дня и свой человек в окружении Рапуто, откроет нужную калиточку. Рамирез мог наслаждаться предвкушением расправы над своим мучителем и осознанием того что его снова боятся, как в старые добрые времена. Но это все мелочь не стоящая внимания. С каждым днем Рамирез чувствовал, что приближается момент истинного величия и истинной мести. Следующей ступенькой должна стать контрабанда пряностей из какого – то таинственного места, о чем Тэсли обещал поговорить при следующей встрече.

ТАРРЕПІ

РЕДАКТИРОВАНИЕ

Я сидел и пялился на вращающийся диск. Потому что больше заняться было не чем. Времени прошло достаточно, и если Орденцы смогли выяснить у Механистов способ подъема плиты, отделяющей меня от внешнего мира, то воспользоваться им явно не планировали. Братство достаточно консервативно в вопросах еретических ритуалов и скорее уничтожит все что противоречит догмам Мастера Строителя, чем поступиться своими принципами ради спасения шкуры какого-то там таффера. Выход надо искать самому, впрочем как всегда.

Я с криком поднялся с корточек, мышцы ныли, суставы ломило после боя. Содержимое диска все еще источало огонь, но пламя угасало с каждой минутой. Мой опыт подсказывал, что комната не являлась конечной целью золотоголовых. Я достаточно просидел в Библиотеке Хранителей за изучением ритуалов язычников и Орденцев, чтобы понять назначение диска. Кровавые жертвы редки даже у таинственного Ордена Виноградной Лозы – ответвления язычества, признающего Лорда Древо лишь как одного из целого пантеона высших сил. Кровью скрепляются договоры и печати. Договариваться тут явно не с кем а запечатанный колдовством скрытый проход, или по крайней мере хранилище, с чем то ценным, весьма вероятен.

Я начал простукивать известняковые стены. Монолит. Помещение явно вырублено прямо в скале, но вот правая сторона... Одна из трещин начинается от самого пола, закругляется, змеясь чуть выше моей головы поворачивает вниз и снова упирается в пол. Ставлю сто к одному что это

замаскированный ход из комнаты . Способ открыть передо мной- диск. Но золотоголовые вылили на него море крови без результата . По их поведению во время ритуала мне показалось что они сверяли действия с надписями на стенах. Что же изучим и их. Странный текст. Часть символов – языческие, часть неизвестные мне, некоторые знаки похожи на буквы современного «орденского» алфавита. Я вот эти интереснее. Похоже на элементы знакомых мне глифов. Первый Хранитель говорил мне , что все глифы состоят из отдельных частей. Можно попытаться «разобрать» известные мне иероглифы на составляющие и подбирать их значение по контексту кусков предложений , в который они входят. Начнем.

Я достал кинжал и начал расшифровку, выцарапывая понимаемые мной слова из алфавита Ордена и рун язычников, оставляя пробелы вместо неизвестных мне символов. Потом отдельно выписал знаки похожие на Глифы , и сам Глифы , пытаюсь соотнести их друг с другом.

Постепенно пробелы заполнялись, для удобства я записывал конечный текст рунами язычников , пока мне не открылся более- менее связный текст.

Стопами Н.лахотена выложен путь сей ибо (непонятно) для детей его (непонятно) он. Лишь четыре духа принесшии к трапезе его (непонятно) найти (непонятно). Один дух витает повсюду (непонятно) иные же поднеси в дар великому (непонятно). (Непонятно) помнит (непонятно) жизнью повелевает Н.лахотен и лишь живое вкушает он, а остальное (непонятно).

(Непонятно) все в блюде царя и ожидай.

Ну в принципе все ясно . Духи – это очевидно вода , воздух, огонь и земля. «Витает всюду» - воздух. Витает он будет недолго, потому что в замкнутом помещении нахожусь я и горит огонь. Огонь в свою очередь тоже присутствует. Земля в горшке. Вода. . . хм кровь? Натянута. И зачем тогда дерево. «Живое вкушает он» - живая вода? Из области сказок.

Начнем сначала. Что есть точно - огонь и воздух, тут ничего не придумаешь все очевидно и присутствует. Дух, то есть жизнь огня- в горении, жизнь земли. . . Может быть дерево – это жизнь земли? Язычники считают что дерево- живое существо. Допустим. Вода дает жизнь всем существам сама будучи неодушевленной субстанцией. Алхимики утверждают что человек вообще на две трети из воды состоит. . .

Но в таком случае все на месте. Особенно крови – от ее запаха уже голова кружится. Но стоп! В сущности же это кровь мертвецов. А если. . .

Я закатал рукав, сделал небольшой надрез на запястье , алая струйка побежала по пальцам, брызнув на диск. Звон заметно усилился и диск начал вращаться в возрастающей скоростью. Есть! Осталось только ждать.

Шли минуты, ничего не происходило. Я решил повнимательнее изучить дерево в горшке , но ухватить его оказалось непростой задачей- диск слишком широк. Тогда я достал стрелу – кошку , и попытался сбить горшок с растением. Кошка зацепилась за шип, моментально обмоталась вокруг него , я не успел разжать руки и оказался в центре бешено вращающегося диска.

Обычно центробежная сила выбрасывает предметы, но сейчас я запутался в веревке и крутился вместе с диском. Пытаясь освободиться я сбил с шипа горшок, неудачно повернулся , меня подбросило вверх, и я упал прямо на шип, усев выставить в тщетной попытке защититься от острого металла руку. Шип насквозь пронзил кисть, я только успел порадоваться, что она у меня деревянная, когда диск резко остановился и я полетел головой в стену. Перед ударом я успел с удивлением увидеть, что участок стены, обрамленный необычной, трещиной исчез.

Потирая ушибленный затылок, я покинул душную комнату с диском. Вид открывшийся мне заставил расхохотаться . Какого демона нужны все эти ритуалы и кровавые печати если скрываемое помещение имеет настолько хилые стены? Собственно от стен остались только участки кладки, похожие на гнилые зубы. Обвалившиеся от времени и землетрясений балки перекрытия превратили

стеллажи, обломки которых переполняли все пространство в сюрреалистичную паутину из металлических полос и трубок. Пол, выложенный причудливой мозаикой, изображавшей читающих предшественников, был засыпан истлевшей бумагой и крошащимися свитками пергамента. Определенно хранилище документов. Храмовый архив или что-то в этом роде. Хранители бы отгрызли себе руки, лишь бы оказаться здесь. Впрочем, содержимое может пролить свет на некоторые вопросы в области моего происхождения, а может быть и на проблемы, терзающее дражайшего Первосвященника Ордена Молота.

Свитки и книги покоящиеся прежде на стеллажах оказались безвозвратно утерянными. Значит и не особенно ценными. Какие-нибудь хроники или финансовые отчеты. Незачем создавать сложную систему доступа к ним. Значит надо поискать более надежные хранилища. Архивариусы хранят наиболее важные документы в специальных условиях. Например, Орденцы наполняют документами специальные сундуки, после чего откачивают из них воздух. Очень эффективно, но немного шумно при вскрытии...

То, что нужно я нашел скоро. В неглубоких нишах друг над другом затянутые паутиной, покоились два мраморных саркофага. Я разбил верхний об пол, под ноги мне вывалился ворох манускриптов. То мне – так ничего интересного, но я аккуратно уложил их в заплечную сумку – может быть Хранителям удастся их расшифровать. Во втором оказалась закованная в металл книга, открыть которую у меня не вышло. Конечно при наличии соответствующих инструментов... Похоже в сумку, книга явно представляет ценность, и, боюсь не только для меня. На металле очень реалистично отчеканена позолоченная птичья голова. Не за ней ли охотятся мои новые друзья? Пусть побудет у меня. Книга неуловимо источала что-то за пределами понимания и я завернул ее в специальную ткань, сплетенную из волокон цветов Шатъяны Иобобик. Шатъянины цветы впитывали магическую энергию и я пользовался сумкой при экспроприации и транспортировке колдовских предметов.

Упаковав находки, я отправился в путь. Интуиция подсказывала, что содержимое саркофагов и есть цель моего путешествия, настала пора выбираться отсюда. Я зашагал по вымощенной мрамором улице вдоль разрушенных зданий Караз Дина. Собственно дорога была единственной, Здания справа и слева строители предшественников вырубали в скале, а точнее в стенах неширокого каньона. Потоки лавы при извержении застывали пластами и укрыли каньон от поверхности и мне оставалось просто идти вперед. Квартал судя по виду был небогатый и рассчитывать на ценные находки не приходилось. Смущало меня одно. Даже при отсутствии осветительных кристаллов было довольно светло, как в ранних сумерках но источник света оставался для меня загадкой, пока я не заметил справа резкое движение. Я уже выхватил меч, приготовившись к схватке, и нырнул в скольжение. Но тут же убрал меч и начел ругаться на чем свет стоит. Меня испугало собственное отражение. Фухнувшая крыша здания оказалась покрытой медными листами, начищенными до зеркального состояния. Задумавшись, зачем зеркало на крыше я снова чертыхнулся и стукнул себя по лбу. Конечно! Освещение! Некоторые аристократы освещают подобным образом подсобные помещения в подвалах – система зеркал! Зеркало ловит солнечный луч, отражает его на другое зеркало, стоящее к первому под определенным углом, второе на третье и так далее. Слугам остается только менять положение первого зеркала в зависимости от положения солнца на небосклоне.

Настроение резко пошло в гору. Если сюда попадает солнечный свет, то существует окошко наружу, через которое я без труда выскользну по своим делам. Все – так удача – лучшее подспорье любому вору, подумал я, поглаживая пальцами Руку Славы – мой счастливый амулет с которым я расстался лишь раз – одолжив его на время Исситу – Попрошайке. Правда бедняге Исситу он не помог, Крагсклефт не место, в котором стоит уповать на удачу.

Очевидно улицу возводили , руководствуясь единым планом застройки. Ее конец, или если угодно , начало, венчала монументальная арка. Украшением ей служили две статуи золотоголовых, выполненные в натуральную величину. В вытянутых руках изваяния держали то самое «первое» зеркало в которое бил ослепительный луч солнца из широкого отверстия в потолке. Значит, я все-таки, ошибся. Видимо улица всегда находилась под землей , возможно тут селили рабов или гладиаторов , ограничив таким образом возможность их побега.

Так или иначе, пришлось возвращаться в комнату с диском за веревкой – кошкой. А когда я вновь подошел к арке, из тени с лязгом и дымом вышло Дитя Карраса.

Брат Каррас был гениальным ученым и механиком. Его интеллект блистал даже в рядах Братства Молота – среде выдающихся инженеров, светочей прогресса и технологий. Каррас в равной степени отдавал себя фундаментальной науке и практической реализации своих уникальных проектов. Он собрал вокруг себя одаренных подмастерьев Ордена и стал обучать чуть иначе, по-своему трактуя Догмы и Практикаты Молотов.

Тем временем фабрики Ордена, под руководством Карраса , наводнили Город невиданными вещами. Тонкие и сложные механизмы нашли свое применение во всех областях инфраструктуры Города, дома аристократов охранялись неподкупными механическими стражами , развлекали их затейливыми игрушками. Паровые машины совершенствовались и уменьшались в размерах, не теряя в мощности и производительности. Сложные станки, не знающие усталости, пришли на смену человеческим рукам, дав начало небывалому промышленному буму. Новые образцы оружия и взрывчатки позволили Барону вести более агрессивную внешнюю политику, затормозив экспансию жадных до полезных ископаемых и плодородных земель горюдов-соседей.

Авторитет и финансовая мощь Ордена Молота возросла неимоверно, Каррас заявил о реорганизации Ордена и изгнании консерваторов. Обновленный орден стал называться Братством Механистов, символ священного Молота сменила Божественная Шестерня. Новых послушников приучали к мысли что Каррас – посланец Мастера Строителя и проповедует его слово.

Но самые внимательные прихожане и члены ордена умеренного толка стали замечать что Брат Каррас , проповедуя, частенько путал себя с Мастером Строителем и позволял себе высказывания граничащие с ересью. Кроме того Каррас стал вести затворнический образ жизни, фактически заперев себя в Кафедральном Соборе Механистов.

А потом Каррас умер. Высшие сановники Ордена Молота заявили, что Каррас впал в ересь и Мастер Строитель покарал его смертью. Путем секретных переговоров между Первосвященником Маркандером и Бароном последнему объяснили , что Каррас пытался захватить власть в городе, уничтожив высшую аристократию опасным отравляющим веществом.

В действительности же Каррас просто сошел с ума, возомнив себя божеством . А посчитав, что главная проблема людей - сами люди , а его механизмы безупречны и святы решил уничтожить , не аристократию, а вообще все население города ржавильным газом. Химическим соединением, превращающим всю органику, с которой контактировал в горстки ржавчины.

И все же самым удивительным и сложным изобретением Карраса и Механистов были Дети Карраса. Ходячие видящие, слышащие , снабженные железными руками , а некоторые и разрушительным оружием механизмы на паровом ходу внушали ужас горожанам. Но при этом они оказались идеальными слугами , охранниками, грузчиками , оставаясь при этом безотказными исполнителями приказов своих хозяев. Чтобы прославлять учение Механистов они беспрестанно повторяли записанные заранее молитвы , начинающиеся со слов «Я дитя Карраса...» Поэтому механических слуг стали называть Детями Карраса. После смерти Карраса и предания Братства Механистов Анафеме, все Дети были уничтожены , сокрывающие их жестоко карались Инквизицией . Да и без надлежащего ухода и настройки механические слуги очень быстро приходили в негодность, попросту выходя их строя.

И вот теперь в руинах Карах Дина передо мной возвышалось самое грозное Дитя – боевой страж. Его бочкообразное тело, неуязвимое даже для огненных стрел скрывало в себе мощную паровую машину. Вместо трехпалых рук – хватов на меня смотрели жерла двух труб,метающих взрывающиеся ядра. Дитя поводило ими из стороны в сторону, вперившись в меня своими глазами на сильно вытянутой снизу вверх овальной голове. Выкрашенный в синий цвет механизм, усыпанный заклепками, выводными трубками, скрбами и приборами измерения возвышался передо мной не оставляя шансов на побег. Его глаза продукт той же технологии, что и мой механический орган зрения, видели меня в Скольжении так же, как и без него.

- Молотом строителя! Кого я вижу! - заговорил механический монстр, проявляя несвойственные машине иронические интонации. - это же знаменитый Гаррет! И потерянный Город в качестве места для свидания, уже во второй раз!

- Что тебе надо, железяка? - выдавил я, чувствуя себя полным идиотом.

- Ему от вас ничего не надо, рассмеялось Дитя, - видите рожок у него на плече, похожий на деталь граммофона? Я разговариваю с вами на расстоянии Гаррет, это называется передачей электрических импульсов по воздуху. Я лишен возможности перемещаться самостоятельно, поэтому избрал такой эксцентричный способ... Впрочем, пожалуй, вас интересует другое. Позвольте представиться, хотя мы и знакомы. Я Кавадор, координатор проекта Сетус и руководитель остатков Механистов в их нынешнем, печальном положении.

- Кавадор? Инквизитор говорил о вас и о несчастном случае...

- Все-таки прислали замену, жаль что поздновато. Гаррет, я думаю, вы ощущаете некоторый дискомфорт, общаясь через посредника. Не разделите ли вы трапезу со мной? Это недалеко, уверяю вас. К тому же вряд ли стоит покидать Потерянный город таким нецивилизованным способом как веревка. Я могу предложить вам более комфортабельный выход. Сей механизм проводит вас, решайтесь.

Можно подумать, у меня есть что-то перед таким аргументом как стальные ядра, подумал я, кивнув, и направился вслед чадающему черным дымом механизму.

ПТРУАРТ

- Илбис, тебе необходимо выспаться, - лейтенант Харвин положил руку на плечо своего друга, наставника и начальника. - работа с Бароном не пошла тебе на пользу, ты весь извелся.

- На том свете отоспимся, - фыркнул ПТруарт – с тем, что твориться в Городе мы скоро все там окажемся. Послушай Харвин, что все-таки твориться у тебя в Аулдейле? Я не сомневаюсь в твоей компетенции, но такой всплеск разборок...

- Ситуация не простая, Илбис. - лейтенант покачал головой, - имеет место быть раздел сфер влияния Городских Заправил. Рапуто почти легализовал свои дела, так, пара игорных заведений да кастрация с подконтрольных районов. Как бы нелепо это не звучало, он играл нам на руку. Шваль под ним сидела тише воды, ниже травы, туги почти превратились в официально оплачиваемую охрану. Проститутки мы оставили на откуп Ордену Молота, и они повывелись. Если не считать проституцией подкладывание собственных дочерей под сюзеренов низшим дворянством. В общем, все достаточно мирно...

- Что изменилось Харвин?

- Помните городского Заправилу Рамиреза, который исчез несколько лет назад? Вы еще запрашивали его личное дело после покушения на Барона?

Он снова в игре и изрядно мутит воду в Городе...

-Постойте, он же мертв! У меня есть его бумаги, он... шериф осекся. Нет, Харвину еще рано знать о смерти Барона и заговоре. Оказывается все не так просто.- он оставил завещание – продолжил Шруарт вслух

- И, тем не менее, это определенно он. Подмял под себя всю торговлю в Аулдейле и точит зубы на остальные районы. Заправила Вебстер пока ему не по зубам, но все меняется.

- Этот Вебстер у меня как кость в горле, -вздыхнул Шруарт- бедные кварталы, особенно проклятую Стену, вообще невозможно контролировать а все головорезы Заправила засели там как гвозди в заднице. Даже если все тамошние Стражи во главе с Шерифом и Инспектором покаются и перестанут жить на взятках, мы погрязнем в войне с нищими. Но демоны побери, чтобы вышвырнуть из Города все это ворье и рванье на месте Барона, я бы ввел войска.

-Я согласен с тобой Илбис, но мы не можем разорваться на части. И эти проклятые убийства.

- Черт подери, что заставляет приличных людей резать друг друга? Я и так понатыкал патрулей на каждом углу, а эти идиоты не унимаются. Представляешь, один завязавший медвежатник, ну ты помнишь его, Бассо – Шихтовщик, чуть не забил свою сестру до смерти! И прямо на глазах усиленного патруля! Только мое присутствие удержало Молотов от немедленной расправы. И теперь этот кретин сидит в квартальной тюрьме и рыдает не переставая. И так же, как все, ни черта не помнит, при том, что трезв, как стекло. Чувствуется мне, пора открывать Шейлбриджскую Колобелю, и забирать в эту Строителем забытую психушку за малейшие отклонения. Кстати Харвин займитесь-ка вот чем. Я написал официальную бумагу в Орден, относительно крестоправов, пускай Молоты пересмотрят их дела. Нам нужны квалифицированные доктора для оценки действий спонтанных убийц. И ради Строителя проследите, чтобы амнистировали настоящих крестоправов. Послушать Орден, так всех докторов можно сажать за ересь без суда и следствия. И пусть Инквизиторы не пытаются откупиться от договоренностей жуликами и шарлатанами.

- Будет сделано Шериф. И все же я считаю, что тут не обошлось без колдовства.

-Это исключено Харвин. Лейтенант Мосли имеет надежных информаторов среди язычников, она совершенно уверена, что пэгань тут не причем. К тому же среди убийц есть несколько крестьян – язычников, это отводит подозрения, хоть и до определенной степени.

- А как быть с Фамирезом?

- Знаете Харвин, Фамирез проходит у Барона по весьма специфическому делу. Не садитесь на него до моего приказа. Пожалуй, я займусь Заправилой лично. И вот еще что. Соберите совет Шерифов послезавтра. Нужно вплотную заняться покушением на Барона. И начинайте подбирать людей для внедрения в Семь Семей. Сдается мне, они тоже приложили ко всему этому свои аристократические лапы.

- Так точно Шруарт. И все же...

-Да Харвин?

- Ты бы поспал Илбис, ночь на дворе...

- На том свете отоспимся.

Оба офицера рассеялись, обменялись крепким дружеским рукопожатием и вернулись к неотложным делам.

Гаррет

Все в этом мире скрывает второе дно. Люди абсолютно всегда имеют ввиду не то, что думают, будь это дружеская беседа или собрание политиков. Покупатели никогда не знают до конца, адекватна ли цена качеству товара. Совершенно невозможно предположить, что означает объятия женщины – истинную любовь или утонченную месть. Непроступные замки пронизаны артериями водоводов,

стоков, сетями позабытых подземных ходов, построенных предками страдающими паранойей. Человеку с моим жизненным опытом и профессией не составляет труда пересечь Город, из конца в конец, используя, например, инженерные постройки Департамента Общественных работ. Подобные помещения редко посещаются, ими правят грохочущие духи механизмов. Сегодня мне суждено было встретить божество, повелевающее этими духами.

В своих владениях Кавадор проделал поистине титаническую работу. Об изначальном назначении помещения, вырубленного в скале Предшественниками, оставалось только догадываться. Кавадор расширил прямоугольный зал, смонтировал стеллажи из стальных поперечин, разделивших помещение на несколько сегментов, практически не оставляя проходов. К стеллажам было прикручено всевозможное оборудование. Сложные, многоуровневые конвейеры сплошным потоком перемещали между гудящими станками разнообразные детали. Заготовки штамповались, сверлились, надстраивались, скреплялись между собой с помощью мощных болтов и аккуратных заклепок, калились в печах, омывались кислотами. Для производства алхимикатов развернулась целая лаборатория. Реагенты кипели, охлаждались, возгонялись, смешивались, образуя в воздухе желтоватый туман, разрывающий легкие. Электрические разряды грохотали в этой непроглядной взвеси, придавая помещению вид преисподней.

Но не грешники трудились тут, отрабатывая прижизненные проступки. У рычагов, переключателей и стеклянных колб сновали механические Дети.

Мало похожие на создания Карраса, модернизированные для осуществления специально поставленных задач они сновали в этом стальном муравейнике, растопырив во все стороны рабочие конечности. Грохот, свист, жужжание, лязг, шипение наполняющее пространство, не шли не в какое сравнение, даже с шумом фабрик Ордена Молота.

Мой живой глаз моментально начал слезиться, удушливый туман обжег легкие и я зашелся в приступе жестокого кашля.

- Простите Гаррет, - раздался искусственно усиленный голос, - я не ожидал посетителей. Дыхательная маска для вас уже собрана, мои ассистенты принесут ее с минуты на минуту.

Стальной бочонок на паучьих ногах выскочил из металлических недр и подал мне маску. Устройство было незнакомым, но по его виду я сразу понял, как им пользоваться. Я натянул маску на голову как кожаный чулок, так чтобы глаза смотрели через прямоугольное стекло и вдохнул. Дышалось с некоторым усилием, незнакомый материал стянул кожу, но маска делала свое дело - ядовитый алхимический туман не проникал сквозь нее, цилиндр висящий на длинном хоботе каким то образом очищал воздух.

- Теперь гораздо лучше, не правда ли Гаррет? Вы можете говорить, не прилагая усилий, я услышу ваш голос, используя другое устройство.

- Я предпочитаю видеть собеседника...

- вполне понимаю вас, однако мой нынешний вид может показаться вам несколько отталкивающим.

- Ничего страшного Кавадор. В учебном заведении, отнявшем у меня лучшие годы жизни, готовили отнюдь не благородных девиц, склонных к обморокам.

К тому же я крайне утомлен созерцанием местных красот и предпочел бы как можно скорее увидеть кварталы нашего старого доброго Города. Я подозреваю, что вы планируете довести до моих ушей некую просьбу. Надеюсь, она не будет столь же обременительной сколь соответствующая плата за ее исполнение с вашей стороны.

- Идите вдоль желтой линии на полу Гаррет. Вы правы, мне от вас кое-что нужно. Это вас совершенно не обременит. Вот вы и пришли.

- Но я вас не вижу, проклятый туман...

- Поднимите голову будьте любезны.

Я последовал совету и взглянул на Кавадора. Да, пожалуй, от столь отталкивающего зрелища перекосялся бы и взрослый мужчина. От человека в Кавадоре осталось немного. Голова, облаченная в дыхательную маску, да туловище. Вместо рук механист поднял в приветственном жесте сложные манипуляторы, оканчивающиеся множеством подвижных пальцев, способных выполнять одновременно множество различных задач. Шело оказалось заковано в сложный корсет, снабженный массой измерительных приборов. Низ живота отсутствовал, замененный сплетением невероятного количества гибких трубок, по которым в организм Кавадора закачивались разноцветные жидкости и газы из стеклянных сосудов и бронзовых баллонов. Вокруг чавакающей и сокращающейся массы сновала прислуга этого механического императора, подливая, закачивая, заменяя, прикручивая все что давало жизнь Кавадору.

Подвижность его в определенных пределах обеспечивалась системой блоков, цепных передач, шестеренок других незнакомых мне способов. Каждое движение сопровождалось шипением выбрасываемого пара и воздуха, отчего искусственные конечности этого подобия человека дергались, перемещались с резкими рывками и наклонами.

- Я предупреждал вас Гарриет, - рассмеялся Кавадор, - понимаю ваше отвращение. Но перед вами будущее. После взрыва, покалеченный, я оказался никому не нужен. Слава Строителю, что мне удалось найти укромное место для своих изысканий в тайне ото всех, и собрать достаточно слуг, без которых я не смог бы сконструировать и собрать мое нынешнее тело. К сожалению, мне пришлось убить механистов, доставивших меня сюда. Нет, нет. Я уверен, что вы не последуете их примеру, не станете вопить о ереси, и пытаться прирезать меня за мои маленькие слабости. Я ученый, Гарриет. Тут я могу заниматься наукой, не отвлекаясь ни на что. Конечно, мне повезло. В отличие от Карраса я сумел отыскать геотермальные генераторы Предшественников. Его ошибка состояла в том, что он объяснял непонятные ему законы мироздания божественным вмешательством. А я обосновываю свои гипотезы с точки зрения фундаментальной науки. Посмотрите туда Гарриет. Эти трубы уходят в недра вулкана, неся в себе воду, и возвращаясь паром. Пар крутит лопасти турбин, вырабатывающих электричество. Дармовой, вечный источник энергии. Отсюда можно обеспечить весь Город. Но, боюсь, Орден Молота не позволит использовать ресурсы, противоречащие их догмам. И тем не менее, за всем этим будущее. Рано или поздно люди наверху поймут это. Скорее всего, к тому времени меня не будет в живых, все ухищрения лишь продлят мои дни, не более того. Вы появились тут Гарриет, первый и вероятно последний из людей. В этих журналах результаты моих научных изысканий и варианты практических воплощений некоторых принципов. Я хочу, чтобы вы вынесли записи на поверхность и решили, кому их передать. Или спрятать. Орден гарантировано уничтожит их, как и язычники. Светские власти не имеют потенциала для их понимания. Остаются только Хранители. Не удивляйтесь моей осведомленности. Аналитика – моя страсть, а архивы Ордена полны фактов, которые Молоты отказываются понимать. Наверняка Хранители спрячут и засекретят мои дневники, ведь они способны нарушить их пресловутый баланс. Но, по крайней мере не сожгут. А со временем...

Что касается платы за ваше беспокойство, то она в этих же журналах. Думаю, Барон щедро заплатит за чертежи некоторых видов оружия. Только ради Строителя не вздумайте продать кому-нибудь формулы газов. Известный вам Ржавильный не должен попасть в руки властолюбивых людей.

- Так это вы создали Ржавильный газ?

- Не вижу в этом ничего зазорного. Изначально Некротический Мутокс предназначался для уничтожения сорняков. Остаточные вещества великолепно удобряют почву. Кто мог предположить, что Каррас увидит в безобидном и полезном для агрономов соединении, оружие массового умерщвления.

- Интересный оборот.

- Я рад, что вы меня понимаете. Возьмите журналы и ступайте себе. Мои слуги проводят вас к выходу.

- Одну минуточку, Кавадор. Мне показалось, вы сказали, что я появился тут первыми вероятно последним из людей. Значит, тут бывали. Хм. Не совсем люди?

- У вас блестящий ум, простите уж за лесть. Выход, через который я собираюсь вывести вас наверх нашел не я. Несколько недель назад какие-то странные существа и субъекты в балахонах, уж не знаю их видовую принадлежность, выволокли из Потерянного города внушительных размеров кристалл.
- Существа имели птичьи головы, а кристалл был ярко - бирюзового цвета?
- Вижу, вы их встречали раньше, именно так.
- Проклятье! Мне нужно срочно попасть в Город, Кавадор.
- Я вас несколько не задерживаю. Удачи вам Гаррет.
- Она мне понадобится, прощайте.

Гаррет.

Я выбрался на поверхность несколько западнее Города, недалеко от Старой дороги, ведущей к рудникам. Ею перестали пользоваться сразу после постройки узкоколейной ветки для вагонеток, лежащей чуть южнее. Ветка пролегла до самого Крагсклефта и визитной карточкой ее стали два огромных колеса по обе стороны. Паровые станции наматывали на колеса тяжелые стальные тросы, сцепленные с вереницей вагонеток, подтягивающие составы с рудой к разгрузочным платформам. Заметив движущиеся в сторону Города вагонетки, я раздумывал не долго. Наступающие сумерки и накрапывающий дождь обещали превратить то, что раньше называлось дорогой в непролазное месиво. Поэтому, запахнувшись в плащ, я догнал состав и запрыгнул в вагонетку.

После безумных гонок и маханий мечом в Караз Дине, я смертельно устал, а небольшая пробежка к рельсам совершенно меня доконала. Усевшись на гряде породы, я подобрал ноги и погрузился в мечты о теплой уютной постели, пышущих жаром яствах и источающих аромат винах. Впрочем, какие к демонам вина?! Я вполне заслужил бутылку биделбонга к ужину, не меньше. Я старался не заснуть, анализируя последние события, пытаюсь выстроить их в логическую цепочку, но мысли все равно уходили, подсовывая картины королевской трапезы. В итоге я махнул рукой и сосредоточился на том, чтобы не проехать мимо Города в сторону Крагсклефта. Служить у Ордена мальчишкой на побегушках – это больше не ко мне. А уж если они найдут меня в прибывшей тележке...

Ровный перестук колес все же заставил меня уснуть. Разбудила чья-то рука, ощупывающая мою лодыжку. Совершенно инстинктивно, я выхватил кинжал, схватил незнакомца за капюшон и приставил холодное лезвие к его горлу. И через мгновение я уже ржал как сумасшедший. Прижатый мною к вагонетке, путаясь в ногах, семенил Бақлуша. Я спрятал оружие и соскочил на землю, продолжая хохотать.

- Демоны тебя поберут, Бақлуша, - сквозь слезы проговорил я, - ты не пробовал устроиться городским привратником? Не знаю как прочие горожане, но первое что вижу я, возвращаясь в Город, это твоя прыщавая рожа. Какого черта ты забыл в тележке Ордена?

- Фух, Гаррет. Чего ты все время меня пугаешь? Ну нельзя так в самом деле! Бақлуша наклонился, оперев руки в колени, пытаясь отдышаться. Проводив состав разочарованным взглядом, он добавил, - ты мне все дело испортил, Гаррет.

- Ладно, пойдём, расскажешь по дороге. И вот возьми сумку, у меня уже плечи деревянные.

... и тогда я узнал, что информация стоит не так уж дорого. Так что камешек мне пригодился. Я обменял его у Бессердечного Лэрри на золото, и купил вот это!

Мы сидели в моем пристанище на Южном квартале и наслаждались едой. Я хотел отправить Бақлушу восвояси, но тащиться в таверну за снэдьё самому было лень, и мне пришлось выслушивать его рассказы.

- Ну-ка дай посмотреть, что тебе всучил пройдоха Гелланд.

- Это секретный приказ, согласно которому Молоты обязаны перевозить золотую руду в вагончиках, присыпая ее сырым железом. Никто ведь не догадается верно?

Бақлуша самодовольно заложил ногу за ногу, скрестил руки перед собой и соорудил многозначительную мину.

- Ты же не умеешь читать, остолоп...

- Зато брат Иссита – попросишь, учишься грамоте, когда работал в старой лавке у Рубина, на Претвье улице. Он мне прочитал за золотой. Я все предусмотрел.

Я развернул потрепанный листок, прочитал несколько строк и снова зашелся в хохоте. Бақлуша непонимающе уставился на меня и бросил подозрительный взгляд на бумагу.

- Что то не так? Брат Иссита что-то напутал?

- Да тут напутаешь. Кто, говоришь, писал приказ? Первосвященник? «Возонетка» - это ладно, но вот «запрягать золото, чтобы воры не уперли, да ложить глубже, подниз» это просто шедевр!

- А че такого? – обиделся Бақлуша.

- Да ниче, братец. Я слишком устал, чтобы объяснять тебе очевидные для нормальных людей вещи. Тебя облапошили, Бақлуша. В следующий раз, если надо будет прочитать что-то, стоимостью больше пяти золотых, обращайся ко мне. На худой конец к Бассо, меня вечно где-то носит.

Бақлуша помрачнел и насунился. Я встал, хлопнул его по плечу и зевнул.

- Надо мне выспаться, пожалуйста. Давай, шуриши восвояси и никому не говори про эти твои писульки. Засмеют.

- Да я не о том, - отмахнулся Бақлуша, - мне вечно не везет. Легко пришло, легко ушло, не страшно. Шолько вот Бассо...

- Продолжай, - увидев мрачную мину шестерки, я забеспокоился.

- Шут такое дело Гаррет. Бассо в Городской тюрьме...

- Какого черта? Он же завязал!

- Да нет, ты не понял. Бассо здорово порезал Крисси. Прямо на глазах у Стражей. Я сам не видел, но люди говорят, у него просто крыша поехала...

- Бассо порезал сестру? – я просто обалдел от такой новости – она жива?

- Да вроде нормально она. Я встречался с Крисси. Шеперь ходит в платье с рукавами. Очень шрамы страшные Гаррет, очень. Но заявлять она не стала, все плакала, тебя спрашивала.

- Бақлуша, кретин, что ты мне суешь всякое дерьмо под нос, когда твориться Спаситель знает что? Беги к ней, мухой! Передай, к утру буду.

- Ладно, ладно не нервничай Гаррет, я все сделаю.

- Катись отсюда, - я пинком выгнал Бақлушу, и захлопнул дверь с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка.

Я подошел к столу, отшвырнул неоткрытую бутылку биделбонга и присел, спрятав лицо в ладонях.

- Что ты натворил дружище. Что же ты наделал.

Бассо в беде. Единственный в этом проклятом Городе близкий мне человек в большой беде. Пора предъявить должок Шруарту за бумаги Фамиреза. Впервые в жизни я пойду встречаться с Шерифом добровольно, да еще и днем. Что ж, Пора посмотреть как клоака, засасывающая лучших людей, и называемая Городом выглядит в лучах солнца.